

W 2.37
716

МИРОВОЙ ФАШИЗМ

СБОРНИК СТАТЕЙ

под редакцией
Н. МЕЩЕРЯКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Мировой фашизм

СБОРНИК

Под редакцией Н. МЕНЩЕРЯКОВА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз № 4844. Главлит. № 7751. Москва. Печ. 10.000 экз.

Типо-Литография Т-ва „Печатня Яковлева“, аренд. 30 тит. М. С. П. Х.
Петровка, Салтыковский пер., д. № 9. Тел. 11-65.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Движение, известное под именем фашизма, зародилось в Италии. Здесь же фашизм принял наиболее организованные формы, наиболее ярко проявил себя и приобрел наибольшее влияние на ход общественной жизни. В Италии, наконец, фашизм, именно, как таковой, захватил в свои руки государственную власть. Поэтому многие думают, что фашизм есть только чисто итальянское явление, что в других странах фашизм или совсем не существует, или существует только в зародыше.

Но это мнение решительно неверно. Неумолимо надвигающаяся мировая пролетарская революция наводит ужас на буржуазию. Буржуазия готова на все, чтобы отстоять свою власть, которая дает ей право и возможность эксплуатировать трудящиеся массы. Старая государственная машина, работавшая для защиты эксплуататорских привилегий буржуазии под флагом демократии, отказывается служить далее. Быстро революционизирующиеся народные массы перестают верить в демократию. Они теряют уважение к буржуазной „законности“. В ответ на это буржуазия также отбрасывает ненужный ей более флаг „демократии“, отбрасывает ненужную ей более и стесняющую ее действия „законность“, формирует свою чисто классовую милицию, которая путем самых

беззаконных деяний, террором старается запугать рабочих и выбить из них всякую мысль о революции. Одним словом, взамен старой „демократии“, игравшей роль „лисьего хвоста“, буржуазия стремится установить самую явную, не прикрытую никаким флером, диктатуру буржуазии. Разуверившись в пользе лисьего хвоста, буржуазия открыто показывает трудящимся свою вооруженную острыми зубами волчью пасть.

Фашизм есть последнее средство, за которое хватается буржуазия, чтобы остановить неумолимо надвигающуюся пролетарскую революцию. Фашизм есть продукт страха буржуазии перед этой революцией. А так как революция назревает во всех странах, в которых существует капитализм, то и фашизм в виде уже сформировавшихся организаций или в виде зародышей — существует повсюду. За исключением стран советских, в Европе нет ни одной страны, в которой, в той или в другой форме, не существовал бы фашизм. Весь мир распадается на два лагеря — коммунистический и фашистский. Фашизм, таким образом, становится одним из важнейших явлений общественной жизни. Всякий, кто хочет понимать ход этой жизни, а тем более принимать в ней активное участие, должен знать существо фашизма, его цели, его тактику. В особенности важно это для коммуниста, ибо фашизм — неумолимый, непримиримый противник коммунизма. А такого противника необходимо хорошо изучить, чтобы успешно бороться против него.

А между тем у нас не существует почти никаких книг о фашизме! Имеется правда, книга т. Г. Сандомирского „Фашизм“. Но эта, очень ценная по обилию материалов книга, касается только итальянского фашизма. О фашизме в других

странах т. Сандомирский говорит очень бегло в одной небольшой главе, да и с тем, что он говорит в ней, не всегда можно согласиться. Кроме того, книга т. Сандомирского была написана в октябре—ноябре 1922 г. Она говорит, поэтому, о фашизме до захвата им власти. Материал, характеризующий фашизм, как правительство, в ней совсем не учтен.

К 1 мая 1923 г. в издании Государственного Издательства вышел небольшой сборник „Фашизм в Италии“, заключающий в себе статьи т. Серрати и Н. Мещерякова.

О фашизме в других странах в русской литературе нет ни одной книги. Есть только 2 — 3 статьи в журналах, да в газетах помещаются время от времени небольшие заметки (а чаще телеграммы) о различных выступлениях фашистов то в той, то в другой стране. Но по этим небольшим заметкам невозможно составить представление об общем движении и развитии фашизма в мировом масштабе.

Это отсутствие литературы по такому важному вопросу, как мировой фашизм, и побудило Государственное Издательство приступить к изданию предлагаемого сборника.

Различные статьи сборника написаны различными авторами. Но все они проникнуты единой мыслью, единым взглядом на фашизм. Все авторы рассматривают это движение, как орудие крупной буржуазии, как проявление ее диктатуры над приходящим в революционное движение пролетариатом.

Исключение составляет одна только статья т. Н. И. Иорданского об итальянском фашизме. Взгляды т. Н. И. Иорданского на фашизм во многом в корне расходятся со взглядами остальных

авторов и со взглядами редактора сборника. Тем не менее мы помещаем ее на-ряду с другой статьей о том же итальянском фашизме, чтобы познакомить читателей и с этим пониманием фашизма.

В сборнике помещены статьи о фашизме во многих европейских странах, но, к сожалению, не во всех. Задуман сборник был гораздо шире. Но ряд различных причин помешал некоторым авторам, изъявившим готовность дать свои статьи, выполнить свои обещания. Поэтому мы не имели возможности дать картину фашизма в ряде стран, которые были намечены в первоначальной программе. Можно было бы, конечно, восполнить этот недостаток путем заказа новых статей, но это значительно задержало бы выход книги. Но эта задержка была очень нежелательна ввиду актуальности вопроса о мировом фашизме и важности дать возможно скорее хотя бы и не совсем полную картину этого движения. Это и побудило Издательство поспешить с выпуском книги хотя бы и не в том полном объеме, который сперва предполагался.

Н. Мещеряков.

Последняя форма буржуазной диктатуры *).

Н. Л. Мещерякова.

Происхождение фашизма.

Происхождение фашизма обыкновенно связывают с мировой империалистической войной. „Итальянский фашизм, по общему мнению его врагов и друзей,—говорит т. Сандомирский в своей интересной книге „Фашизм“**),—является продуктом мировой войны, вернее, пережитком, последышем этой войны“. В этом мнении есть, конечно, зерно истины, но во всяком случае роль войны в вопросе о возникновении итальянского фашизма сильно преувеличивается.

Когда в Италии шла борьба по вопросу о вступлении Италии в войну, подавляющие массы населения из среды трудящихся классов реши-

*) Статья эта была напечатана в недавно появившемся сборнике „Фашизм в Италии“. В настоящем сборнике она перепечатывается в значительно дополненном виде.

**) Герм. Сандомирский. „Фашизм“, стр. 20.

тельно стояли за мир. Войны хотела только малочисленная часть буржуазии: те группы, которые надёялись извлечь для себя выгоду из войны. Этим шовинистическим группам необходимо было внушить народу мысль, что и за ними идут и их поддерживают многочисленные народные массы. Надо было создать свою вполне послушную организацию, во главе которой были бы люди, имена которых были известны в рабочих кругах, как имена старых и влиятельных вождей рабочих. А таковых можно было найти только среди социалистов и притом социалистов, революционно настроенных. Организации, которая имела задачей подчинить рабочих влиянию буржуазии, сделать из пролетариата орудие буржуазии, надо было придать хотя бы по видимости революционный характер. Задачу создания такой организации взял на себя ряд изменников делу пролетариата во главе с одним из вождей „левой“ части итальянской социалистической партии — Бенито Муссолини, одним из редакторов центрального органа партии — газеты „Аванти“ („Вперед“).

Но за Муссолини последовала только группа интеллигентов. Основная масса партии, ее ядро — рабочие — осталась попрежнему противницей войны. Муссолини был исключен из социалистической партии. Тогда он с помощью буржуазных покровителей основал свою газету „Пополо д'Италия“ („Итальянский народ“). Газета эта называла себя „социалистической“.

Силы этой организации, созданной изменниками социализма, были невелики. Этот недостаток силы нужно было восполнить демагогией, крикливостью и бесцеремонностью выступлений, чтобы показать видимость силы. Никакого риска такой образ действий не представлял, ибо позади Муссолини и его банд стояла поддерживавшая его буржуазия, держащая в своих руках государственную власть.

Для характеристики вождей фашизма интересно отметить некоторые детали. Муссолини был одно время политическим эмигрантом. Но причины эмиграции были совсем не политического характера: Муссолини уклонялся от воинской повинности (попросту, Муссолини был дезертиром, который прикрывал это дезертирство высокими принципами — нежеланием служить в буржуазной армии). Тем большее впечатление на легковверных простаков должен был произвести тот факт, что Муссолини добровольно вступил в ряды армии во время войны. Муссолини был даже ранен во время войны. Этот подвиг, эту рану фашисты прокричали на весь мир. Но тем не менее, на фронте Муссолини не был. Дезертир остался дезертиром. Он все время оставался в тылу. Муссолини, получивший чин капитана, обучал однажды солдат обращению с бомбами. От неумелого обращения одна из бомб преждевременно взорвалась, и Муссолини был ранен. Тут все характерно. Бутафорский социалист создал бутафорскую организацию, стал бутафорским солдатом, был награжден бутафорским

чином и получил бутафорскую рану. Фашизм начался как характерный, сплошной, гнусный фарс, хотя и кровавый. Эту смесь грязи, фарса и крови мы найдем и во всей дальнейшей истории фашизма.

Война окончилась победой Антанты, в составе которой была и Италия. Но Италия была одной из слабых держав Антанты. Когда дело дошло до дележа добычи, ее обделили. Итальянским империалистам хотелось захватить в свои руки все побережье Адриатического моря и положить этим начало „Великой Италии“. Антанта не согласилась выделить Италии такую крупную долю добычи, ибо это повело бы к тому, что Юго-Славия была бы отрезана от моря. Это создало бы недовольство Юго-Славии и толкнуло бы ее в ряды противников Антанты, тогда как Антанта старалась создать для себя в срединной Европе ряд послушных вассалов, ряд своих наемников. Италии хотелось получить для себя лакомый, жирный кусок в Малой Азии. Но на эти куски бросали жадные взгляды Англия и Франция; они не хотели уступить этой богатой добычи. Да и невыгодно было для Англии и Франции слишком большое усиление Италии, которая выступила бы их соперником и на политической, и на экономической арене. Антанта отказалась выполнить все итальянские требования. Италия почувствовала себя обиженной, обделенной. Мечты итальянской буржуазии усиленным грабежом после победы

если не залечить все раны, то хотя бы замазать их, оказались неосуществимыми.

С другой стороны, положение внутри страны после окончания войны было тяжелым. Италия была этой войной страшно разорена. Государственный долг дошел до громадных размеров. Государственные доходы не покрывали расходов, в результате чего задолженность росла из месяца в месяц, изо дня в день. Курс бумажной лиры падал, а вместе с тем превращались в призрак все накопленные сбережения мелкой буржуазии и интеллигенции, все ранее приобретенные ими титулы на доходы. Эти средние слои, на которые всегда опиралась крупная буржуазия, из которых она стремилась всегда создать свое „голосующее стадо“, разлагались; среди них росло недовольство, которое могло толкнуть их в лагерь революции.

Демобилизация армии также создала много затруднений. Демобилизованные рабочие и интеллигенты не находили работы. Среди них росло недовольство, которое могло толкнуть их в лагерь революции. Пример русских рабочих, которые свергли власть буржуазии, был заразителен для трудящихся Италии. Имена Ленина и Троцкого стали самыми популярными именами в Италии. Сила революционного движения быстро нарастала.

Перед итальянской буржуазией встала задача отвлечь от себя нараставший гнев народа, направить силу революционного потока на свою

мельницу, использовать его в своих целях. Надо было вовлечь в свое русло все те мелко-буржуазные и интеллигентские элементы, которых тяжелое положение толкало в лагерь революции.

Для выполнения этой задачи буржуазия решила использовать того же Бенито Муссолини и того же поэта д'Аннунцио, которые уже раз оказали ей крупную услугу в деле пропаганды идеи вступления в войну. А Муссолини и д'Аннунцио так скомпрометировали себя во время войны в глазах народа, что их народ стал бы рассматривать, как главных виновников войны. Им надо было оправдать себя в глазах народа. Нужно было внушить ему мысль, что война дала бы народу очень много, если бы победа не была испорчена врагами Италии. Надо было внушить народным массам, что они должны не протестовать против войны, а вести дальнейшую борьбу до тех пор, пока все плоды победы не окажутся в руках Италии, т.-е. в руках итальянской буржуазии.

Д'Аннунцио начинает в это время формировать свои авантюристические „легионы“, которые ставят своей целью отнять у Юго-Славии город Фиуме — важный порт на берегу Адриатического моря. А Муссолини приступает к организации „фашистских“, в которых он группирует демобилизованных, бывших участников войны.

Классовый состав фашистской партии.

Кто же идет в эти „фашии“?

Прежде всего буржуазия и интеллигентская молодежь. На эту молодежь война подействовала развращающе. „Она привыкла на войне — говорит т. Сандомирский — к паразитическому существованию; ей захотелось продолжить этот образ жизни, когда война окончилась... Слишком энергичные юноши, которым приходилось снять оружие, чтобы за прилавком или конторкой тянуть отныне ляжку весьма прозаического прозябания, готовы были предпочесть все, что угодно, столь мрачной перспективе. Чтобы остаться „военными“, чтобы так или иначе „выделиться“ из толпы, из массы равных им по социальному положению людей, они готовы были на любое политическое ренегатство“. Эта буржуазная и мелко-буржуазная молодежь до сих пор составляет одну из наиболее многочисленных групп итальянского фашизма *). По анкете, произведенной самими фашистами на их III конгрессе

*) Вот как т. Г. Сандомирский описывает толпу фашистов, с которыми ему пришлось столкнуться во время его пребывания в Италии весной 1922 года:

„Тут впервые, лицом к лицу, увидел я банду этих молодых хулиганов, сеющих панику, убийства и разбой по лицу всей многострадальной Италии. Их было несколько десятков. По внешнему виду все—учающаяся молодежь и, во всяком случае, все подростки лет 17—18, с гордостью носящие симво-

(в ноябре 1921 года), из 151.644 опрошенных оказалось:

Лиц либеральных профессий.....	9.981
Частных служащих	14.989
Государственных служащих	7.208
Учителей	1.680
Учащихся	19.783

Итого 53.641 человек. Все эти категории нужно отнести к буржуазной или мелко-буржуазной интеллигенции. Таким образом на долю этой интеллигенции приходится 53.641 человек из 151.644, т.-е. свыше трети (35,4%).

Во время войны промышленность Италии работала полным темпом на нужды войны. После окончания войны нужно было перевести эту военную промышленность на мирное производство. Сделать это быстро было невозможно. Многие фабрики и заводы закрывались; рабочие оставались без работы. Без работы оставались и рабочие, возвращавшиеся из демобилизованной армии. Среди них росло недовольство. Более сознательные эле-

лические черные рубашки и особые значки. В руках у них были толстые палки (оружие обычно прячется в карманах)... Я увидел ряд наглых, беззащитных, раскрасневшихся от волнения, по большей части, безусых физиономий, весьма напоминающих хулиганские лица нашей — печальной памяти — «академической молодежи», срывавшей студенческие забастовки и занимавшейся доношением на своих товарищей. Разницы — никакой».

менты устремлялись в быстро нараставший поток революционного движения. Менее сознательные знали только, что во времена войны фабрики и заводы работали, отказа рабочим не было, заработки были высоки. Они не думали об общих нуждах рабочего класса, о классовой борьбе пролетариата, о его конечных целях. Личный интерес, желание иметь работу и заработок—вот что руководило ими. Эти элементы легко поддавались шовинистической агитации фашистов и националистов типа д'Аннунцио. Они верили, что промышленность и торговля Италии пышно разовьются, если осуществить националистический идеал „Великой Италии“, если захватить Фиуме и т. п. Они готовы были для достижения этих целей поддерживать идею новой войны, тем более, что война поведет к новому подъему военной промышленности и даст им—безработным—работу и высокие заработки.

У еще более деклассированных элементов пролетариата, граничащих с босьями, и у самих босяков (лumpенпролетариат) сюда присоединялось еще желание прямо пойти на содержание к фашистам или к националистам и получать средства к жизни, не выполняя никакой работы: ведь каждый рабочий, вступающий в фашистские наемные отряды, получает жалование, равное приблизительно прожиточному минимуму данной местности.

В результате всех этих побуждений значительные кадры лумпенпролетариев и даже некоторая

часть наименее сознательных рабочих охотно записывались в легионы д'Аннунцио и в фашистские наемные отряды. По упомянутой выше анкете ноября 1921 года среди 151.644 членов фашистских организаций числилось:

Индустриальных рабочих....	23.418
Моряков.....	1.506
Сельско-хозяйств рабочих....	33.847

Цифры эти относятся к 1921 году, когда социалистическое движение пользовалось в Италии громадным влиянием и когда главные массы пролетариата примыкали к этому движению. Временное поражение и приостановка революционного движения и бешеный натиск капитала временно оттолкнули от этого движения наименее сознательные рабочие массы, а переход власти в руки фашистов позволил последним усилить привлечение к себе этих малосознательных или деклассированных элементов всяческими подачками, подкупом, запугиванием и т. п. Поэтому процент рабочих и босяцких элементов в рядах фашистских организаций за последнее время—в особенности за время пребывания фашистов у власти—сильно возрос.

Это наличие значительного количества lumpen-пролетарских (босяцких) элементов в рядах фашизма, и в особенности в рядах его боевых отрядов,—ибо lumpenпролетарии годны только для этих отрядов,—придает этим отрядам и их действиям тот ярко-хулиганский характер, которым они от-

личаются. Впрочем, и буржуазная и интеллигентская молодежь мало чем уступает боснякам на почве этого хулиганства, а, может быть, даже и превосходит их.

Приведенные выше цифры показывают, что в рядах фашистов было 33.487 сельско-хозяйственных рабочих. Многие из них еще недавно были самостоятельными хозяевами-крестьянами. Война лишила их сбережений, а послевоенный кризис окончательно разорил их. Этот послевоенный период характеризуется в Италии сильным развитием кооперативного движения. Потребительские городские кооперативы стремились понизить цены на продукты питания, вырабатываемые и продаваемые крестьянами. Поэтому разоряющиеся крестьяне именно в этих кооперативах и в находящейся с ними в тесной связи социалистической партии усмотрели своих главных врагов. Для борьбы с кооперативами и с рабочими-социалистами они и вступали в фашистские организации. Этой ненавистью к кооперативам и объясняются отчасти те дикие зверства, которые проявляют фашисты в разрушении этих кооперативов. Немалую роль при этом играет и желание поживиться грабежом, скрывая этот грабеж разрушением и уничтожением всего того, что не удалось разграбить.

Впрочем, крупное число сельско-хозяйственных рабочих в рядах фашистских организаций объясняется также и тем, что фашисты загоняют

насилъно этих рабочих в свои ряды, угрожая им за неповиновение буквально смертью.

Во главе всех этих элементов, составляющих рядовую армию фашизма, стоит его штаб, вдохновляющий фашизм на его подвиги и дающий ему материальные средства. Этот штаб состоит из буржуазии и из помещиков. Из упомянутой выше анкеты ноября 1921 года мы видим, что в фашистских организациях в то время числилось:

Купцов	13.878
Заводчиков и фабрикантов ..	4.269
Помещиков	18.084

Итого 36.231 чел. из 151.644, т.-е. почти четверть всего состава партии (24%). А если принять во внимание, что среди „лиц либеральных профессий“, „частных служащих“ и „государственных служащих“, число которых, как мы видели, достигло у фашистов 32.178 человек (21,2%), имелось также немало таких, которые по своему происхождению, по своим связям, по образу жизни, по своему миросозерцанию вполне входили в категорию чисто-буржуазных элементов,—то мы увидим, что в рядах фашистов в 1921 году около трети всех членов принадлежали к разряду буржуазии *).

*) „Фашизм — говорит т. Сандомирский в своей книге—финансируется и банкирами, и заводчиками, и торговцами, и помещиками, и владельцами пароходных или железнодорожных компаний“.

В рядах фашистов в 1921 году состояло:

Буржуазии (купцов, заводчиков и фабрикантов).....	18.147
Рабочих.....	23.418

Число рабочих и буржуа в партии фашистов почти одинаково.

Помещиков	18.084
Сельско-хозяйственных рабочих ...	33.847

На одного помещика в рядах фашистов приходилось менее 2 сельско-хозяйственных рабочих.

Эти цифры вполне достаточно рисуют характер фашистского движения. Это—чисто буржуазно-помещичья организация, в распоряжении которой находятся темные массы несознательных промышленных и сельско-хозяйственных рабочих и крестьян, лумпенпролетариев и мелко-буржуазной молодежи. Эти массы должны играть и играют роль того народа, именем которого прикрывается стоящая во главе фашизма буржуазия, направляющая все движение по своей воле. Этим рабочим и крестьянским элементам чуждо пока понимание общности своих классовых интересов. Лучшие из них находятся пока все еще под влиянием чисто-буржуазной идеологии и добросовестно защищают интересы буржуазии и помещиков, наивно принимая их за интересы всего народа. Худшие элементы руководятся просто стре-

млением к легкой жизни, к грабежу, к насилию. Вся эта армия не может не быть вполне послушным орудием в руках буржуазных заправил фашизма.

Идеология фашизма.

Вождь итальянского фашизма—Бенито Муссолини — был ранее одним из довольно видных вождей итальянского социализма. Народные массы привыкли верить социалистам; поэтому Муссолини и был для итальянской буржуазии вполне подходящим человеком для того, чтобы обморочивать народ во время войны и первое время после ее окончания. Первое время Муссолини и старался сохранить свою социалистическую маску; он продолжал выдавать себя за социалиста. Но война ребром поставила все вопросы; она до последней степени обострила противоречия интересов имущих и неимущих классов. Долго прикрываться маской социализма при таких условиях фашизму было невозможно. Да и самый классовый состав фашистской партии, как мы видели, носил такой ярко-буржуазный характер, что истинная буржуазная сущность фашизма должна была скоро выявиться.

Но буржуазные заправилы фашизма пошли на это не сразу. Долгое время они еще пытались прикрыть эту свою чисто-буржуазную сущность и свои цели—защиту интересов буржуазии против ее классовых противников—стремлением фашизма,

стоя вне партий, защищать общенациональные интересы. „Нужно было — говорит в своей книге т. Сандомирский — как можно искуснее замаскировать свою социальную ненависть к трудящимся массам трескучими и лживыми фразами из обычного арсенала патриотического жаргона. На первых порах фашизм и пытался завоевать себе право гражданства в Италии под прикрытием лозунгов, объединяющих якобы интересы всех итальянцев в области внешней политики, закутавшись в плащ защитника общенародных интересов. Нужно было... ловко обманув рабочие массы проповедью общих интересов, посеять среди них раздор и ненависть и отвлечь их внимание от их непосредственного врага — итальянских помещиков, фабрикантов и банкиров“.

Уже на первом фашистском конгрессе во Флоренции Муссолини выставил, как один из пунктов своей программы, стремление к тому, чтобы Италия взяла на себя в области международной политики задачу установления равновесия и примирения всех других европейских держав. Другими словами это означает, что Италии должно принадлежать первенство в концерте европейских держав, что она должна стать на первое место среди этих держав.

Это стремление создать из современной разоренной войной Италии „Великую Италию“ выразилось в том, что фашисты поддерживали опереточную авантюру д'Аннуцио в Фиуме, кричали

о необходимости усиления Италии, как колониальной державы, и вели бешеную борьбу против Нитти и Джиолитти за то, что те, сознавая недостаточность сил Италии, занимали уступчивую позицию по отношению к более могущественным, чем Италия,—Франции, Англии и Соединенным Штатам. Но ничего реального из этой патриотической шумихи не выходило. Зато этим патриотическим шумом итальянская буржуазия ловко прикрывала создание своей послушной организации, которая нужна была ей совсем для другой цели. Фашизм был нужен итальянской буржуазии не как опора в борьбе против притязаний империалистов других стран, а как орудие в борьбе против итальянского пролетариата.

* * *

Мировая война 1914—1918 годов во всем мире вызвала кризис империализма. Результатом войны было колоссальное расточение богатств, которое особенно чувствительно и тяжело было для стран бедных, для стран с сравнительно слабо развитой промышленностью, к числу которых принадлежит и Италия.

Кто же должен был уплатить эти издержки войны? Каждая общественная группа, каждый класс старался сбросить со своих плеч бремя этих издержек и переложить их на другие классы, возложить на других страшно возросшее

бремя государственных расходов. Противоречия классовых интересов страшно обострились. А вместе с тем для каждого класса стало более важным, чем когда-либо, обеспечить за собой влияние на государственную машину, чтобы, опираясь на все ее силы, на весь ее аппарат, защищать свои.

Одни страны, — более могущественные или обладавшие более сильной, более развитой промышленностью, как Франция, Англия, Соединенные Штаты, — могли надеяться и пытались переложить бремя военного разорения на другие страны — Италия не принадлежала к их числу: у нее не было для этого ни достаточно сильной военной мощи, ни достаточно сильно развитой промышленности. А вдобавок Австрия, которая могла стать единственным объектом грабежа со стороны Италии; не могла доставить для этого достаточного количества ресурсов. Поэтому в Италии сильнее, чем где-либо, должно было проявиться обострение классовых противоречий и обострение классовой борьбы. В Италии кризис капитализма должен был проявиться в наиболее острых формах. Банкротство капитализма сказалось здесь особенно ярко.

И действительно, мы видим в Италии с 1919 года сильное обострение классовой борьбы. Революционное настроение итальянского пролетариата растет в это время несказанно быстро. „С начала 1919 года — говорит итальянский анархист

Л. Фаббри *) — началось (в Италии) какое-то светопредставление. На площадях Италии стали собираться десятки и сотни тысяч людей. Социалистическая и революционная пресса захватывала все большее влияния. Подписка на левые издания достигла цифр, ранее казавшихся сказочными. Пролетарские партии—особенно социалистическая—а также производственные союзы становились необычайно многочисленными. Все говорили о революции, и на самом деле революции было обеспечено большинство; сами противники готовы были примириться с ней. Выборы в ноябре 1919 года, протекавшие под максималистскими лозунгами, увеличили вчетверо число социалистических депутатов и подорвали окончательно значение партий, стоявших за войну. Успех социализма достиг высшей точки“.

Что могла противопоставить буржуазия этому росту революционного настроения? Силу старой государственной машины, опиравшейся на армию, полицию, жандармерию, на суд, на законы, силу государства, действовавшего не от имени класса, а от имени всего народа, не во имя интересов одного класса, а во имя интересов всего народа, силу буржуазного государства, действовавшего под флагом демократии? До войны это государство пользовалось в глазах всех граждан громадным уважением и авторитетом. Буржуазия

*) Цитирую по книге г. Сандовирского „Фашизм“, стр. 64—65.

стояла прочно. Она, казалось, была полна жизненных сил. Для простых обывателей буржуазный строй представлялся навеки ненарушимым. Смешно и безумно было для обывателя думать о низвержении этого строя, даже о неповиновении ему. Только одни социалисты, которые представлялись обывателю беспокойными фантазерами, могли питать такие мечты. Да и для большинства социалистов того времени социализм представлялся каким-то далеким-далеким идеалом, а отнюдь не вопросом, стоящим в порядке дня. Ведя социалистическую пропаганду, социалисты того времени были насквозь пропитаны буржуазным мирозерцанием, они сами были глубоко убеждены в прочности буржуазного строя еще на долгие времена; они сами преклонялись и благоговели перед буржуазным государством, в особенности если оно было украшено флагом буржуазной „демократии“. Они повиновались этому государству не только за страх, но и за совесть. Армия, например, была для них не только орудием угнетения эксплуатируемых слоев населения буржуазией и землевладельцами; они думали, что эта армия призвана охранять и защищать отечество от нападения со стороны врагов. Даже полиция казалась им охранительницей не только буржуазного порядка, но и вообще порядка. Как ни насмешливо, как ни враждебно относились подчас социалисты к полиции, в глубине души они чувствовали к ней глубокое уважение, ибо не только в глазах

обывателя, но даже и для большинства рабочих, для большинства социалистов, какой-нибудь агент полиции представлялся не только воплощением грубого насилия, но и агентом власти „демократического“ государства. Этот агент был страшен не своим оружием, не своей палкой, а всей той силой, которая находилась в руках буржуазного государства.

Каждый агент этого государства был, так сказать, носителем, эмблемой этой власти. Нелепо было в глазах обывателя оказывать серьезное сопротивление этому агенту, ибо в случае такого серьезного, длительного сопротивления, государство обрушилось бы всей своей мощью на дерзкого нарушителя крепкого общественного порядка.

Но после войны все это резко изменилось. Буржуазному строю был нанесен смертельный удар. Этот строй еще жив, но силы его надорваны, дни его сочтены. Социализм стоит теперь перед трудящимися не как отдаленный идеал, а как вопрос текущего дня. Революционное движение повсюду быстро растет, а вместе с тем приобретает и действительно революционные формы. Старая „демократия“ повсюду становится банкротом. Этому флагу никто более не верит.

В особенности быстрое и бурное развитие получило рабочее революционное движение в Италии в период с 1919 по осень 1920 года. В это время в Италии происходит знаменитое движение захвата фабрик и заводов рабочими. Капиталисты и их

агенты изгоняются с их собственных фабрик. Грубо нарушается не в теории, а в жизни „священное“ право буржуазной собственности. Буржуазное государство видит все это и не решается бросить против дерзких революционеров-рабочих свою вооруженную силу, ибо оно уже не рассчитывает на эту силу. Оно боится, что армия, состоящая из тех же трудящихся, может стать на сторону рабочих и обратить свое оружие против буржуазии. Важнейшее оружие выпадает из рук буржуазного государства. Вместе с тем приходит в расстройство и вся буржуазная государственная машина. Послушные, до сих пор эксплуатируемые классы—пролетариат и крестьянство—теряют уважение к этой машине. Если они еще повинуются ей, то только за страх, а отнюдь не за совесть. Положение буржуазии становится страшно неустойчивым. Она повисает в воздухе. Грозный меч революции занесен над нею.

Летом 1920 года взрыв пролетарской революции в Италии кажется неминуемым. Рабочие массы сами рвутся к борьбе, и буржуазия не имеет никакой серьезной силы, которую она могла бы противопоставить им. Без указания вождей рабочие захватывают фабрики и заводы; крестьяне также захватывают имения помещиков, а буржуазное государство молча смотрит на это. Можно с уверенностью сказать, что, если бы итальянская социалистическая партия обнаружила в то время достаточную революционность и решительность,

если бы она стала во главе движения и от захвата отдельных фабрик и заводов повела бы его к захвату государственной власти, то захват этой власти пролетариатом был бы в Италии в то время обеспечен.

Но итальянские социалисты не обнаружили этой решимости. Их правые, оппортунистические элементы старались потушить революционное движение. Господствовавшие в партии центристские элементы испугались и не решались стать во главе движения. Коммунисты были в то время еще слишком малочисленны и не могли овладеть всем движением. Предоставленные самим себе и лишённые руководства рабочие массы не могли централизовать движение и перевести его от захвата фабрик на высшую ступень — к захвату власти. Движение уперлось в тупик и замерло, почувствовав свое временное поражение.

Буржуазия на этот раз была спасена. Но урок ей был дан серьезный. Она почувствовала серьезность положения и лихорадочно стала приспосабливать то оружие для борьбы против пролетариата, которое она начала готовить еще ранее этого.

Этим оружием был для нее фашизм.

Широкие народные массы потеряли веру в демократию, под прикрытием которой буржуазия устанавливала по существу свою диктатуру. Демократия, конечно, несколько стесняла действие этой диктатуры, но зато она оказывала буржуазии

большие услуги в деле одурачения народных масс. Буржуазия держалась за демократию, пока та была полезна для нее. Но как только трудящиеся разглядели сущность демократии и потеряли веру в нее, демократия потеряла всякое значение для буржуазии: она стала для нее только обузой, стесняющей свободу ее действий. И буржуазия отбрасывает повсюду этот старый демократический флер. Скрытую диктатуру она заменяет явной, ничем не прикрытой диктатурой класса. Ярче всего это проявляется в Италии, где классовая борьба достигла наибольшей остроты и ожесточения.

Но создать сразу новую чисто-классовую государственную машину взамен прежней „демократической“ — невозможно. Для этого нужно время. А обстоятельства не давали времени для такой работы. Положение дел было слишком угрожающим для буржуазии. Надо было поэтому немедленно создать какую-нибудь силу, которая взяла бы на себя дело охраны интересов буржуазии от натиска восстающего пролетариата.

До тех пор, пока идеи демократии не были еще сильно скомпрометированы, фашизм также заигрывал с этими идеями. Некоторое время Муссолини и другие, перекочевавшие в ряды фашизма, изменники социализма продолжали называть себя социалистами, прикрывались еще социалистическим знаменем.

Позже, когда итальянский пролетариат всей массой своей начал становиться на сторону соци-

ализма, а противоречия интересов буржуазии и пролетариата сильно обострились, для Муссолини оказалось невозможным продолжать обманывать рабочих своей социалистической маской. И фашизм сбрасывает ее, пытаясь все-таки некоторое время сохранить маску внеклассового демократизма, маску защиты общенациональных интересов, маску защиты интересов „Великой Италии“. Но, несмотря на все крики, на всю шумиху фашистов и националистов, классовая борьба внутри Италии растет и обостряется. Рабочие массы не поддаются опьянению националистическими лозунгами, а соседи Италии этого шума не боятся. Ненужной становится таким образом и одежда национализма, в которую рядился фашизм. Обстоятельства требуют у буржуазии, чтобы она немедленно использовала фашизм как орудие в борьбе против восстающего пролетариата и поднимающегося за ним крестьянства. Демократические же одежды и условности только стесняют в борьбе. Поэтому фашизм отбрасывает их и предстает во всей своей отвратительной обнаженности, открыто и прямо выявляя свою сущность, как орудия в руках буржуазии против пролетариата.

„Фашизм чувствует в себе самом достаточно силы, чтобы преподавать марксизму или ленинизму уроки права, политической экономии, морали и философии истории“— пишет фашист П. Горголини в своей книге „Фашизм в жизни Италии“ *).

*) Цитирую по книге т. Г. Савдомирского „Фашизм“.

„Фашизм — синоним анти-коллективизма и анти-диктатуры пролетариата“ — признается он в той же книге.

Старая государственная машина оказалась ненадежным орудием в руках буржуазии. И буржуазия, не стесняясь ничем, немедленно создала себе новое оружие в лице фашизма, которое прекрасно заработало в ее руках. Правда, это очень грубое оружие; это — дубина хулигана-громилы. Но буржуазия этим не шокируется. В жестокой гражданской войне она отбрасывает всякую щепетильность.

Фашизм — это чисто классовая организация буржуазии. „Фашизм — милиция класса“ — метко говорит де-Фалько.

В широких массах пролетариата и крестьянства исчезло уважение к буржуазной законности. Итальянская буржуазия также отбрасывает мысль о соблюдении законности. Проповедь законности она предоставляет социал-предателям II Интернационала. А сама она, нарушая всякую законность, без колебаний устанавливает по отношению к своим классовым противникам — пролетариату и крестьянству — режим самой неприкрытой, беспощадной диктатуры и самого разнузданного, жестокого, кровавого террора.

II фашисты имеют смелость открыто признавать, что в своей борьбе против пролетариата и крестьянства они не считаются ни с какой демократией, ни с каким законом. „Фашистами — пишет

в своей книге фашист А. Церболис *) — совершены акты чрезвычайного насилия; они убивали и ранили своих противников, поджигали и разрушали биржи труда, кружки левых организаций, срывали знамена и эмблемы, отправляли в различные местности карательные экспедиции, унижали (избивали палками и истязали — поясняет т. Сандомирский) пропагандистов, муниципальных советников и депутатов-социалистов и т. д. и т. д.“

В своей борьбе за восстановление и укрепление пошатнувшихся прав итальянской буржуазии и итальянских помещиков фашизм не останавливался ни перед чем. Он буквально залил кровью улицы городов и поля Италии и сделал из этой цветущей страны несчастнейшую страну всего мира.

Террор фашистов.

В книге т. Сандомирского „Фашизм“ имеется целая глава, посвященная описанию насилий и разрушений, произведенных фашистами. Отсылая интересующегося вопросом к этой книге, которую еще раз рекомендуем читателю, приведем из нее несколько выписок, рисующих картины зверства и варварства, проявляемых фашистами в их борьбе против рабочих и крестьян, осмеливающихся вступить в борьбу против своих эксплуататоров.

*) Цитирую по книге т. Г. Сандомирского „Фашизм“, стр. 78.

„Особенно жестокое подавление аграрного движения имело место в Болонье и Ферраре, где впервые фашисты выступили в роли цепных псов землевладельцев. Сражение разыгралось вслед за тем, когда движение городского пролетариата 1920 г. было задавлено провокацией и насилием. По утверждению авторитетных лиц, Болонская провинция, в результате войны фашистов с местным крестьянством, понесла убытки, исчисляемые в 500.000.000 лир.

„За Болоньей и Феррарой последовала очередь других провинций, испытавших на себе всю прелесть карательных экспедиций, сожженных деревень, разрушенных организаций, убитых или изгнанных вождей. Фашистские организации густой сетью покрыли всю сельскохозяйственную Италию и проникли даже в такие провинции, где классовая борьба протекала, до их появления, в мирных формах. О результатах их деятельности можно судить по тому, что в целом ряде провинций их „фашии“ начали за последнее время вводить... крепостное право. Терроризированное трудящееся население, отброшенное к средневековью, не протестует, платит налагаемые на него поборы и живет в полном рабстве у местных фашистских ячеек (piculei).

„Чтобы не быть голословным, приведем из фашистских источников опубликованные депутатом Дугони условия, навязанные фашистами в Мантуйской провинции местным крестьянам

и регулирующие деятельность деревенских лиц. Здесь следует отметить, что Мантуя принадлежит к тем провинциям, в которых, до появления фашистов, аграрная борьба не носила насильственного характера.

„Вот эти условия целиком:

„1) Каждое собрание лиги может происходить только в присутствии четырех делегатов местных фашистских организаций, которые будут контролировать ход и содержание дискуссий.

„2) Все обязаны также вступить в состав местных „фаший“, без права подвергать обсуждению их устав или программу. Удостоверения, полученные от всеобщей Конфедерации Труда, должны быть возвращены.

„3) Никто не будет допущен к работе, если у него не будет удостоверения от местной „фашии“

„4) Камера найма и распределения труда может функционировать лишь при условии, если все служащие ее будут набраны из местных фашистов.

„5) Рабочий день устанавливается в 10 часов, из коих 8 оплачиваются, а остальные 2 часа идут в пользу фашистских союзов.

„6) Всем земледельцам не-фашистам, как-то: мелким собственникам, исполщикам, мелким арендаторам и т. д., предписывается пользоваться лишь машинами, принадлежащими фашистским организациям, и нанимать машинистов только из числа состоящих членами тех же организаций.

„За неисполнение приведенных нами предписаний виновным угрожали поджогами их жилищ и проч.“.

Далее т. Сандомирский приводит из речи итальянского депутата Маттеоти следующие факты, хорошо рисующие хулиганский характер работы фашистов:

„...Среди глубокой ночи, когда честные люди покоятся мирным сном, телеги, переполненные фашистами, наводняют местечки или жалкие деревеньки, насчитывающие по несколько сот обитателей; прибывают они, разумеется, в сопровождении главарей местной „Лиги аграриев“, ибо без указаний последних фашисты никогда не могли бы отыскать среди крошечной тьмы жилищ местного лидера или невзрачное помещение биржи труда. Вот они приближаются к лачуге. Раздается приказ: „Окружить дом“. Их двадцать, а может быть, и сто человек, вооруженных револьверами и винтовками. Громко называют имя главара местной лиги,— и ему приказывают выйти. В случае, если он отказывается, ему заявляют: „Если ты не выйдешь, мы уничтожим твой дом, жену и детей“. Он выходит. Как только он показывается в дверях, его избивают, связывают, бросают на телегу и здесь уже подвергают его утонченными истязаниям, иногда убивают его, а иногда выбрасывают среди поля или привязывают к дереву в обнаженном виде. Если председатель крестьянской лиги — неустрашимый человек и не откры-

вает двери, прибегая к вооруженному сопротивлению, его участь заранее решена — он будет убит немедленно. Убийство произойдет во мраке ночи, целая сотня нападет на одного несчастного и быстро расправится с ним. Таковы нравы в Полезине.

„В Саларе (все нижеприведенные факты засвидетельствованы официальными протоколами властей), ночью, несчастный рабочий услышал стук в двери. „Кто там?“ спрашивает он. Ему отвечают: „Друзья!“. Он открывает дверь и видит перед собой целую банду вооруженных людей. Он пытается закрыть дверь, но поздно; кто-то ставит свою ногу между дверью и косяком. Сквозь образующееся пространство в несчастного всаживают 20 ружейных и револьверных пуль, и он падает бездыханным трупом.

„В Петорацца, однажды ночью (всегда среди ночного мрака!), председатель лиги слышит стук в свою дверь. Ему говорят, что прибыли власти. Несчастный поверил. Он открывает дверь. Тогда его схватывают, связывают и нещадно избивают палками, затем днем волочат его за собой чуть ли не по всей Падуанской провинции, выставляя несчастного на устрашение всем. Когда забава надоедает, его выбрасывают с телеги на мостовую. Вернувшись домой, несчастный заявляет жалобу на насильников. Бригадир местных карабинеров выслушивает жалобу и приказывает арестовать его!

„В Пинкару, глухую деревушку, среди ночи прибывает телега и останавливается перед невзрачной лачугой, в которой помещается биржа труда. В лачуге нет никого, но, чтобы лучше убедиться в этом, фашисты из пулемета обстреливают сначала эту жалкую лачугу, а затем обливают ее бензином и сжигают. Отсюда,— все в ту же ночь,— отправляются к синдикату. Его не застают дома. Жена его лежит в больнице, а крохотная дочурка заявляет: „Отца дома нет“. Ей не верят; его начинают искать по всем закоулкам, но нигде не находят. Фашистам все же нужна жертва. Тогда они отправляются в другой конец деревни, где живет председатель лиги. Дом окружают. 200 выстрелов, направленных в лачугу, заставляют хозяина выйти. Он пытается грудью защитить вход в свое жилище. Раздается полсотни выстрелов, буравящих дверь, а когда входят в дом, находят его изрешетенный пулями труп у самого порога. Жена его упала на труп и крепко прижимает его к себе. Тогда они принимаются истязать малолетнего сынишку убитого за то, что он своим криком на всю улицу сейчас же разгласил убийство своего отца. И до сих пор у несчастного осиротевшего мальчика еще не зажили на руках следы перенесенных им истязаний.

„В Адрии произошло столкновение между одним фашистом и рабочим-носильщиком, в результате которого носильщик был убит. Ночью прибывает в деревню целый караван телег,—

и зловещий кортеж направляется сначала к дому секретаря местной социалистической секции. Его схватывают, связывают, относят на берег Адиджа, где сначала грозят утопить в реке. Затем, уже на территории Падуанской провинции, раздев несчастного, привязывают его к телеграфному столбу в поле и там бросают. Замечательно, что орган местных помещиков „Коррьере дель Полезине“ превозносит до небес эту подлую и постыдную проделку. В ту же ночь, когда карабинеры покоились сном (им было заранее сообщено о прибытии фашистов, а в таких случаях они всегда спят), вооруженная банда подходит к председателю местного окружного совета; стучит в дверь и на вопрос: кто стучит отвечает, что—представители власти. В несчастных полезинских деревушках знают, что ночью такой ответ всегда равносильен смертной казни. Поэтому председатель не открывает своей двери. Фашисты пытаются силой взломать дверь, но им это не удается. Тогда они ухищряются проникнуть в дом через чердак. Несчастный хочет защищаться при помощи револьвера, но жена и мать отговаривают его, умоляя спастись бегством. Когда он, почти совершенно раздетый, бежит по улице, ему вдогонку свистят пули. Он спасается в казармы карабинеров, но они отказываются помочь ему в беде и направиться вместе с ним к дому. Еще бы: карабинеры меньше всего занимаются изловлением тех, кто по ночам поджигает чужие жилища. Тем временем, дикая

орда проникает в дом, издевается над женой и матерью убежавшего, угрожая им револьвером и требуя назвать место, куда он мог бы спрятаться.

„И так, изо-дня в день повторяются все те же события. Никто и никогда не находит виновных. Агенты сыскной полиции, живущие на той же улице, где происходит нападение, просыпаются не раньше, чем уедут „фашисты“.

„В Кастельульельмо, где депутат находился по своим делам, его окружили 12 вооруженных людей и жестоко избили за то, что он не согласился отказаться от своих убеждений и высказанных им мыслей; в Андрии, в 3 часа ночи, выволокли на улицу тов. Камилли, виновного лишь в том, что он честно выполнял обязанности секретаря общинного управления и местной социалистической секции; избив его беременную жену, напугав детишек, его взвалили на телегу, отвезли в помещение Падуанского „фашио“, там продержали двое суток под арестом и затем выбросили в поле. В Контарине масса домов подверглась обыску; неугодных фашистам лиц выволакивали в обнаженном виде на улицу, затем увозили в лес или в поле, где привязывали к деревьям и оставляли на произвол судьбы. Таким же путем, переходя из местечка в местечко, из села в село, фашисты разорили и терроризировали все 60 маленьких общин в Полезине. В течение 2—3 недель все деревни

и села подверглись вооруженному нападению шаяк, насчитывавших по несколько сот человек. Были подвергнуты нещадному избиению все те, на которых члены помещичьей лиги указали, как на социалистов. Фашисты проникали в помещения различных учреждений, уничтожали их, унося оттуда все вещи. Они входили в дом каждого, кто принадлежал к местному коммунальному управлению, „лиге сопротивления“ или даже кооперативу. Чтобы терроризировать население, они предварительно обстреливали каждую улицу или площадь из пулеметов и ружей. Врываясь в маски в чужие жилища, они осыпали неимоверными оскорблениями женщин и детей, позволяя себе при этом неопишуемые вещи,—угрозой и силой пытаясь у них всякие показания, если только несчастным не удавалось в одном белье убежать в поле или соседний лес.

„В этой местности прекращены всякие собрания. Народные дома и камеры труда стоят законченными. Никто не рискует больше жить там или даже посещать их. Никто не решается созвать регулярное заседание коммунального управления, ибо даже оно служит поводом к тому, чтобы вооруженные люди ворвались в помещение и избили их тут же или когда они будут расходиться по домам. Так именно и случилось в Рамодипало, где очередное собрание муниципального совета было оцеплено вооруженной

бандой фашистов. Всех членов муниципалитета вывели на улицу и заставили поочередно пройти мимо двойной цепи фашистов, нещадно избивавших их палками“.

Покончив с деревенскими общинами, фашисты, по словам Маттеоти, принимаются за местечки, за мелкие центры, в которых экономическая борьба слабее, зато бьет пульс духовной жизни, существуют различные мелкие разветвления социалистической партии. И опять следует перечисление бесконечных актов насилия. В некоторых местах образуются боевые группки, руководимые помещиками и их сынками-студентами. За деньги они нанимают себе сообщников из числа местных преступников. С их помощью ежедневно избивают население на улицах, по ночам врываются в дома. В Гранджете была маленькая фракция социалистической партии. Фашисты, вместе с нанятыми ими уголовными преступниками, врываются в помещение фракции, уничтожают мебель, уносят оттуда все, что им вздумалось, в заключение — устраивают облаву на председателя местной лиги. Несчастный спасается к матери, которая впускает его через окно. Насильники врываются в дом и, на глазах обезумевшей от горя матери, сначала избивают его палками, затем приканчивают из револьвера. Дочь председателя умирает от страха. Что ж, тем лучше: двойная победа. В Боттриге, Порто Талле атака на мирное население производится объеди-

ненными силами фашистов и местных карабинеров. Та же охота на людей, те же насилия. В Бергантино шайка фашистов, с помощью бомб и ружейных выстрелов, захватывает сначала главную площадь, затем бросается враспынную. Нападая на крестьянские дома, они уничтожают лошадей, быков и ослов. Дело доходит до уничтожения памятников на местном кладбище. Некоторые из жителей были предупреждены о нападении и попытались спастись бегством. Напрасно. За ними охотятся, ловят на дороге, избивают, а некоторых убивают.

„Хуже всех этих эпизодов,—говорит Матеотти,—ежедневная жизнь, превратившаяся в сплошной кошмар для местного населения. Местные преступники превращаются в истинных господ положения, в деспотов. Социалисты, т.-е. крестьяне и ремесленники, составляющие $\frac{8}{10}$ населения, превращены в рабов. Против них дозволено все, что только может придумать воображение; особенно это верно в отношении прибрежной полосы р. По. Группка местных деспотов может приказать вам в определенном часу возвращаться домой или покидать свое предприятие, заставить вас хоть 10 раз в день являться в помещение местного „фашио“, водить вас по улице на показ, обмотав вашу шею веревкой и измазав краской ваше лицо, запретить вам встречаться или разговаривать с той или иной личностью. Красные значки и эмблемы преследуются с величайшей жестокостью. Иногда за

вывешивание красного знамени люди подвергаются мучительным пыткам. Невозможно перечислить все виды репрессий: лишение работы, муки голода, избиение палками, а иногда и убийство в присутствии жены и детей. Людей истязают в обнаженном виде, а когда вздумается, выбрасывают в р. По. Жизнь превратилась в сплошную пытку. Сотнями убегают люди из родных мест, покидая свои семьи: кто спасается от смерти, кто, в поисках работы, отправляется в Милан, Венецию или на Пиаве. Многие уезжают в Америку с проклятиями на устах...“.

„В Ариано оставался, никуда не уезжая, честный и добрый рабочий, истинный товарищ наш — Э. Фонсатти, больной, с поврежденными легкими. Разрушение местной организации сильно подействовало на него. Он находился все время в угнетенном состоянии. Однажды ночью дикие звери напали на деревню. Обычной угрозой поджога они заставили его выйти из дому. Наш друг знал, что он идет на верную смерть, ибо вблизи его не было даже сыновей, которые могли бы защитить его. Фашисты забили его на смерть палками и, когда он уже лежал мертвым, пустили в его труп несколько пуль. Случилось так, что местный врач Свези официально засвидетельствовал этот случай. За это он был также избит палками до крови. А друга Фонсатти — рабочего Челегини — схватила другая группа фашистов, избила его палками и бросила в По“.

„Число избитых и раненых в нашей местности определяется в 4—5 тысяч.

„Разрушенных и сожженных домов — свыше 300.

„Обыскам и нападениям подверглось свыше тысячи семейств.

„Много женщин было избито до крови палками в своих же домах. Так поступили, например, с синьорой Элетти только за то, что, в ответ на угрозы нападавших, она воскликнула: „Да здравствует социализм!“.

„В Портомаджоре. В ночь с 28 на 29 марта из разных концов провинции съехалось от 3 до 4 тысяч фашистов, вооруженных бомбами, ружьями, револьверами и воспламеняющими жидкостями. Эти банды предали огню и мечу все, что показалось им имеющим хотя бы самое отдаленное отношение к социализму. В течение двух дней — воскресенья и понедельника — не прекращалась ружейная пальба, изредка прерываемая единичными выстрелами какого-нибудь члена лиги, вынужденного к отчаянному, но бесполезному сопротивлению. Небольшая группа рабочих сделала отчаянную попытку помешать фашистам или, по крайней мере, замедлить темп их „работы“. Но фашисты, явно поддерживаемые представителями власти, — в особенности, полицией и карабинерами, — решили ни перед чем не останавливаться, тем более, что численное превосходство давало им все карты в руки. Они напали на камеры

труда в Портомаджоре, Рено ди Порторотто, Седжеро, на дом учителя Больди и многих других социалистов и коммунистов, — всюду поджигая и разрушая здания и движимое имущество, книги, списки, знамена и пр. Избили председателей нескольких лиг, некоторых ранили, одного убили. В течение 2½ суток город представлял собой картину настоящего ада; многие жители спаслись бегством в близлежащие деревни. От всех социалистических организаций и учреждений не осталось здесь ни малейшего следа.

„В Вольеру, в ночь на 30 марта, прибыл карательный отряд в 10 телег, наполненных вооруженными фашистами и осадил местечко. Для устрашения населения было сначала брошено несколько бомб и произведены сотни выстрелов. Затем, фашисты сожгли великолепное здание театра, принадлежавшего рабочим организациям; уничтожили здание местного кооператива и принадлежавшие ему склады вина и масла. Только куча пепла осталась от имущества, принадлежавшего рабочим и оценивавшегося в 200 тысяч лир. На рассвете фашисты, как всегда, безнаказанно разъехались по домам“.

Все эти сведения тов. Сандомирский берет из книги, составленной итальянским социалистом Матеотти и посвященной целиком описанию грабежей, поджогов, убийств и других насилий, совершенных фашистами. Книга эта была представлена итальянскому парламенту. Матеотти

принадлежит к правому крылу итальянской социалистической партии.

А вот несколько отрывков из доклада швейцарского кооператора Зутера, посланного Международным Кооперативным Союзом в Италию для исследования вопроса о разрушениях кооперативов, произведенных фашистами:

„Трудно себе составить представление о систематическом разрушении крестьянской кооперации фашистами, пока не увидишь хоть часть этих разрушений собственными глазами. Ввиду этого, ознакомившись в Национальной кооперативной лиге в Милане с красноречивой статистикой кооперативов, подвергшихся разгрому или нападению, я решил посетить некоторые местности Ломбардии и Романьи, где кооперация пострадала особенно сильно, и 15 октября прибыл в Равенну.

„Дворец Распони, где в 1819 году жил Байрон, старинный дворец, позже превращенный в отель, а затем купленный в 1918 году кооперативным союзом провинции Романьи, устроившим там свою штаб-квартиру, был разрушен в июле 1922 года бандой фашистов, которым спокойно открыл дверь один из королевских гвардейцев, призванных для „охраны помещения“. Несколько сот фашистов, вооруженных револьверами, ручными гранатами и жестянками с керосином, проникли в помещение, забрали все полезное, уничтожили остальное и подожгли здание.

„Кооператоры Равенны собирались как раз украсить залу заседаний аллегорическими фресками, изображающими торжество кооперации над враждебными силами природы, как болота, малярия и пр. Работа была поручена известному художнику и на нее было выдано 50.000 лир. Она уже подходила к концу, когда все было уничтожено огнем. Вобщем, причиненные уничтожением дворца материальные убытки исчислены судебными экспертами в 1.200.000 лир, но номинальные убытки с точки зрения искусства — неисчислимы.

„Необходимо отметить необыкновенно плодотворную работу кооперативного союза Романьи, помещавшегося в этом дворце. Им расчищены и взяты под обработку тысячи гектаров земли и построены и проведены для общин, провинции и государства ряд дорог, каналов и портов“.

„Видя, что им не удалось погубить потребительское общество, местный глава фашистов приказал правлению включить всех маджентских фашистов в члены общества, грозя разрушением кооператива, если требование не будет исполнено до 1 января 1922 года. В день моего посещения Мадженты—14 октября—правление решило пойти с фашистами на компромисс, предложив им два места в правлении. Это, разумеется, менее страшно, чем разрушение огнем и бомбами, но в то же время это есть отрицание всякого права. И при том нужно помнить, что почти все лавочники Мадженты—фашисты.

„В Народном доме Бинаско (большое село в Миланской провинции), помещались рабочий клуб, столовая-ресторан, контора, и склады потребительского общества. Там же было несколько жилых квартир. Банда фашистов, грабившая на грузовиках в ночь на 5 августа с бомбами и керосином, разграбила Народный Дом и подожгла все; даже частные квартиры и вещи жильцов не были пощажены. Потребительское общество насчитывало около 400 членов и делало годовой оборот в 3.000.000 лир. Убыток оценен официально в 280.000 лир. но, в действительности, стоимость дома и всего находящегося в нем, составляла, по крайней мере, 500.000 лир.

„В Бинаско разгром был настолько полон, что не было возможности возобновить какую бы то ни было деятельность. Потребительское общество совершенно разрушено. Виновники этого и всех аналогичных преступлений ходят на свободе. Когда я спросил итальянских товарищей: „Что же делают ваши судьи“?— мне ответили: „Местные власти и судьи одобряют эти насилия и не решаются им противодействовать“.

„Я внимательно изучил собранную Национальной лигой статистику причиненных кооперации разрушений, и убедился, что здесь нет преувеличений. Около одной трети кооперативов, состоящих членами лиги, разрушены“.

Таковы некоторые образчики работы фашистов. И все эти зверства, все эти грабежи, издевательства

и убийства, все эти преступления фашистов оставались совершенно безнаказанными. Итальянские буржуа и помещики, наоборот, и материально и всей силой своей государственной машины поддерживали фашистов в их разбойничьих выступлениях.

Переход государственной власти в руки фашистов.

Таким образом в процессе борьбы была создана итальянской буржуазией новая классовая организация („милиция класса“ — как говорят де-Фалько), на которую буржуазия могла вполне положиться в своей борьбе с пролетариатом и крестьянством. В руки такой организации итальянская буржуазия могла безо всякой боязни передать управление над расхлябанной государственной машиной. А передача эта была необходима, ибо хотя опасность революционного выступления итальянского пролетариата временно и миновала, но пролетариат формировал и сплачивал свои силы, влияние коммунистов росло, и движение приобретало более централизованный характер, что грозило в будущем буржуазии еще большими опасностями. С другой стороны государственная машина, работавшая под флагом демократии, расхлябывалась все сильнее. Ни одно министерство не могло долго удержаться у власти.

И итальянская буржуазия принуждена была сделать следующий шаг. Свою „милицию класса“ она должна была превратить в государственную

организацию. В ее надежные руки она должна была передать государственную власть.

Это и произошло в Италии в конце октября 1922 г. Фашизм в это время захватил власть в свои руки. Бенито Муссолини стал главой итальянского правительства.

Итальянский король одобрил этот захват власти. Он дал Муссолини неограниченные полномочия. В благодарность за эту послушность приказам буржуазии Муссолини из республиканца превратился в монархиста. Республиканизм был нужен фашизму только для того, чтобы сделать короля сговорчивым. Если бы король не согласился на передачу в руки фашистов диктаторских полномочий, итальянская буржуазия не задумалась бы свергнуть его руками „республиканца“ Муссолини и установить свою ничем не прикрытую классовую диктатуру под флагом республики. Но король оказался послушным. Тогда фашизм признал монархию.

Каковы же были действия итальянского фашизма, когда он стал у власти?

Недели через две после переворота Муссолини созвал парламент. Предварительно он получил от послушного короля разрешение распустить парламент, если он—Муссолини—сочтет это нужным. К парламенту он обратился с высокомерной речью, в которой откровенно заявил о своей диктатуре. „То, что я созвал вас, — сказал он, — есть только акт вежливости... Я надеюсь, что большин-

ство выскажется за меня, но в большинстве я, собственно, и не нуждаюсь. Палате предстоит решить самой, существовать ли ей два года или два дня“. „Я мог бы наказать клеветущих на фашизм и превратить парламентский зал в бивуак фашистских войск, но я пока в этом не нуждаюсь, как не нуждаюсь также и в парламентском большинстве“. Затем он потребовал у палаты права в течение всего 1923 года издавать законы, вводить налоги, изменять штаты и т. п. — просто королевскими указами, без рассмотрения парламентом.

„Кто бы мог помешать мне разогнать парламент и объявить прямую диктатуру?“ — заявил он далее. „Где тот, что может оказать сопротивление движению не трехсот тысяч избирателей, а трехсот тысяч ружей? Никто“. „Я сам ввел движение в конституционные колеи, я собрал палату, но когда я увидел, что 33 оратора вносят 33 различных перехода к порядку дня, я сказал себе: пожалуй, отменять этот парламент и не стоит, но страна будет мне благодарна за некоторый отдых от парламентской деятельности“.

Буржуазные партии итальянского парламента спокойно проглотили все эти высокомерные оскорбления. Большинством более двух третей голосов палата приняла закон, дающий Муссолини права единоличного диктатора. „Руль в моих руках, — заявил Муссолини, — и я не передам его никому другому. Но я буду рад тем, кто готов быть моей гребной командой“.

Таким образом итальянский парламент совершенно лишен власти и прав. „Конституция и палата умерли“— писала социалистическая газета „Аванти“. Все демократические покровы сорваны, и итальянская буржуазия открыто установила свою классовую диктатуру.

Итальянские депутаты должны безропотно сносить все оскорбления фашистов. Во время речи Турати один из фашистов назвал его „беспольным болтуном“. Председатель призвал этого фашиста к порядку. Но последний ответил, что он и впредь будет поступать так же, ибо считает своим правом и долгом обрывать тех депутатов, которые своими речами заставляют палату терять время. Обиженный таким ответом председатель хотел подать в отставку. Но Муссолини не позволил ему этого, заявив, что никто не имеет права уклоняться от исполнения своих обязанностей. И председатель послушался его, взяв свою отставку обратно.

Депутаты итальянского парламента не имеют теперь даже права смеяться над фашистами. Вот что пишет об этом фашистская газета „Джорнале ди Рома“:

„Они (депутаты оппозиции) смеют воображать, что могут безнаказанно, по своей прихоти, смеяться в Монтечиторио (здание парламента), чтобы дать исход своему горькому чувству разочарованных людей, разбитых наголову национальным отрезвлением. Те, кому так кажется, изволят заблуждаться. Такое действие ныне рассматривается

как преступление, которое преследуется государством при помощи всех находящихся в его распоряжении средств; ныне такие действия квалифицируются как преступление против государственной власти,— преступление, которое должно получить неумолимое законное возмездие. Если не подействует выговор г-на председателя совета министров, то цель будет достигнута тяжелым молотом репрессии, которая не заставит себя ждать и неумолимо падет на головы виновных“... *)

Но фашисты идут еще далее. Они хотят уничтожить даже такой парламент, в котором депутаты произносят только угодные им речи, в котором депутаты оппозиции не имеют даже права смеяться. Теперь „Верховный Совет фашистской партии“ выработал новый проект избирательного закона и новый проект конституции.

Согласно этому проекту выборы в итальянскую палату депутатов должны производиться по спискам, при чем избирательный округ совпадает с областью. Список, получивший относительное большинство голосов, считается победившим и получает три четверти всех депутатских мест округа. Остальная четверть распределяется между остальными партиями пропорционально числу голосов, полученных каждой из них.

При системе страшного террора против социалистов и при осуществляемой теперь в Италии

*) „Известия“. 1923. № 50.

тактике единого буржуазного фронта, фашисты могут быть уверены, что во всех, или почти во всех округах относительное число голосов будет обеспечено за какой-нибудь из буржуазных партий. Поэтому при проектируемой ими системе выборов вряд ли хоть один социалистический или коммунистический депутат проникнет в парламент. Казалось бы, что такого парламента бояться нечего. Но фашисты не доверяют и ему. Они лишают всяких прав даже такой парламент.

Согласно фашистскому проекту та партия, которая составляет большинство в парламенте, избирает министра-президента. Король назначает его. Затем министр-президент подбирает себе в кабинет других министров и представляет этот кабинет на утверждение парламента. Этим и исчерпываются задачи парламента. Затем он распускается по домам. Новые выборы назначаются через четыре года. А во время этих четырех лет правительству принадлежит бесконтрольная власть.

Что это, как не самая явная, ничем не прикрытая, диктатура буржуазии? Всякий флер демократии здесь отброшен в сторону. *)

*) Впрочем, существует, кажется, второй проект фашистской парламентской реформы. Его изложил в интервью с представителями печати в феврале один фашистский депутат. Согласно этому проекту предполагается сильно сократить число депутатов парламента, оставив приблизительно одну восьмую теперешнего числа. Каждая провинция тогда будет иметь только по одному депутату. Все граждане, относящиеся к категории „врагов отечества“, по фашистскому пониманию, будут лишены

Так же решительно расправляется Муссолини и с газетами. Все коммунистические газеты, конечно, закрыты. Но даже и буржуазные газеты не имеют права выражать недовольство и критиковать Муссолини.

Легкую критику позволила, например, себе буржуазная газета „Корьере делла Сера“, в общем очень дружественно относившаяся к фашистам. За это она сейчас же получила окрик со стороны фашистской газеты „Империя“. „Мы того мнения, — пишет эта последняя газета, — что в такой период, как теперь, никакая газета, не сотрудничающая с правительством Муссолини, не нужна. Поэтому

избирательных прав. Зато каждый буржуа получит два избирательных голоса.

С другой стороны, фашистская газета „Империя“ так излагает взгляды Муссолини на парламентскую реформу:

Парламентский режим несовместим с исторической миссией итальянской монархии. Верховным законодательным учреждением должен быть сенат, а не палата депутатов. Задача монархии создать новую аристократию. Должна быть введена административная децентрализация, с правом префектов издавать законы на местах. Должны быть уничтожены все монополии государства, и учреждения общественного пользования (железные дороги, почта, телеграф, телефон и т. п.) должны быть переданы частным предпринимателям. Должен быть уничтожен суд присяжных и введена смертная казнь. Самоопределение народов бессмыслица, так же как и права национальностей и т. д., и т. п.

А вот газетное сообщение, показывающее, в каких условиях проходят при господстве фашистского правительства выборы в Италии. „Накануне муниципальных выборов в Милане был арестован почти весь избирательный комитет коммунистической партии. За время предвыборной кампании арестовано 700 рабочих. Миланский пролетариат от участия в выборах в большинстве случаев воздерживался“.

мы не удивимся, если в известный момент, чтобы не тратить больше бумаги и чернил на полемику, министр-президент (Муссолини) посоветует сенатору Альбертини (редактор „Корьере делла Сера“) закрыть на несколько месяцев газету“. А в подтверждение этого предупреждения фашисты начали сжигать на улицах и площадях газету „Корьере делла Сера“.

Так расправляются фашисты с депутатами парламента. А за стенами парламента они уже совершенно не стесняются и продолжают свой разгром коммунистических, социалистических и вообще рабочих организаций. Коммунисты арестовываются сотнями. Вот как рисует то, что происходит теперь в Италии, Франческо Калабресе („Известия“ № 50).

„Из края в край по всей Италии стоит зарево пожаров,—то горят последние оставшиеся „камеры труда“, поджигаемые фашистами; каждый день приносит вести об убийствах остатков рабочих, осмеливающихся еще сопротивляться. Убийства в Турине и Специи, где в течение целого дня длилась бойня, устроенная фашистами, были сигналом для целой серии явлений подобного рода в Форли, Кремоне, Трапанезе, Бергамо, Неаполе, Брешии, Гендзано, Фария-Вичентина и Алатри, в Ночера-Инферниоре, в С.-Панкрацио, во Флоренции, Интре и сотнях других мест. В Александрии учительница Пьячантини увозится из школы, затем ей срезаются волосы, и лицо разри-

совывается зеленой краской, после этой операции ее привозят обратно в школу к детишкам на урок. В Филлетели (Лукка) раздевают догола рабочих и под угрозой направленных в них револьверов, заставляют бегать голыми по местечку. В Интре производится ночью, во время сна, нападение на рабочую семью, все члены которой убиваются ударами кинжалов и дубинок в постелях“.

Но фашистам всего этого еще недостаточно. „Дело еще не доведено фашистами до конца — говорят они. Мы и сейчас готовы сомкнутым строем выступить против тех, кто сумел избежать справедливой мести, которая не заставит себя долго ждать“.

Старый аппарат буржуазной государственной машины, как мы указывали выше, пришел в расстройство. Фашисты стремятся теперь создать вместо него новый, составленный исключительно из их элементов.

Уже ранее буржуазные правительства Италии перестали доверять армии, которая отказывалась выступать против рабочих и крестьян. Они сильно сократили ее кадры, доведя ее численность тысяч до 200. А взамен армии они образовали сильную полицейскую армию, — так называемую „королевскую гвардию“. Численность этой гвардии доходила до 400 — 500 тысяч человек. Но и эта полицейская армия кажется теперь фашистам

недостаточно надежной. Они распускают ее и заменяют своей фашистской милицией *).

Пользуясь своими диктаторскими правами, Муссолини спешит провести ряд новых законов, крайне выгодных для буржуазии: например, уничтожение таксы на квартиры, что позволило домовладельцам поднять квартирные цены в несколько раз. В деревнях с крестьян усиленно выбиваются налоги. Идет сильное сокращение штатов на железных дорогах и в других учреждениях; благодаря этому безработица сильно растет.

Газеты полны сведений о насилиях фашистов над коммунистами. В декабре фашисты произвели погром в Турине, в результате которого оказалось 5 убитых и много раненых. Там же фашисты подожгли палату труда и много других зданий. В том же декабре фашисты произвели погром в г. Бари и в его окрестностях. И здесь были убитые и раненые. После погрома, учиненного фашистами, было арестовано здесь около 100 рабочих. В Риме фашисты разгромили все социалистические и коммунистические клубы, а затем завладели их помещениями. И здесь были раненые. Такие же погромы с убитыми и ранеными были в Катанье, Вико-ди-Панто и во многих других местах. Количество арестованных коммунистов

*) Этот декрет Муссолини вызвал, конечно, сильное недовольство среди королевской гвардии, которая по этому случаю проявила беспорядки в ряде городов. В Турине, Неаполе и в других местах гвардейцы поджигали фашистские комитеты.

громадно. В небольшой провинции Асколи в начале февраля было арестовано 297 рабочих. В одном сравнительно небольшом городе Пьяченце было арестовано в то же время около 300 коммунистов.

В школах введено обязательное преподавание религии и обязательное вывешивание распятий. Религия должна стать центром школьных программ в современной Италии *).

Фашизм хочет заставить рабочих отказаться от классовой борьбы. Он хочет, чтобы рабочие покорно несли то бремя эксплуатации, которое взвалила на их плечи буржуазия. Если рабочие согласятся превратиться в стадо покорных баранов, то фашисты согласны оставить их в покое.

„Мы будем карать тех рабочих, которые идут за социалистами и коммунистами и еще верят в классовую борьбу“— говорит Муссолини. „Рабочим же, которые откажутся от классовой борьбы и организуются в „национальные профсоюзы“, мирным путем сглаживающие противоречия интересов работодателей и рабочих, претворяя их в интересы обоюдные, мы обещаем мир, свободу и работу“.

Разрушая независимые организации рабочих, фашисты стараются в то же время создавать и свои рабочие организации.

*) Вот что заявил по этому вопросу фашистский министр народного просвещения Джентиле: „Хотя я и не воинствующий католик, но должен признать, что дети должны быть воспитаны в страхе божием, так как одной из причин шатания умов в Италии является упадок религиозного воспитания“.

С кооперативами они расправляются очень просто. Они разгоняют избранное общим собранием правление кооператива и назначают на его место свое правление, захватывая, таким образом, в свои руки все имущество кооператива. Так поступили они, например, недавно с Кооперативным Союзом в Турине, являвшимся до сих пор самой сильной кооперативной организацией в Италии.

Преследуя и подвергая разгрому социалистические и независимые профессиональные союзы рабочих, фашисты стремятся создать и свои фашистские профсоюзы. Их задачей они ставят „согласовать интересы капитала и труда“, а так как согласовать их так же трудно, как объединить воду и огонь, то фактически эти союзы служат исключительно интересам хозяев. Одной из главных задач этих союзов является срыв забастовок, объявляемых рабочими. В фашистские профессиональные союзы входят не только рабочие, но и хозяева, которые и держат, таким образом, управление этими союзами в своих руках. Вот отрывок из резолюции о профсоюзах, принятой в январе текущего года „Великим Советом Фашистской Партии“.

„Великий Совет Фашизма подтверждает, что принципы фашистского синдикализма отвергают борьбу классов. Фашистский синдикализм отвергает формы организаций пролетариев и хозяев, находящихся между собою в постоянной вражде во вред производству и нации“.

„Совет считает необходимым объединять в фашистских корпорациях всех рабочих, техников и хозяев, которые желают согласовать свои законные интересы с нуждами страны и правительства“.

С помощью системы террора и насилия фашистам удастся, конечно, захватывать в свои руки кооперативы и вербовать членов в свои профессиональные союзы. Но они держатся там лишь благодаря своему насилию. Как только является хотя бы маленькая возможность свободных выборов, кооперативы выбирают коммунистов. Так же непрочное положение фашистов и в профессиональных союзах.

— В этих союзах — говорит Джулио Аквила („Коммунистический Интернационал № 24, стр. 6518“) — насчитывается лишь незначительный процент организованных членов фашистской партии. Громадное большинство членов „корпораций“ по существу вовсе не являются фашистами. Рабочие и крестьяне вступают туда в большинстве случаев лишь под давлением фашистского террора, чтобы оградить себя от насилий фашистов; особенно верно это в отношении сельских рабочих. В последние месяцы рабочие вступают в „корпорации“ и под давлением экономической нужды. Главным образом, это касается тех отраслей промышленности, которые сильнее всего поражены кризисом: они знают, что в первую очередь будут уволены рабочие, примыкающие к „красным“ профсоюзам, и лишь в последнюю те, кто имеет членский би-

лет „корпорации“. Так в феврале фашисты разослали помещикам приказ немедленно вписать своих рабочих в списки фашистских профсоюзов, и в случае отказа рабочих немедленно увольнять их.

А при таких условиях стоит поколебаться власти буржуазии, и все фашистские профсоюзы рассыпятся, как карточные домики.

Мы видели дикий хулиганский террор, которому подвергали фашисты, стоящие у власти, несчастный итальянский народ. Но для хулиганских страстей разнузданного фашизма этого мало. Те же приемы борьбы вносят они теперь в собственные организации. Привыкнув расправляться бесцеремонно со своими противниками часто во имя своих личных интересов, фашисты вносят те же способы борьбы и в свои собственные организации. И здесь они теперь так же бесцеремонно расправляются со своими личными врагами. Этот факт должен признать сам фашизм.

12 января текущего года в Риме состоялся, как мы сказали выше, так называемый „Великий Совет Фашистской Партии“. За день до собрания этого Совета Ц. К. фашистской партии выпустил воззвание ко всем членам партии, в котором, между прочим, говорил:

„Ц. К. с глубокой грустью констатирует, что фашистские организации слишком рано потеряли или начинают терять точное представление о критичности момента, критичности, которая увеличивается все больше, особенно после захвата прави-

тельствственной власти нашей партией. В каждом фашио разнуздавшиеся амбиции и разгоревшиеся страсти чисто личного характера угрожают целости наших рядов, которые, наоборот, должны были бы с каждым днем смыкаться сильнее, чтобы противостоять натиску врагов, стремящихся с разных сторон ослабить нас и уничтожить, таким образом, мощь правительства". В заключение Ц. К. предлагает даже заняться „чисткой“ партии.

И, действительно, привычка к саморасправе принимает у фашистов теперь иногда прямо опасные для них формы. Так в Риме едва не произошло сражение между двумя отрядами фашистов, которые уже выступили друг против друга в полной боевой готовности. В ряде других городов (Венеция, Пола и т. д.) дело уже доходило до вооруженных столкновений. Там фашисты уже штурмовали помещение секретариата своей партии.

Если уже сами фашисты начинают жаловаться на бесцеремонные расправы одних членов партии с другими, то каково же приходится несчастному населению.

Все население Италии стонет под ярмом фашизма, озлобление против него растет все больше и больше. Впрочем, озлобление растет не у всех. Есть много и таких, которые очень довольны фашистами.

К числу таковых принадлежат буржуа и помещики. Последние настолько довольны фашистами,

что признали даже ненужным дальнейшее существование собственной аграрной партии. Они распустили ее, так как фашисты как нельзя лучше защищают их интересы.

Довольны и все другие слои буржуазии. Довольны католики, ибо в руки их попов отдается все дело народного просвещения.*) Довольны и их противники — франк-масоны: вожди этих последних в торжественных речах выражают благодарность фашизму за то, что он „спас страну“, т.-е. карманы буржуазии.

Довольны националисты типа д'Аннунцио, которые теперь объединяются с фашистами.

По заключенному между националистами и фашистами соглашению, члены националистической партии автоматически вступают в фашистскую партию, и члены националистической милиции входят в фашистскую милицию.

Довольна вся буржуазия — от монархистов до республиканцев. В итальянском сенате заявления

*) Впрочем, довольны фашистами только верхи католической партии — помещики и буржуа. Зато недовольно левое крыло этой партии, имеющее в своих рядах порядочное число рабочих, и особенно крестьян. За это фашисты и с ними расправляются очень сурово. Так, в Сан-Марцине и Оливето фашисты, угрожая револьверами, заставили местные общинные управления, состоящие из лиц, примыкающих к католической партии «популярно», подать в отставку. В Фленуа фашисты проникли в клуб католической партии и забили присутствовавших там, при чем 8 чел. было ранено.

и действия Муссолини были одобрены единогласно ¹⁾).

Таким образом фашизм становится ядром, вокруг которого сплачиваются все буржуазные партии. Во главе с фашизмом создается в Италии единый фронт буржуазии против пролетариата.

Перспективы будущего.

Фашизм есть результат надвигающейся на буржуазный мир опасности пролетарской революции. Фашизм есть реакция буржуазии против этой опасности. Это явная, ничем не прикрытая, диктатура класса, которому угрожает опасность потерять власть, а вместе с нею и все свои богатства и привилегии. В своем развитии фашизм превратился в единственно дееспособную партию судорожно борющейся за свои права буржуазии. В критический момент, требующий решительных действий, только этой решительной, ни перед чем не останавливающейся партией буржуазия может доверить государственную власть.

Поэтому все надежды, что фашизм быстро изживет себя, что он скоро погибнет под бременем своего хулиганства и своих преступлений, что он быстро потеряет доверие буржуазии, что он лишится силы вследствие внутренних противоречий, вследствие столкновения интересов различных

¹⁾ Даже один из вождей правых социалистов Ферри внес резолюцию, которая предлагала не создавать ни открытых, ни скрытых затруднений фашистскому правительству.

слоев и групп буржуазии, теперь его поддерживающей, — все эти надежды нужно считать ошибочными. Фашизм необходим для буржуазии в ее борьбе на жизнь и на смерть с пролетариатом. Другого оружия у буржуазии нет, а потому она и не отступится от него. И мы видим, действительно, что вокруг фашизма создается единый фронт буржуазии.

Фашизм носит на себе, конечно, неизгладимую печать самого гнусного хулиганства. Но другого оружия у буржуазии в ее современном положении нет. Выбирать ей не из чего.

Буржуазия могла бы отступить от фашизма только в том случае, если бы ей стала ненужна и даже вредна та явная, грубая диктатура, олицетворением которой он является, если бы окрепла снова ее власть, если бы укрепилось снова ее влияние на умы трудового народа. Тогда для управления этим присмирившим народом ей снова стали бы совершенно достаточны обыкновенные способы его обмана под флагом „демократии“.

Но ничего подобного в действительности нет. Дикое насилие фашизма еще более озлобляет пролетариат и крестьянство. Бремя налогов на бедноту растет. В результате сокращения штатов увеличивается безработица, а вместе с тем и нужда итальянских рабочих. Доходы буржуазии, пользующейся всякими привилегиями, наоборот, растут. Растет контраст между бесправным положением нищего пролетариата и роскошью буржуазии,

права и привилегии которой свято охраняются. Открытая, жестокая диктатура буржуазии все шире раскрывает глаза итальянскому рабочему на сущность и методы классовой борьбы. Взмахи меча буржуазной диктатуры не только наносят раны рабочему, но и рассеивают туман, которым он был окутан во времена „демократии“ ¹⁾.

Да и весь ход роста и развития международного революционного движения пролетариата не таков, чтобы содействовать смягчению борьбы в Италии, возврату к „доброму старому времени“ гражданского мира и „демократии“. Классовая борьба разгорается и обостряется во всем мире. Революционное движение всюду растет и созревает.

А вдобавок еще перед глазами итальянских рабочих пример Советской России — этой единственной страны, где низвергнута власть буржуазии, где нет фашизма, нет даже его зародышей, нет насилий фашизма над трудящимися. Этот

¹⁾ Раскрываются глаза даже фашистских рабочих. Так, фашистские корпорации в Турине вынесли резолюцию протеста против стараний предпринимателей уничтожить закон о 8-мичасовом дне. На заводе Монфальконе в Триесте фашистская корпорация объявила забастовку протеста против увольнения 25 рабочих, получающих выше 2 лир в час, и найма 60 новых рабочих за меньшую плату. К бастующим рабочим присоединились и служащие конторы. В Турине на заводе „Фиат“ рабочие всех профсоюзов — красного, католического и даже фашистского — образовали единый фронт для борьбы против наступления капитала.

пример заразителен. Свет этого маяка не затемнишь никаким туманом.

Итак, нет надежды, что фашизм изживет себя, что он погибнет от собственного разложения. Чтобы фашизм погиб, его надо свергнуть силой. А это может сделать только революция пролетариата.

Фашизм—это явная, ничем не прикрытая диктатура буржуазии. Это последняя форма буржуазной государственной власти. Чтобы уничтожить ее, нужно отнять у буржуазии государственную власть. А это может сделать только пролетарская революция, которую прекрасно подготавливает фашизм, сея против себя ненависть во всех трудящихся и подготавливая этим единый фронт эксплуатируемых против единого фронта буржуазных эксплуататоров.

В других европейских странах еще возможно— а в некоторых и вероятно —временное возвращение буржуазии на путь демократии в борьбе против революции. Ведь утопающий хватается за что попало; он ищет опоры и справа и слева. В Италии это очень мало вероятно. Итальянская буржуазия уже испытала это средство в эпоху Нитти; она испытала непрочность этой опоры. Для нее эти „прекрасные дни Аранжуэца“ уже прошли. Она слишком близко заглянула в глаза своей смерти, чтобы попытаться еще раз заигрывать со своим могильщиком. В фашизме нашла она свое спасение и фашизм останется ее излюбленным орудием борьбы против подготавливающегося к восстанию народа.

Судьбы фашизма ¹⁾.

Н. Иорданского.

I.

Выступление фашизма на политическую сцену в качестве организованной и действенной силы совпало с периодом послевоенного кризиса мирового капитализма и наивысшего напряжения штурмовых атак коммунистического пролетариата на твердыни буржуазного строя.

Это совпадение даст повод многим исследователям рассматривать фашистское движение, как самозащиту (некоторые прибавляют: законную) буржуазии от революционного натиска рабочего класса.

Против коммунистической болезни, — говорит Алазар, — „было найдено однородное лекарство: на палку отвечать палкой, на револьвер — револьвером, на насилие — насилием“. Фашисты встали

¹⁾ Перепечатано из № 7 (апрель) „Коммунистической Революции“.

против коммунистов. По примеру последних, буржуа решили сформироваться в отряды и проучить тех, кто нарушал их мирное существование“ ¹⁾. „Фашизм — синоним антиколлективизма и антидиктатуры пролетариата“, — пишет Горголина. „Фашизм — милиция класса“, — утверждает де-Фалько ²⁾.

Подобные определения не противоречат действительности, но они недостаточны для ее понимания. Из них можно сделать тот вывод, что фашизм имеет только оборонительный характер, что он является простой полицией буржуазной безопасности, техническим придатком к существующим уже органам буржуазного государства.

Полицейские подвиги фашизма несомненны и весьма значительны. Однако, самая громкая полицейская слава не может объяснить мировых завоеваний фашизма. Полиция — только оборонительный аппарат, она не преследует завоевательных целей, она защищает то, что есть, не пытается создавать новую идеологию и обращать в свою веру. Между тем, фашизм носит наступательный характер и провозглашает себя творцом новых истин, которые он огнем и мечом внедряет в темные умы человечества.

„...В то время, как национализм действует исключительно в пределах нации, фашизм несет

¹⁾ I. Alazard, *Communisme et fascio en Italie*, p. 77.

²⁾ Г. Савдомирский, *Фашизм*, стр. 17.

свои идеалы и духовные ценности всему человечеству“... „Фашизм чувствует в себе самом достаточно сил, чтобы преподать марксизму или ленинизму уроки права, политической экономики, морали и философии истории“, — заявляет один из фашистских теоретиков Горголини ¹⁾.

Бодрое самочувствие фашизма, конечно, не может быть признано бесспорным доказательством его сил, но оно, во всяком случае, свидетельствует об его стремлении выйти из круга отрицательных задач и выработать созидательную идеологию. Судьба фашизма, его интернациональный размах, его быстрое и широкое распространение в самых различных странах наглядно показывают, что в фашистском движении имеется если не выработанная идеология, то зачатки такой идеологии, и что в современном обществе сложилась та классовая почва, которая обеспечивает обильные всходы фашистских семян.

Но эта почва не могла образоваться в короткий — с исторической точки зрения — послевоенный период. Процесс ее образования ускорен и оформлен войной, но он начался еще в ту мирную эпоху, когда буржуазия уничтожала человечество не снарядными и удушливыми газами, а голодом, безработицей и другими методами добросовестной и свободной конкуренции.

¹⁾ Там же, стр. 55.

II.

Распад, обнищание и хаос, связанные с мировой войной и не устранившиеся Версальским договором, настолько мучительны и велики, что довоенный период кажется многим райским блаженством по сравнению с послевоенными трудностями жизни. Тем не менее, не следует забывать, что уже перед войной буржуазный мир далеко не чувствовал расцвета сил и подъема духа. Очертания грядущего кризиса выступали с полной ясностью и волновали даже наиболее проницательных представителей буржуазной мысли.

На последних „мирных“ годах буржуазного господства лежала густая тень. Экономические отношения, вместо доброго согласия народов, порождали взаимную неприязнь, вспыхивали мелкие войны, милитаризм давил население тяжестью налогов, рабочий класс, сознательность которого быстро возрастала, поднимался с социальных низов, начиналось движение в колониях, среди рабов Европы. Грандиозные стачки потрясали промышленность. Частная собственность и частнокапиталистическое хозяйство явно переставали быть наиболее целесообразной формой производства.

Кризис экономического строя, разложение фундамента отражались и во всех проявлениях буржуазной идеологии. Здоровый материализм сменился идеализмом и мистицизмом, реализм — ту-

манным символизмом, демократизм — различными авторитарными утопиями. В частности, парламентарная форма государственного строя вызвала горькое разочарование.

Казалось, что старые формы личного и общественного уклада, выкованные буржуазией в революциях конца XVIII и начала XIX веков, перестали удовлетворять самое буржуазию, и она одновременно ищет новых путей, новых сил для сохранения своего господства и теряет веру в смысл своего существования. Уже тогда появились пророчества о гибели европейской культуры, о конце греховного европейского мира и т. п.

В качестве примера достаточно указать на модную теперь книжку О. Шпенглера. Она вышла в свет в декабре 1917 года, но, как утверждает автор в предисловии, была закончена уже в половине 1914 года, заглавие же ее: „Закат Европы“ определилось для автора еще в 1912 году.

Закат Европы, по Шпенглеру, является неизбежным, как смерть, последствием того, что европейская культура вошла в стадию цивилизации. Различие же между культурой и цивилизацией заключается в том, что эпоха культуры — эпоха всенародного творчества, эпоха крестьянства, дворянства, духовенства, старинных-маленьких городов. Цивилизация — эпоха искусственного состояния, разработки уже установленных форм, последнее завершение культуры, ее неизбежный конец, эпоха мирового города.

Европа переходит от культуры к цивилизации в XIX столетии. „С этого момента ареной больших духовных решений становится не „вся страна“, как это было во время реформации, когда, собственно, каждая деревня играла свою роль, а три или четыре мировых города, которые всосали в себя все содержание истории и по отношению к которым вся остальная страна культурно нисходит на положение провинции, имеющей своим исключительным назначением питать эти мировые города остатками своего человеческого материала. Мировой город и провинция, этими основными понятиями всякой цивилизации открывается совершенно новая проблема формы истории, которую мы сейчас переживаем“... ¹⁾.

Характеристика этой новой формы весьма сурова. „Вместо мира — город, одна точка, в которой сосредоточивается вся жизнь обширных стран, в то время, как все остальное увядает; вместо богатого формами, сросшегося с землей народа — новый кочевник, паразит, житель большого города, человек, абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокого отвращения к крестьянству (к его высшей форме — провинциальному дворянству), следовательно, огромный шаг к неорганическому, к концу“... ²⁾.

¹⁾ О. Шпенглер. Закат Европы, т. I стр. 31.

²⁾ Там же, стр. 32.

В мировом городе нет народа, а есть масса. Присущее ей непонимание традиций, борьба с которыми есть борьба против культуры, против знати, церкви, привилегий, династий, преданий в искусстве, границ познаваемого в науке, ее превосходящая крестьянский ум острая и холодная рассудочность, ее натурализм совершенно нового склада, идущий гораздо дальше назад, чем Руссо и Сократ, и непосредственно соприкасающийся в половых и социальных вопросах с первобытными человеческими инстинктами и условиями жизни, ее: „хлеба и зрелищ“, которое в наши дни опять оживает под личиной борьбы за заработную плату, и спортивных состязаний“... ¹⁾ — все это признаки завершения, угасания европейской культуры.

Рассуждения Шпенглера примечательны как образец буржуазной идеологии упадочного периода капиталистического развития. В них и сознание кризиса капиталистического строя, воспринимаемого как гибель культуры, и ненависть к мировому городу, арене пролетарской борьбы, и скорбь об авторитетах прошлого, о церкви, династии и других беспощадно разрушаемых пролетариатом традициях. Но в них есть указание и на тот общественный слой, который после войны сделается надеждой буржуазной реакции: почвенное, ограниченно связанное с землей крестьянство. Если добавить, что похоронный пессимизм Шпен-

¹⁾ Там же, стр. 33.

глера исключает из числа обреченных на гибель стран — Пруссию, которая, как относительно молодая страна, еще способна оживить мир, соединив истинно-пруссский социализм с империализмом „старо-пруссских сил“, то в этой идеологии уже намечены основные черты того движения, которое после войны с шумом выступило под именем фашизма.

Конкретные формы фашизма видоизменяются в зависимости от обстоятельств времени и места, но для всех них общее одно: в фашизме буржуазия, потрясенная кризисом капитализма, стремится противопоставить социализму новую идеологию и новые государственные формы, которые связали бы духовно и физически революционный пролетариат и отсрочили бы на неопределенный срок гибель буржуазного общества.

Но для укрощения и подчинения буйного и греховного „мирового города“ необходимы реальные силы. Эти реальные силы международный фашизм ищет и находит в „деревне“ и „провинции“, по терминологии Шпенглера, т.-е. в крестьянстве и мелкой городской буржуазии.

III.

Появление на политической арене крестьянства в качестве активной, а во многих случаях даже решающей силы составляет характерную особенность послевоенной эпохи, хотя было бы ошибкой

отрицать, что оно подготовлялось всем предшествующим войне ходом экономического развития. Но война и в этом процессе, как и в ряде других, сыграла роль искусственного возбудителя и ускорителя.

Десятки миллионов крестьян, вырванные из деревенских изолированных гнезд, были брошены в империалистические армии, приучились к взаимному общению, приобрели навыки в пользовании техническим аппаратом современной культуры, телеграфом, телефоном, радио, ознакомились с жизнью других городов, поняли свою силу и значение организации, усвоили, наконец, полезные для них выводы той демагогической пропаганды, которую вели воюющие правительства, чтобы подорвать государственный механизм противника.

Деревня пробудилась, как сказочный великан, и повсюду потребовала удовлетворения своих нужд и признания своих прав. Послевоенная экономика, когда разоренный и обескровленный город, казалось, уступил деревне первенствующее место в обладании хозяйственными ценностями, подвела прочный фундамент под политическое движение деревни.

Содержание крестьянского движения отличается сложностью и туманностью вследствие различия составляющих его элементов. В деревне до сих пор можно встретить, наряду с оформленными течениями буржуазного индивидуализма и либерализма, анархические и даже коммунистические течения типа средневековых утопических сект.

вместе с определенными тяготениями беднейшей части крестьянства и сельского пролетариата к пролетариату промышленному. Единственное, что выделялось с полной отчетливостью в хаосе крестьянского потока, это — требование земли и, в качестве необходимого условия земельной реформы, требование усиления политической роли крестьянства в буржуазном государстве.

Крупная буржуазия учла крестьянскую тягу к земле. Волна аграрного законодательства в пользу крестьян прошла по всей Европе. Даже английский парламент вотировал ассигновки на вспомоществование фермерам, чтобы, по выражению Ллойд-Джорджа, укрепить наиболее устойчивый и благонадежный класс современного общества. Вместе с тем, в области государственного устройства проведены были повсюду широкие формально-демократические реформы.

Этот социальный компромисс дал возможность крупной буржуазии ослабить натиск крестьянского моря и направить его по иному руслу — против „разрушителей“ буржуазного благополучия, против рабочего класса.

IV.

При описании фашистских организаций (фашио — союз) очень много говорится об участии в них студентов и бывших военных, оказавшихся после войны в трудном материальном положении. Некоторые писатели готовы из видной роли этих

элементов в фашистском движении сделать выводы об ограниченности социальной базы фашизма. Между тем, нельзя забывать, что и студенчество и бывшие военные для определения их социально-политического веса должны быть выяснены со стороны своего классового происхождения. Среди европейских, а в особенности скандинавских студентов число „крестьянских детей“ весьма значительно. Не менее значительно и число крестьян среди категории бывших военных. Без этой связи с кулаческими элементами крестьянства кучка учащихся юнпоей и отставных офицеров никогда не могла бы создать международное движение.

К сожалению, статистики социального состава фашистских союзов в нашем распоряжении не имеется. Но кое-какие данные все же показывают, откуда вербуются фашистские армии.

На третьем конгрессе итальянских фашистских организаций в ноябре 1921 года были собраны сведения об общественном положении участников фашистских союзов. При всей неполноте этих данных, они рисуют небезынтересную картину.

Заводчиков и фабрикантов.....	4.269
Лиц либеральных профессий.....	11.661
Торговцев	13.878
Землевладельцев.....	18.084
Учащихся	19.783
Промышленных рабочих	23.418
Служащих государственных и частных....	23.703
Сельско-хозяйственных рабочих	33.847

В с е г о.....148.643

Социальные разряды этой таблицы не всегда исчерпывающе точны. Землевладельцами, например, могут быть собственники различного классового типа. В свою очередь, сельскохозяйственными рабочими в Италии являются и крестьяне, владеющие усадьбой клочком земли. Тем не менее, общее понятие о составе фашистов приведенные цифры могут дать.

Если мы сведем указанные разряды в три основные группы, то получим следующую таблицу:

Городские занятия (капиталисты, рабочие, интеллигенция, учащиеся) ...	69.131
Смешанные занятия (служащие и торговцы).....	37.581
Сельские занятия (землевладельцы и сельскохозяйственные рабочие).....	51.931

Таким образом „деревня“ даже по весьма несовершенным статистическим данным поставляет более трети живого инвентаря фашистской армии. Если бы можно было выяснить, сколько учащихся принадлежит по происхождению к крестьянству, и сколько торговцев (а в скандинавских странах, например, огромное большинство деревенских лавочников входит в фашистские союзы) является сельскими торговцами, то процент участия деревни в фашистском движении значительно возрос бы.

Но и этого еще недостаточно для определения степени участия „деревни“ в фашистском движении. Фашистские союзы по своему назначению боевых дружин могут привлекать только наиболее

активные элементы населения. С этой целью они до последнего времени отказывались превращаться в политическую партию и вербовали своих членов в различных партийных группировках.

Но за ними и вокруг них располагаются более пассивные граждане, энергии которых хватает на участие только в легальной политической партии. Поддержка таких элементов была необходимым условием успеха фашистов. И здесь приходится отметить, что немаловажную поддержку фашистам оказали те итальянские партии, которые связаны с крестьянством: группа Бономи, окрашенная право-социалистическими красками, и народившаяся после войны, но быстро выросшая в большую политическую силу партия итальянских народников (католики). Последняя партия, давшая министров в первый фашистский кабинет, вербует своих сторонников преимущественно среди религиозно-настроенного крестьянства и ведет столь демагогическую пропаганду, что ее левые представители именуются даже „черными революционерами“¹⁾.

Идеи этой партии, проповедуемые ее теоретиками Стцуро и Меда, неоднократно повторялись в речах Муссолини и других представителей фашизма.

Крестьянско-кулацкий характер носят и фашистские организации в прибалтийских государствах.

¹⁾ I. Alazard. Communisme et fascio en Italie, p. 30.

„В Латвии в 1919 году организовалось нечто вроде маленькой армии, носящей название „самооборона“. В состав этой армии вошли, главным образом, земельные собственники как мелкие, так и более крупные. Каждая местная группа „самообороны“ баллотирует своих членов; начальники также избираются, но высшее начальствование в каждом уезде сосредоточено в руках местного уездного начальника.

Принцип латвийской „самообороны“ таков: „Если хочешь сохранить свою землю и свое достояние, то участвуй в их защите с оружием в руках“. Подобно фашистам, здешние „самооборонцы“ стоят за порядок, за твердую власть и активно противодействуют всяким коммунистическим проявлениям.

Всего в настоящее время, согласно официальным данным, организация насчитывает семьдесят тысяч вооруженных членов. Цифра почтенная, если принять во внимание, что всего в Латвии около полутора миллиона жителей, а регулярная армия имеет всего 28 тысяч штыков¹⁾.

Такая же организация самообороны существует и в Эстонии. Наиболее старая фашистская организация, возникшая еще летом 1917 года,— финляндская охранная гвардия, шюдескор, опирается на крестьян-собственников.

В Венгрии, Баварии, Польше, Чехо-Словакии, Юго-Славии, во Франции, Испании, Швейцарии

¹⁾ „Международная жизнь“, 1922 г., кн. 17.

фашизм питается также крестьянско-кулацкими соками. Даже американский фашизм гнездится на фермах и в мелких городках.

Таким образом социальная база фашизма и состав ее активных групп выясняется с полной отчетливостью. Он — порождение крестьянско-кулацкой стихии, которая притягивает к себе мелкобуржуазные элементы городского населения: служащих государственных учреждений и частных предприятий, учащуюся молодежь, часть интеллигенции.

V.

Разнородный и пестрый состав фашистского движения, свойственная мелкой буржуазии изменчивость взглядов и сосредоточение фашистской энергии на отрицательных и разрушительных задачах и служат достаточным объяснением того, что фашизм до сих пор не имеет ни строго очерченной идеологии, ни даже точно сформулированной программы. Однако это отсутствие не означает безжизненной пустоты.

В различных заявлениях фашистских вождей и в их практической политике намечается, пока в общих, но достаточно четких линиях, то руло, в которое направляется новое движение.

Прежде всего, фашизм резко и решительно отвергает философский и исторический материализм. Дино Гранди, один из теоретиков движения, говорит, что фашизм „представляет собой духовное

возмущение нынешнего поколения против вырождающегося материализма“. По его мнению, война снесла до основания все историко-философские концепции прежнего времени и на их месте создала целый ряд новых идеалистических течений.

Сущность нового идеализма заключается в отрицании механического понимания истории, внушаемого марксизмом и материализмом, в осуждении материалистического индивидуализма и либеральной буржуазии и в стремлении примирить религиозное сознание с потребностью человека в беспрепятственном духовном совершенствовании и свободном анализе всего существующего. Другой теоретик фашизма Горголини, восхваляя своего вождя, заявляет: „его социализм скорее всего приближается к индивидуализму, волюнтаризму или спиритуализму, но ни в коем случае не к марксистскому социализму“.

Возрождение идеализма с его возвышенными и вечными принципами, представляющими в действительности фальшивую идеализацию реальных отношений буржуазного общества, необходимо фашистам для восстановления „религии нации“, религии, поколебленной развитием классовой борьбы пролетариата. Испытанная теория господствующих классов о национальном единстве, причинившая столько зла человечеству в период мировой войны, фанатически проповедуется фашистами. „Масса должна представлять собой единое целое с нацией, сливаясь с ее историей“,— гово-

рит Муссолини. Из этого следует, конечно, что масса, слившаяся с нацией, должна отказаться от защиты своих интересов, т.-е. от классовой борьбы. Классовая борьба, по словам Церболио, „вреднейшее заблуждение, проповедуемое коммунистической партией... объяснение процесса общественной жизни при помощи непрекращающейся классовой борьбы, на самом деле, является лишь возвращением к варварскому семитическому примитивизму“. Арийская мудрость фашистов противопоставляет классовой борьбе сотрудничество классов.

Конгресс фашистских профессиональных союзов в ноябре прошлого года принял программу, сущность которой сводится к следующим положениям. Общественные классы должны склониться перед нацией. Место борьбы классов должно занять соперничество индивидуальностей и сотрудничество различных классов. Важное значение капитала установлено. Капитализм не может быть уничтожен. Забастовки, в особенности в предприятиях общественного пользования, недопустимы. Диктатура пролетариата, как власть одного класса, безусловно отвергается.

Эти открытия фашизма не содержат ничего нового. Религия нации, религия духа, сотрудничество классов, мирное разрешение экономических споров между рабочими и хозяевами,— все это давно известные, давно испробованные и давно брошенные за негодностью рецепты социального знахарства. В области основного социального во-

проса нашего времени, в области борьбы труда и капитала, фашизм не выдвигает таким образом ни одной идеи, которая отличала бы его от обычного социал-реформизма. Эта беспомощность и бледность социальной мысли еще раз показывает, что фашизм является не пролетарским движением. Яркость и оригинальность фашизма обнаруживаются только тогда, когда он подходит к социально-политическим проблемам крестьянства и мелкой буржуазии.

VI.

Послевоенное движение крестьянства имело целью перераспределение земельной собственности от землевладельца к земледельцу. Брожение же разоренной войной мелкой буржуазии было вызвано стремлением вернуть утраченный уровень благосостояния и подняться вверх по социальной лестнице. Обнищание средних классов обостряло до ненависти их негодование на всевозможных спекулянтов и разбогатевших выскочек. Колебание цен и дороговизна жизни, жилищный кризис и недостаток товаров, обесценение бумажных денег,— все это приписывалось злой воле и отсутствию национальной солидарности в высших слоях буржуазии. С другой стороны, революционное движение пролетариата, угрожавшее частной собственности, вызывало в мелкой буржуазии страх и раздражение. Единственным спасением от всеобщей разрухи казалась сильная государственная

власть. Но буржуазная государственность, построенная на правовом принципе, превращенная в сложную парламентскую машину, отчасти не могла разрешить наболевших вопросов, отчасти разрешала их слишком медленно и вообще обнаруживала недостаточную приспособленность к боевым задачам времени. Фашизм впитал в себя все недовольство и все политические иллюзии мелко-буржуазной массы, которая считала причиной испытываемых ею бедствий расслабленность старого государства и негодность старой правящей касты.

„Итальянская буржуазия, — говорил Муссолини, — имела свои заслуги. Теперь она должна сойти со сцены... В Италии не было и нет недостатка в программах спасения. Но ей не хватает настоящих людей и необходимой воли. Мы — новые люди, и мы сумеем управлять новой Италией... Фашизм должен обновить конституционный режим... Отныне все становится ясным. Мы уничтожим все социалистические и демократические надстройки. Мы будем иметь государство, которое станет выполнять свою природную задачу: оно будет представлять не партию, а весь коллектив нации, брать под свое покровительство всех, ополчаясь против тех, кто посмеет покуситься на его безусловный суверенитет. Но для этого необходимо усилить его. Государство, которое в течение 50 лет не сумело организовать и укрепиться, не сумело дать отпор социалистическому засилью, которое живет и действует среди вечных колеба-

ний и проявлений слабости, обречено на гибель. Такое государство рушится и падает подобно опереточной декорации. Никакая полптика немыслима, если государство не проникнуто духом жизни, сознания и силы“.

Новые люди не должны останавливаться перед насилием. „Насилие, примененное в необходимых случаях, безусловно является освобождающим насилием“. Законность, которая окружается пыльным внешним почетом в буржуазном обществе, не стесняет фашистов. „Никакие бюрократические уловки, — пишет, например, секретарь одного из боевых союзов провинциальному коммунальному управлению, которому фашисты, вопреки всем законам, приказали подать в отставку. — не смогут ни помешать, ни даже задержать на время осуществление намеченной программы оздоровления. Мы относимся с большим почтением к закону, но в то же время, в своих стремлениях к справедливым целям, мы не останавливаемся перед нарушением его, если он не действует достаточно быстро и успешно“.

Вообще, законность применима только к законопослушным гражданам. „Государство. — поясняет Церболи, — обязано охранять права всех граждан, независимо от их убеждений, но если находятся граждане, которые хотят свою свободу и свое равенство использовать для уничтожения государства, то они из граждан государства превращаются в воюющих с ним врагов“.

На войне же все законы отменяются, и с врагами все средства хороши.

Провозглашая эти принципы, фашизм не только на деле, но и формально отвергает правовые основы буржуазно-демократического государства и заменяет их единственным началом целесообразности. Такое откровенное обнажение классовых задач буржуазного государства вполне совпадает с практикой фашизма. Как известно, особенностью фашизма является организация общественных классовых военных отрядов, и затем прямое действие этих отрядов для достижения поставленных целей. Как вооруженная сила, фашисты и проводили свои решения от подавления стачки, устранения социалистов из коммунального управления, закрытия коммунистических газет и организаций вплоть до захвата власти в Италии.

Неизбежным следствием методов прямого действия вооруженной рукой является отрицание формальной демократии и парламентаризма и стремление к диктатуре, как к наиболее полному воплощению действительно сильной и решительной власти.

Парламент для крепкого крестьянства и мелкой буржуазии — оторванная от жизни говорильня, сборище политических торгашей, бесплодная борьба непримиримых интересов, бесконечная оттяжка неотложных жизненных законов. Наоборот, диктатура, — во-первых, быстрое законодательное разрешение всех проблем в пользу определенного

класса, во-вторых, привлечение к непосредственному участию в осуществлении власти вместо старых кастовых бюрократов новых „мелких“ людей из различных провинциальных закоулков, возможность развития активной власти на местах, которая будет в состоянии заменить мертвые юридические споры правовой демократии живой политической борьбой за интересы своего класса.

Поэтому международный фашизм, повсюду стремясь, в первую очередь, к диктатуре, ставит вопрос о „коренной“ реорганизации государства путем усиления исполнительной власти, сужения прав парламента, создания на-ряду с ним национальных экономических советов, и даже изменения самой избирательной системы в смысле превращения ее в „представительство интересов“ экономических и трудовых групп.

Фашизм, несмотря на его позднее выступление на исторической сцене, достиг уже как социально-политическое явление известной зрелости. В Италии он захватил власть и крепко держит ее уже около полугода. Еще более продолжительный период фашистского господства наблюдается в Финляндии, где еще с половины 1918 года власть находится в руках фашистов.

Этот опыт дает довольно ясное представление о судьбах фашизма и показывает, во что превращается попытка буржуазии создать, при помощи кулацко-крестьянской стихии, новые государственные формы классовой власти, которая обес-

печила бы стране мирное сотрудничество производительных классов и уничтожила революционно-пролетарское движение.

Буржуазия, несомненно, на некоторое время спасает себя от непосредственной опасности левым компромиссом с деревней.

Урезанные аграрные реформы в пользу мелких собственников и привлечение представителей мелкой буржуазии к участию в государственной власти поднимает кверху еще один слой буржуазной массы. Это до поры до времени восстанавливает неустойчивое равновесие буржуазного общества. Но никакой новой государственности буржуазия не создает. Все атаки итальянского фашизма на парламентаризм заканчиваются, повидимому, простым ограничением парламента и усилением правительства по типу дореволюционного германского рейхстага, где министерство зависело не от парламента, а от императора. В Финляндии попытка создать фашистскую монархию окончилась неудачей, так как крестьянство не пошло дальше фашистской республики.

Повидимому, идея буржуазной диктатуры вообще принадлежит в настоящее время к числу реакционных утопий, так как буржуазия не может дать крестьянству ничего, кроме мелких уступок и демагогических обещаний. Восстановить же экономическое положение средних классов и удовлетворить все нужды крестьянства значило бы найти выход из современного кризиса капитализма.

Такого выхода буржуазия не знает. Попытка же осуществить на деле демагогические лозунги фашизма привела бы не к диктатуре буржуазии, а к диктатуре крестьянства, что совсем не привлекает капиталистов.

Таким образом, крестьянская стихия не является такой силой, опираясь на которую буржуазия могла бы идти до конца в своей борьбе против пролетариата.

Вместе с тем, современное состояние пролетариата, в свою очередь, не допускает диктатуры буржуазии в виде длительного государственного строя. Роль пролетариата в производстве, его организованность и сознательность исключают возможность устранения пролетариата, как самостоятельной политической величины, из числа факторов, определяющих судьбы государства.

Беспощадное уничтожение рабочего класса фашистской армией в 1918 году не могло уничтожить революционного пролетарского движения в Финляндии. Не уничтожают его и ежедневные преследования фашистского правительства в настоящее время. Коммунистическая армия Финляндии непрерывно возрастает.

Диктаторские стремления буржуазии вызваны намерением террористическими средствами подавить рабочее движение. Но террор достигает цели только тогда, когда он является оружием в руках класса, творящего новую жизнь, а не в руках умирающего и обреченного класса. Для буржуазии

эпоха социального творчества закончилась, и попытка установления буржуазной диктатуры не даст ничего, кроме бессильных потуг.

Союз буржуазии с крестьянством, без которого не может быть фашизма, также подвержен превратностям. В Финляндии крестьянская партия (аграрии), несмотря на ее кулацкий характер, в последние годы голосует в сейме за уменьшение государственных ассигновок на содержание фашистских организаций.

При таких условиях фашизм не способен надолго сохранить связь и сцепление своих составных частей. Крестьянство в тех местах, где оно через свои кулацкие элементы связывается с крупной буржуазией и идет на поводу у нее, перерастет фашизм. Оно сыграет свою роль в судьбах революционного движения ближайшей эпохи.

Но фашизм, как попытка буржуазии создать новую государственность, не имеет будущего.

Фашизм в Германии.

Гейнца Мёллера.

Современное международное наступление капитала происходит как раз в период распада капитализма, в период кризиса, который, неся с собой попеременно то успехи, то поражения пролетариату в его революционной борьбе, давая капитализму более или менее длительные передышки, в общем итоге скрывает в себе семена его неизбежной гибели. Этот кризис распада капитализма определяет собою как сущность, так и формы наступления капитала. Капиталистические правительства не в состоянии ни обеспечить капитализму мир, ни дать ему прочные политические основы для действительного возрождения, для длительного оздоровления хозяйства; напротив, они вынуждены бросаться в новые авантюры, все обострять существующие империализму противоречия, вызывать новые войны, одним словом — потрясать экономические и социальные устои капитализма, толкая его все ближе и ближе к пропасти.

Задача теперешнего наступления капитала — создать, в период этого процесса разрушения, возможность передышки для капитализма ценой страшного обнищания рабочего класса и путем безудержного террора.

В чем же отличие его от прежних наступлений капитала?

Теперь уже оказывается недостаточно ни чисто экономических средств угнетения (локауты, организованное понижение заработной платы, террор против профессиональных союзов и революционных партий), ни исходящих от централизованного правительства политических мер (исключительные законы, ограничение права стачек и союзов, цензура, классовая юстиция, применение военной и полицейской силы и т. д.). Теперь кроме всех этих прежних методов борьбы выступает на сцену внесударственная и внеэкономическая организация капиталистической „самопомощи“: она создается из деклассированных элементов, применяет методы „прямого действия“ против рабочего движения и демагогически использует националистическую и антисемитскую идеологию, страх перед революцией, охвативший приходящие в упадок слои средней буржуазии.

Организация эта, получившая по примеру Италии название фашизма, финансируется крупной буржуазией, но обнаруживает тенденцию стать самостоятельной, превратившись в своего рода бонапартизм. Подобные организации возникают

во всех странах, где до крайности обострился экономический и политический кризис капитализма, где его существованию все более и более угрожает возрастающая революционность рабочих масс; и по мере того, как это потрясение капиталистического строя усиливается, расширяется и углубляется, принимая международный характер, фашизм становится господствующей формой наступления капитала в международном масштабе. Таким образом международный фашизм, это оружие капитала, является характерным продуктом соотношения сил в этой отчаянной борьбе капиталистического порядка на жизнь и на смерть.

В настоящее время на пути международной контр-революции стоят две революционных твердыни, и на них то сильнее всего направлен ее натиск, так как они представляют наиболее серьезные препятствия для длительного успеха наступления капитала. Первое из этих препятствий — Советская Россия, скала, непоколебимо воздвигающаяся среди контр-революционного моря, о которую до сих пор с позором разбивались все налеты капитала. Второе препятствие — Германия; она, — несмотря на неудачи революционных попыток последних лет, — вследствие ужасного экономического положения и растущего революционирования пролетарских масс, является очагом революционных столкновений, исход которых будет иметь огромное, решающее значение не только для немецкого капитализма и немецкой революции

но и для международной схватки капитала с трудом. Крепость и несокрушимость Советской власти обусловлена прежде всего революционной силой и стойкостью русских рабочих и крестьян. Но в то же время ясно, что эти последние факторы самым тесным образом связаны с судьбами революционной борьбы немецкого и международного пролетариата, с успехом или неудачей наступления капитала в капиталистических государствах. Поэтому развитие фашизма в Германии имеет чрезвычайно важное значение для Советской России и для всего Интернационала, так как именно в Германии прежде всего должны произойти решающие битвы.

Возникновение фашизма в Германии.

Оправившись от первого приступа страха после бурного начала немецкой революции в ноябре 1918 г., последовавшего за крушением германского империализма, контр-революция в Германии приступила к собиранию и организации своих кадров. Следуя призыву социал-демократического правительства к подавлению движения революционного авангарда, белая гвардия собрала свои силы для выполнения кровавого дела. Оно было закончено: пролетариат обескровлен, вожди революционного движения были убиты или брошены в тюрьмы, и вскоре монархические „спасители“ республики стали в ней хозяевами. Социал-демократический

министр Носке принял дальнейшие меры для подготовки неограниченной военной диктатуры: он ввел осадное положение, послал войска в Бремен, Гамбург, Мюнхен. В марте 1920 г. произошел Капповский путч, первая крупная попытка устранения из правительства социал-демократических лакеев, сослуживших свою службу реакции, первая попытка установления фашистского правления. Попытка не удалась, натолкнувшись на сопротивление пролетариата. В дни Капповского путча в Рурском бассейне и Тюрингии возникли новые революционные центры борьбы за власть, сами собой организовались революционные кадры для подавления контр-революции. Момент опять был благоприятен для сведения счетов с контр-революцией, для подготовки и создания важнейших основ спасения революции, для разоружения буржуазии и вооружения пролетариата, для возрождения советов рабочих и солдатских депутатов на исторически более зрелом базисе. Но и тут социал-демократические лакеи остались лакеями: они стали поперек дороги борющемуся пролетариату и дали возможность оправиться реакции, которая только что перед тем пыталась прогнать их из правительства.

Контр-революция извлекла надлежащий урок из своего неудавшегося путча и изменила свои методы собирания сил и подготовки к бою. Если до тех пор, опьяненная своими военными успехами, она готовилась лишь к непосредственному и не-

медленному захвату власти и ринулась к ней в Капповской аванюре, словно бык на красный платок, не заботясь о социальных устоях своего будущего военного господства, то поведение пролетариата и широких слоев мелкой буржуазии во время Капповского путча научило ее, где и как должна она пытаться обеспечить себе эти устои. В Капповской аванюре реакция упустила из виду, что одного недовольства широких масс политикой социал-демократической партии Германии еще недостаточно. Массы нужно систематически организовать для контр-революции. Этот урок послужил затем стимулом к организации Оргеша в национальном масштабе, гвардии штрейкбрехеров, к сближению с немецко-национальной партией и немецкой народной партией, к тактике устройства собраний бывших фронтовиков, на которых монархические генералы вербуют себе сторонников. На этих собраниях старательно нащупывается настроение деклассированных масс и путем провокаций (покушений) выясняются силы противника.

Под влиянием поражения немецкого империализма в мировой войне и вызванного им банкротства монархической системы, на сторону революционного пролетариата перешли не только очень широкие слои пролетарских масс, прежде безразличных в политическом отношении, но также и значительная часть мелкой буржуазии. Эти массы, проникнутые демократическими иллюзиями, ожидали от социал-демократического правитель-

ства ликвидации реакции и радикального улучшения своего экономического положения, одним словом — осуществления демократических и социалистических идеалов социал-демократии. В первые месяцы революции эти массы, всецело рассчитывая на ожидаемое ими исполнение обещаний социал-демократии, позволили разгромить революционный авангард, созвать национальное собрание, упразднить советы рабочих и солдатских депутатов; таким образом, вместо ликвидации основ контр-революции, получилась ликвидация революционных основ, и естественно, вопросом самого ближайшего будущего стало восстановление реакционного милитаризма в его наиболее диктаторской и кровавой форме. Дальнейшим следствием было уничтожение немногих завоеваний революции, восстановление буржуазии в прежних правах, восстановление прежнего реакционного государственного аппарата, хотя и под республиканско-демократической этикеткой (для надувательства народных масс). Естественно, что при этом вместо ожидаемого радикального улучшения экономического положения пролетариата и обедневших слоев мелкой буржуазии, вместо ожидаемой экспроприации лиц, нажившихся на войне, и социализации производства наступило быстрое ухудшение положения трудящихся масс, невероятнейшее обогащение капиталистов благодаря системе ростовщичества, оставившей далеко позади ростовщичество, пышно расцветшее во время войны.

Это банкротство социал-демократической политики и республиканского парламентаризма превратилось в сознании мелкобуржуазных и полупролетарских масс и политически-безразличных слоев пролетариата в банкротство социалистически-революционных теорий. Насколько быстро в первые месяцы революции эти массы стали вспомогательной армией пролетариата в его борьбе против крайней контр-революции, настолько же быстро указанная политика социал-демократии оттолкнула большую часть их в лагерь реакционеров. Контр-революция, продолжая легальным и нелегальным путем свою подготовку к действиям, воспользовалась этим настроением разочарования. Эти массы послужили материалом для комплектования кадров организаций Орпеша, для организации при помощи государства гвардии штрейкбрехеров (она получила название *technische Nothilfe*, „технической скорой помощи“), в этих массах вели свою разлагающую работу старые генералы — Людендорф, Гинденбург и т. д.

По временам нетерпеливое стремление контр-революционных слоев к выступлениям достигает высшего предела, происходят убийства — Эрцбергера, Ратенау, но всякий раз пролетарские массы осаживают эти вспышки. Бурное развитие фашизма в Италии, увенчавшееся в конце концов победой и захватом Муссолини власти, служит прекрасным и бодрящим примером для германского фашизма; политика выжимания соков из населения, практи-

куемая социал-демократически-буржуазными коалиционными правительствами, подвиги французской оккупации вздымают волну национализма, и немецкий фашизм выступает на сцену в своей современной форме, грозящей опасностями не только немецкому пролетариату, но и революционным интересам мирового пролетариата.

Фашизм в Германии по итальянскому образцу.

Страшное обвинение и быстро растущая пролетаризация слоев мелкой буржуазии, банкротство социал-демократической политики реформ, опасность национального раздробления и австризации и стремление крайней реакции к достижению прежней власти — вот основы и источники немецкого фашизма в его современной форме. С другой стороны банкротство социал-демократической политики реформ содействовало, естественно, все большему освобождению пролетариата от демократических иллюзий, прояснению сознания и революционизированию широких слоев рабочих масс. Верхи тяжелой индустрии хорошо понимали, что при современном экономическом и политическом положении Германии это растущее революционизирование пролетарских масс вскоре может смести в революционных боях все их ухищрения. Поэтому они направляли и направляют все свое внимание на то, чтобы, пользуясь фашистскими способами действия, внести разложение в ряды этой революционной армии.

В настоящее время в Германии имеются две фашистских организации: Национально-социалистическая рабочая партия в южной Германии, во главе с Гиттлером, и родственная ей Великогерманская партия свободы (grossdeutsche Freiheitspartei), во главе с Грефс, в северной Германии, где национально-социалистическая партия запрещена. Обе эти организации работают рука об руку, и в последнее время обе выставляют одинаковые политические требования. Главным отрядом является национально-социалистическая партия, которая в южной Германии, в особенности в Баварии, может развиваться без всяких помех и оказывать решающее влияние как на правительство, так и на уличные массы. Члены ее разделяются на активных (т.-наз. штурмовые отряды) и пассивных. Первые организованы в отделы по итальянскому образцу, вооружены, и во время фашистских выступлений играют роль своего рода активной армии; они устраивают и организуют националистические выступления против комиссий Антанты и оккупации, шествия с военными знаменами, отряды для срыва рабочих собраний, налеты на редакции коммунистических и социалистических изданий, на дома профсоюзов и т. д. Партия, равно как и ее вспомогательные организации, располагают большими денежными средствами и получают поддержку от кругов не только немецкой, но также и французской и американской тяжелой индустрии. Их лозунги: борьба

против еврейского капитала, за аннулирование Версальского договора и удаление комиссий Антанты, смертная казнь ростовщикам, исключительные законы против евреев, освобождение всех „борцов за национальную свободу“, т.-е. тех убийц или организаторов покушений против Эрцбергера, Ратенау и Шейдемана, которые еще находятся в тюрьмах, отбывая смехотворно-малый срок наказания. Опираясь на эти требования, тесно связанные с иллюзиями теряющих под ногами почву мелко-буржуазных слоев, демагогически используя систему ростовщичества и подкупа, они пытаются проникнуть в рабочие массы и воспользоваться их настроением разочарования и отчаяния. Следуя итальянской практике, фашисты втираются на фабрики и заводы в качестве мастеров или простых рабочих, пользуясь покровительством хозяев, в деревнях они фигурируют в качестве полевой стражи, вооруженного Оргеша для подавления движений сельско-хозяйственных рабочих, являясь частью контр-революционных организаций вообще.

Предательская политика вождей профессиональных союзов в деревне вскоре привела к тому, что значительные массы сельско-хозяйственных рабочих вышли из профсоюзных организаций, в которые они вступили в первое время после революции; благодаря этому в сельских округах фашизм находит для себя особенно благоприятную почву. Земельный Союз (Landbund), организация крупных аграриев, уже и раньше обратил внимание на эти

слом и основал при союзе рабочий отдел, ярко-желтую профессиональную организацию. Ясно, что проникнуть в нее и овладеть ею фашизму, при содействии крупных аграриев, очень легко.

Конечно, как Национально-социалистическая партия, так и Великогерманская партия свободы представляют собою лишь главные фашистские организации; на-ряду с ними существует еще много других легальных и нелегальных организаций, напр. „Объединение национальных солдат и офицеров“, „Немецконародный союз охраны и сопротивления“, „Государственно-гражданский союз труда“ (Staatsbürgerliche Arbeitsgemeinschaft), группа Росбаха и многие другие. Все это—отпрыски двух главных фашистских организаций. В последнее время они начинают поглощать отдельные мелкие организации и присоединяться к главным объединениям.

Французская оккупация Рура, как это и можно было предвидеть, довела национализм мелкой буржуазии до белого каления, благодаря чему фашизм за последнее время мог развить особенно лихорадочную работу. Так как широкие рабочие массы нельзя было поймать на удочку этого национализма, то фашисты неотступно пытались и пытаются путем организации провокаторских банд вызывать конфликты с оккупационными войсками и комиссиями Антанты, а среди рабочих возбуждать нужное им настроение. С другой стороны, своими лозунгами они указывают своим при-

верженцам единственный возможный в настоящее время путь с некоторой надеждой на успех активно проявить их бьющую через край и ищущую выхода энергию. Этот выход — не в войне с Францией, но в безудержном терроре против революционных рабочих. „Долой не Францию, а ноябрьскую сволочь!“ Таков был главный лозунг Гитлера на национально-социалистическом съезде в Мюнхене в конце января. В то же время организации хозяев тяжелой индустрии, у которых фашистские банды состоят на содержании, и их пресса говорили о необходимости единого национального фронта, о соглашении классов и приостановке классовой борьбы. Этим боевым кличем фашизма ясно характеризуется смысл националистической шумихи о едином фронте.

В Баварии, как и вообще в Южной Германии, фашизм при своих вооруженных выступлениях и провокационных попытках встречает совершенно открытое покровительство правительства и его органов. Особенно характерно проявилось это во время уже упомянутого съезда Национально-социалистической партии в Мюнхене, где осадное положение, объявленное якобы ввиду фашистской опасности, фактически, наоборот, послужило для охраны фашистов. Вооруженные парады и демонстрации фашистских штурмовых отрядов происходили беспрепятственно под охраной полиции и рейхсвера, тогда как контр-демонстрации коммунистов и социалистов были запрещены. В Южной

Германии и особенно в Баварии у Национально-социалистической партии имеются очень тесные связи с высшими должностными лицами в министерствах, руководящих органах полиции и с генералами рейхсвера.

Такие же связи есть у нее в значительной степени и в Восточной Пруссии и Померании, несмотря на наличие социал-демократически-буржуазного коалиционного правительства. Лишь в самые последние недели коммунистическая пресса сделала разоблачения о заседаниях представителей министерства рейхсвера и прусского правительства, на которых состоялось соглашение относительно дальнейшей нейтральной и даже благосклонной политики по отношению к бандам Оргеша.

Даже в государствах с социал-демократическими правительствами, как напр. в Саксонии и Тюрингии, фашисты в течение некоторого времени могли продолжать свое наступление почти без помех со стороны правительственных органов, направлявших все свое внимание на противодействие выступлениям рабочих. За последнее время, под давлением возмущенных масс рабочих, правительства начинают менять свою тактику, и брошенный коммунистами лозунг образования пролетарских оборонительных групп все более и более одерживает верх среди рабочих.

Резюмируя, можно сказать, что фашизм в настоящее время представляет для Германии большую опасность, могущую в скорости привести

к взрыву, особенно вследствие продолжающейся французской оккупации. Верхи тяжелой индустрии и главари фашизма пока еще не считают момент подходящим для решительного удара, но нетерпение штурмовых отрядов достигло огромных размеров, и главари фашизма, по временам, как это случилось, напр., во время выступления фашистов в Мюнхене в конце января, вынуждены бывают уступить. Это приводит к раздорам между фашистскими организациями и партиями тяжелой индустрии, в особенности в Баварии с баварской народной партией; конечно, раздоры эти временные, в сущности, мнимые, и не могут отклонить приверженцев фашизма от их плана непосредственной борьбы за власть. Для тяжелой индустрии было ясно, что при таком положении вещей фашистский путч вызовет ожесточеннейший отпор со стороны пролетариата, и от национального единого фронта не останется и следа. По временам и по другим поводам возникали трения с католической баварской народной партией, так как фашизм, понимая, что старая форма церкви уже не в состоянии больше служить орудием одурачивания масс, стоит на стороне новой церкви — немецкой народной церкви. Но, само собою разумеется, несмотря на все эти трения, немецкая буржуазия, вместе со всеми своими партиями, при современном крайне остром политическом и экономическом положении, нуждается в фашистском движении, как главной опоре про-

тив пролетариата и поэтому должна оказывать фашизму всяческое содействие.

Дружно действующие вожди фашизма и рейхсвера — по большей части все одни и те же лица, ведущие закулисную работу — за последнее время неоднократно делают попытки возродить прежний эйвонервер (обывательское ополчение) и отряды вольных корпусов [Freikorpsbände]. Так совсем недавно началась вербовка в вольный корпус „Friedericus Rex“ и в бригаду Вейпфеля. Правда, эта нелегальная гвардия официально запрещена правительствами, но ни вербовка в нее, ни ее организация и снаряжение не встречают препятствий.

Немецкий фашизм находится в тесных сношениях с фашистскими организациями в Чехо-Словакии, Немецкой Австрии, в особенности в Тироле, с Венгрией Хорти, а также и с контр-революционными русскими организациями.

Оборонительная борьба пролетариата.

Коммунистическая партия вела и ведет энергичную борьбу против фашизма как в первый период его развития, так и против теперешней его формы. Всякий раз, когда обострившееся положение толкало рабочие массы на уличные выступления, как это было при Капповском путче в 1920 г. или мартовских событиях в 1921 году, после убийства Эрцбергера и Ратенау, коммунисты боролись за вооружение пролетариата и за разоружение

буржуазии. И всякий раз главари социал-демократии вступались в качестве спасителей буржуазии и помогали ей справиться с революционным движением. Но неоднократные поражения немецкой революции послужили в то же время важными этапами в подготовке к окончательной ее победе. В этих боях рабочие массы все более и более освобождались от своих демократических иллюзий, закалялись, приобретали выучку и воспитывались в предвидении будущих беспощадных схваток. В этих боях спланивался и укреплялся авангард пролетариата, привлекал к себе все больше доверия и симпатии и таким образом в повседневной борьбе подготавливал боевое ядро пролетариата. Тогда как социал-демократия в своем отношении к фашизму держится предательской, трусливой и беспомощной политики, а сидящие в правительстве социал-демократические вожди не препятствуют организации и подготовке фашистов и даже, наоборот, пользуются полицией против оборонительного движения пролетариата, коммунистическая партия решительно борется с фашизмом в тесном единении с широкими слоями социал-демократических же рабочих масс. Она всячески старается не допускать фашистов на фабрики и заводы, призывает рабочих организовывать пролетарскую самооборону—в целях контр-выступлений против фашистов, для срывания их собраний,—и всеми средствами мешать их подготовке. Таковы способы ее борьбы с террористическими

действиями фашизма. В этом ее поддерживает значительная масса рабочих. В то же время путем интенсивной просветительной работы среди пролетарских и мелко-буржуазных слоев она вскрывает и разоблачает идеологические корни фашизма и противопоставляет ему идеологию коммунизма. В противовес бесстыдной игре фашизма на националистических настроениях, она указывает массам рабочих, служащих, чиновников и выбитым из колеи слоям мелкой буржуазии единственный путь не только улучшения их экономического положения, беспощадной борьбы с системой ростовщичества и подкупа, но и сохранения национального единства в борьбе с империализмом. Рабочие массы все более и более начинают понимать, что успешная защита этого единства возможна лишь в теснейшем союзе с Советской Россией, с революционным пролетариатом всего мира и с революционными колониальными и полуколониальными странами.

Как раз в последние месяцы, когда под влиянием французской оккупации обстоятельства сложились очень благоприятно для фашистского движения, коммунистической партии удалось вызвать энергичное оборонительное движение со стороны пролетарских масс. Национальный единый фронт,— эта кулиса для беспрепятственного продолжения фашистской подготовки к гражданской войне,— за который так горячо ратовали и верхи тяжелой индустрии, и вожди социал-демократии, в течение

нескольких дней был совершенно сломен: под давлением самих социал-демократических масс рабочие оторвались от буржуазного единого фронта, и во многих местах сами собой стали возникать пролетарские организации самообороны. Социал-демократическое правительство Саксонии было свергнуто коммунистами в конце января за свое благосклонное отношение к фашистам и за противодействие пролетарскому движению самообороны, и в настоящее время руководящие круги социал-демократии вынуждены пойти на уступки в вопросе об организации пролетарской самообороны. Нечто аналогичное наблюдалось и в Тюрингии, где социал-демократический министр в публичном заседании ландтага должен был заявить о необходимости организовать при содействии государственного аппарата пролетарскую самооборону против фашизма. Конечно, эта тактика правительства и социал-демократических вождей имеет целью обмануть пролетарские массы, но рабочие сумеют ответить на нее надлежащим образом. Так, по последним известиям, собрания фабричных советов в Эссене, Вуппертале, Ремшейде, Хемнице и в др. местах постановили немедленно же приступить к организации пролетарской самообороны. Вообще можно сказать, что движение в пользу пролетарской самообороны является в настоящее время ярко-выраженным массовым движением. Во главе с фабричными советами рабочие во многих местах

ведут решительную борьбу против фашистских выступлений. Кроме того, идея самообороны начинает глубоко проникать в многочисленные крупные социал-демократические организации и профессиональные союзы, и организация пролетарской самообороны, сейчас еще находящаяся в зачатке, в дальнейшем преодолет саботаж реформистов и, перешагнув через него, проникнет и в среду реформистских масс.

Немецкий пролетариат все более усваивает уроки прежних поражений немецкой революции, все более учится на кровавом опыте борьбы итальянского пролетариата с фашизмом. Коммунистическая партия, совместно с этими массами, будет продолжать ожесточенную борьбу с фашизмом как в практической, так и в идеологической области. Наличие фашистской опасности, с одной стороны, крайнее обострение экономического и политического положения, в связи с жестоким обнищанием пролетарских масс, прогрессирующим их революционизированием и усилением оборонительной борьбы пролетариата, с другой стороны, дают основание думать,—что скоро противники столкнутся в решительной борьбе.

С того времени, когда были написаны предыдущие заключительные строки нашей статьи, положение обострилось еще больше. Организованное немецкой буржуазией и правительством Куно, выражающим интересы тяжелой индустрии, сопротивление рурской оккупации с самого начала

вовсе не ставило себе целью развернуть все национальные силы для серьезной оборонительной борьбы, а имело в виду, воспользовавшись угаром национализма, подчинить немецкий пролетариат руководству тяжелой индустрии, а затем взвалить на его плечи все последствия капитуляции. В настоящее время это сопротивление уже с совершенной очевидностью становится только декорацией для надувательства народных масс. Буржуазия знает слишком хорошо, что серьезная оборонительная борьба против французского империализма возможна теперь лишь в союзе с Советской Россией и что подобный союз может быть осуществлен лишь путем революционной борьбы немецкого пролетариата против буржуазии и ее власти. Поэтому главная задача немецкой буржуазии в настоящее время—не продолжение сопротивления Пуанкаре, а соглашение с французским империализмом за счет немецкого пролетариата. Для этого необходимо не останавливаться перед кровавым подавлением всякого организуемого пролетарскими массами отпора правительству Куно и тяжелой индустрии, необходимо всякими законными и незаконными средствами преследовать Коммунистическую партию, влияние которой на пролетарские массы быстро возрастает. Но кто лучше, чем фашизм, может выполнить эту задачу—терроризовать рабочее движение и помешать при помощи самых грубых средств дальнейшему росту Коммунистической партии?

Правда, и само правительство со всевозможной настойчивостью борется с коммунистами; правда, и вожди социал-демократии, в целях подготовки коалиции со Стиннесом, по мере сил стараются доказать буржуазии, что они прекрасно понимают необходимость преследования коммунистов. Но при растущей симпатии широких социал-демократических масс к Коммунистической партии, при их враждебности политике коалиций и ясно выраженном уклоне в сторону обострения классовой борьбы помощь социал-демократии оказывается для буржуазии уже недостаточной. Было время, когда весь буржуазный фронт в Германии прятался за спины социал-демократических вождей, которые пытались под вывеской демократии и республики помешать рабочим массам в их дальнейшем движении по пути революции. Но то было в первой фазе германской революции, и с тех пор обстановка коренным образом изменилась. В то время вождям социал-демократии удалось одурачить рабочих демократией. Но для пролетариата урок этот не прошел даром: он кое-чему научился, и поэтому в настоящее время фашизм — скрыто или явно — является якорем спасения для всей буржуазии и для ее республиканских, и для монархических партий.

За последние месяцы немецкий фашизм продолжал неуклонно расти и развиваться. Ему удалось значительно сконцентрировать и объединить свои силы, влив в крупные организации более

мелкие объединения. Самую сильную позицию теперь, как и прежде, он занимает в Баварии. Тут положение уже не похоже на положение в Италии до захвата власти Муссолини: оно гораздо более критическое. Фашистские банды жестоко терроризируют рабочее движение при благосклонном содействии правительства и всего государственного аппарата. Вот характерные примеры. В одном из предместий Мюнхена фашисты в конце апреля устроили вооруженный налет—совсем по итальянскому образцу—на социал-демократическое собрание молодежи. Когда молодежь покинула помещение собрания и заняла оборонительную позицию против провокаторов, последние по команде фашистского начальника рассыпались широким фронтом, легли на землю и открыли огонь залпами по молодежи. И это пример не единственный. Задолго до 1-го мая фашисты рвали и метали по поводу предстоящих майских демонстраций рабочих. Они потребовали от правительства запрещения коммунистических шествий, на что правительство охотно и немедленно согласилось. Накануне 1-го мая фашисты договорились с руководящими органами полиции и рейхсвера по поводу совместных действий против майской демонстрации. Они мобилизовали все штурмовые отряды, поставили пулеметы и орудия против дома профсоюзов и главного места демонстрации и широко оповестили все население о своих приготовлениях в распространенных в огром-

ном количестве листовках с лозунгом: „Женщины и дети — прочь с улиц 1-го мая“! Однако шествие рабочих носило такой грандиозный характер по числу участников, что у фашистов пропала всякая охота к провокациям. В то же время в Нюрнберге обер-бургомистр (социал-демократ) обратился с телеграфной просьбой о военной помощи против фашистов, но адресовал эту просьбу не баварскому правительству в Мюнхене, а непосредственно в Берлин. Союзное правительство „помогло“ ему, переслав телеграмму баварскому правительству, немедленно ответившему возбуждением дисциплинарного преследования против обер-бургомистра. Лишь совсем недавно баварское правительство издало обязательное постановление, но не против фашистов, а против коммунистов, с запрещением устройства ими собраний и каких бы то ни было организаций, предписанием о роспуске пролетарской самообороны, подчинением коммунистической печати предварительной цензуре и т. д. Эти примеры достаточно показывают, что фашистская диктатура в Баварии — во всем разгаре, что правительство вполне открыто стало ее орудием и что поэтому фашистам для полного захвата власти в свои руки вовсе нет надобности в предварительном свержении правительства.

Далее, важными опорными пунктами фашизма являются Пруссия и Вюртемберг. Здесь национально-социалистическая партия (баварская организация фашизма с Гитлером во главе) запрещена,

в Пруссии она запрещена даже под новым названием „Немецко-народная партия свободы“. Но все эти запрещения — одна комедия. Фашизму отлично живется под отеческим оком обоих правительств и под покровительством их органов. Прусское правительство совсем на днях специальным обязательным постановлением запретило пролетарскую самооборону и предписало полиции самым строгим образом противодействовать всяким попыткам организации рабочими пролетарских оборонительных отрядов, формируемых в противовес фашистским штурмовым отрядам.

Как же обстоит дело с оборонительным движением пролетариата? В Саксонии под давлением Коммунистической партии и пролетарских масс, несмотря на отъявленный саботаж правых верхов социал-демократии, удалось образовать лево-социал-демократическое правительство, на известных условиях поддерживаемое коммунистами. Первое из этих условий — организация общей самообороны в предприятиях при участии Объединенной с.-д. партии и Коммунистической партии. Правда, после образования правительства, именно этот пункт соглашения подвергся ожесточенным нападкам со стороны правых верхов Объединенной с.-д. партии, в руках которых все еще находится партийный аппарат Саксонии. Но массы возмущены этим саботажем и совместно с коммунистами организуют свои отряды самообороны. Сходное положение наблюдается и в Тюрингии, лишь с тем

различием, что тогда как в Саксонии лево-социал-демократическое правительство не саботирует организацию отрядов самообороны, в Тюрингии саботаж верхов Объединенной с.-д. партии поддерживается и усиливается саботажем социал-демократического правительства. Но Коммунистическая партия со все возрастающим успехом мобилизует массы, что доказывает густая сеть организаций самообороны почти по всей Тюрингии и Саксонии.

В остальных частях Германии самооборонческому движению приходится бороться с большими трудностями, так как на-ряду с ожесточенным сопротивлением со стороны Объединенной с.-д. партии и реформистских вождей профдвижения ему приходится выдерживать жестокие преследования правительств; но и тут, особенно в Баварии, несмотря на сильный террор, самооборонческое движение быстро растет.

Однако, по сравнению с силами фашизма, в настоящий момент самооборонческое движение еще слабо, в чем не следует, впрочем, видеть доказательства предстоящей верной победы фашизма. Социальная сила пролетарского самооборонческого движения значительно больше, чем это кажется при поверхностном взгляде. Несмотря на все попытки фашизма проникнуть на фабрики и в профессиональные союзы, успехи его в этом направлении пока крайне незначительны. Рабочие противостоят фашизму сплоченной массой, и если Коммунистической партии удастся, в противовес

саботажу социал-демократических вождей, снать массы в единый фронт, то это будет лучшим залогом не только неудачи фашистской борьбы за власть и планов верхов тяжелой индустрии, но в то же время и залогом скорого разложения фашистского движения. Борьба Коммунистической партии за единый фронт с успехом продолжается; Коммунистическая партия быстро растет, и ее влияние среди рабочих масс все увеличивается. Этим объясняется усиление преследований со стороны правительства, при поддержке фашистских банд, и озлобление против коммунистов со стороны вождей социал-демократии.

Коммунистической партии в Германии и революционному рабочему движению вообще грозят в дальнейшем еще большие преследования. Буржуазия попирает ногами знамя демократии и готовит свирепую и грубую диктатуру над пролетариатом. Таким путем, путем усиления эксплуатации и гнета, она хочет взвалить на плечи рабочих масс экономические последствия своей капитуляции перед Пуанкаре. Но и пролетариат прекрасно понял урок „демократии“, и грядущему суждено быть свидетелем не только грубой диктатуры буржуазии, не только террора фашистских банд, но и мощного революционного оборонительного движения пролетариата под руководством Коммунистической партии.

Фашизм в Австрии.

Никодим (Лондонский).

Австрийский фашизм находится пока еще в стадии первоначального накопления сил, но он уже успел выявить весьма характерные признаки все большие и больше растущей смелости хищного зверя.

Возникновение австрийского фашизма фактически можно считать с момента падения Венгерской советской республики.

Буржуазия бывшей Австро-Венгерской монархии, разорванной на клочья Антантой, медленно оправлялась от паралича своей власти после поражения германского империализма. Особенно тяжелым и опасным для буржуазной власти было в тот момент положение вещей в нынешней Австрии, где буржуазия, поверженная в прах победоносным империализмом Антанты, оказалась лицом к лицу с миллионной массой венского пролетариата, охваченного революционной стихией и рвавшегося пойти по стопам Советской России

и вступить в „последний и решительный бой“ со старым миром. Власть поистине валялась на улице и ждала своего единственного и законного представителя — пролетариата. Но венская социал-демократическая партия, в лице ее руководящей верхушки, изощрившаяся за годы империалистической войны в деле предательского соглашательства с буржуазией, проявила поистине дьявольскую энергию, чтобы в момент революционного возбуждения рабочих масс еще раз одурачить их перспективой голодной гибели в случае советизации Австрии и посулами экономической поддержки со стороны Антанты, при условии сохранения буржуазной „демократической“ республики и организации буржуазно-социалистического правительства.

Буржуазия, разбитая и растерявшаяся, была поднята социал-демократическими вождями с улицы и посажена на министерские кресла. Полученную передышку буржуазия не замедлила использовать для осторожного и умелого закрепления потерянных было позиций своего политического господства и, к моменту образования советской власти в Венгрии, представляла уже силу, фактически диктовавшую свою волю продолжавшим еще считать себя хозяевами страны руководителям и вдохновителям социал-демократической партии.

Героическая борьба Советской Венгрии вскрывала перед австрийской буржуазией наглядным образом те опасности, какие ожидали ее в случае

революционного взрыва венского пролетариата. Но пока существовала Советская Венгрия, австрийская буржуазия не решалась выявлять свои реакционные поползновения, направленные против рабочего класса и Австрийской республики. Она довольствовалась охраной капиталистических интересов добросовестными усилиями венской социал-демократии. Падение Советской Венгрии послужило сигналом для австрийской реакции к организации своих сил и к подготовке к открытой борьбе с пролетариатом и с его экономическими завоеваниями, вырванными у буржуазии в момент распада монархии (8-часовой рабочий день, пособия безработным и т. п.).

Силы эти группируются вокруг коронованного „милостью божьею“ и прогнанного волею революционного австрийского пролетариата пьяницы, дегенерата и авантюриста — императора Карла. Организуется несколько монархических групп. Они независимы одна от другой в организационном отношении, ибо у каждой имеется свой „помазанник“, свой претендент, которым они хотят осчастливить австрийских рабочих после падения Австрийской республики: одни хотят вернуть Карла, другие — посадить Баварского принца, третьи — кого-нибудь из Гогенцоллернов (бывший императорский дом в Германии). Но все эти группы едины по своему политическому и социальному устремлению: их одинаково объединяет жгучая ненависть к пролетариату, боязнь роста его рево-

люционных сил и жажда возврата монархии, как системы, наиболее пригодной для решительной и быстрой ликвидации республиканского „своеволия“ рабочих масс.

Во главе этих групп становится наиболее яркая по своей решительности и активным дерзаниям группа „национал-социалистов“, так называемых „хакенкрейцлеров“, или по-русски — группа ломаного креста. Такое название группа присвоила себе в связи со своей групповой эмблемой, своего рода знаменем своей партийной организации.

Эмблема эта представляет собой квадрат, закрашенный красным цветом, за исключением белого круга в центре, в каковом (круге) помещается косою черный крест с загнутыми (ломаными) концами.

В составе каждой из этих монархических групп имеется своя боевая дружина. В последнее время наблюдается однако стремление к объединению боевых дружин. Первый опыт в этом отношении представляет общая для всех монархических групп дружина, по имени „Остара“. Эта дружина насчитывает в настоящий момент более 2.000 человек (бывших фронтовиков) и находится под руководством некоего Теодора фон Моссига (австрийский дворянин) и бывшего генерального консула де Потерра (тоже дворянин). Вся дружина разбита на батальоны, во главе которых стоят батальонные командиры; батальоны, в свою очередь, подразделяются на роты с ротными командирами,

роты—на отделения с отделенными начальниками и, наконец, отделения—на взводы со своими взводными. Другими словами, перед нами сколок чисто военной организации.

Другая дружина, состоящая также из бывших фронтовиков, но организационно обособленная от „Остары“, насчитывает, согласно сообщений, исходящих от монархических кругов, около десяти тысяч человек; она сформирована по типу „Остары“ и находится под начальством полковника Цейсса.

Наконец, имеется еще третья дружина, носящая название „христианско-социалистических блюстителей порядка“ *). Дружина эта представляет не столько военно-обученную организацию, сколько своего рода монархическую гвардию распорядителей в случаях демонстративных выступлений.

Все эти дружины имеют свои арсеналы, склады оружия и собственные учебные плацы. В их

*) Мы уже два раза встречались с «социалистической» этикеткой в названиях приведенных выше монархических организаций: «национал-социалисты» и «христианско-социалистические блюстители порядка». Для рабочего нашей Советской республики, не искушенного в группировках «демократической» австрийской республики, может возникнуть естественное недоумение: что это за штука монархические организации с «социализмом»? Для чего воинским монархическим партиям понадобилась социалистическая наклейка? Штука весьма простая. Социалистическая наклейка монархистам нужна для того, чтобы иметь возможность заманивать в свои ряды наиболее бессознательных рабочих, группирующихся в так называемых желтых союзах.

распоряжении имеется громадное количество оружия, большей частью ружья системы „Манлихер“ и „Вернд“, а также, хотя и в меньшем количестве, русские ружья. Амуницией дружины снабжены в достаточной степени. На учебный плац дружинники приходят в большинстве случаев со своими карабинами, пряча их под пальто, так что вооружение дружинников снаружи совершенно незаметно. О боевых целях дружин можно судить еще и потому, что при них учреждено специальное разведочное бюро, задачей которого является получение информационных сведений о положении дел в рабочих дружинах *).

Подготовка к боевым выступлениям монархических групп со всей очевидностью иллюстрируется еще и тем, что, кроме общей дружины „Остары“, у всех монархических организаций имеется в настоящий момент общее главное правление, задачей которого является осуществление единого фронта „в серьезном случае“. В начале марта нынешнего года решено было издавать новую монархическую газету „Австрийские Известия“, в которых будут опубликовываться этим авторитетным для всех монархистов главным правлением все распоряжения и приказы, исходящие от монархических партий всех без различия партийных оттенков. Имена лиц, входящих в состав этого правления, сохраняются в строгой тайне. *)

*) Рабочие дружины организованы, в целях обороны, соц.-демократической и коммунистической партиями.

Накопление боевой энергии всегда, как известно, ищет, в конце концов, выхода—какого-либо практического приложения накопленных сил. Победа итальянского фашизма щекотала австрийских монархистов соблазном перейти поскорее к урокам того „предметного“ обучения фашистских батальонов в Австрии, какое, за несколько месяцев до этого, практиковал Муссолини в Италии. Нужен был только какой-нибудь более или менее подходящий повод для того, чтобы австрийский фашизм выступил открыто на арену действий. Такой повод вскоре был найден. В Венгрии к ректору Будапештского университета обратились студенты-националисты (фашистского толка) с требованием лишить одного профессора-еврея права читать лекции. Ректор имел мужество отказать в исполнении этого требования. Тогда будапештская организация студентов-националистов обратилась к националистическим студенческим организациям Венского университета с приглашением поддержать их протестованием подобного рода требований в Вене. Националистическое студенчество Венского университета живо откликнулось на это приглашение и начало свою антисемитскую кампанию с того, что запретило студентам-евреям пользоваться обедами из студенческой столовой. По поводу этого запрещения, один

*) Все данные о монархических группах взяты из либеральной венской газеты «День» (Der Tag).

из студентов-евреев однажды высказал открыто в студенческой среде свое недоумение в том смысле, что денежные сборы на поддержание столовой обязательны для всех студентов. Можно, дескать, получать и от евреев, а обедов давать евреям нельзя. Такое заявление было сочтено оскорблением национального достоинства австрийских студентов.

Националистические студенческие корпорации, придравшись к такому „оскорблению“, устроили „истинно-патриотический“ дебош, в духе тех „патриотических взрывов негодования“, на которые были когда-то такими мастерами молодцы из „истинно-русского народа“ царской России. В течение двух дней студенты-националисты избивали и не пускали в университет студентов-евреев, опознавая их по лицу и по паспортам, предъявление которых требовалось от каждого желающего пройти в университет. Ректору было предъявлено требование не допускать евреев-профессоров к чтению лекций. Наконец, в довершение всего „победопосные“ националисты, вооружившись палками, прошли демонстративным маршем по улицам Вены. Вскоре после этой, так сказать, „пробы пера“ состоялась конференция, созванная немецко-национальными организациями студенчества, выделившими из своей среды, в конце концов, так называемое „Бюро помощи арийским студентам (т.-е. всем студентам не-евреям) австрийских университетов“, как постоянный орган активного

действия объединенного антисемитического студенчества. Первым политическим крещением этой конференции было вынесенное ею, как руководящая директива действий для созданного органа, требование провести в законодательном порядке установление процентной нормы для поступления студентов-евреев в австрийские университеты. Вскоре требования националистического студенчества подхватываются австрийскими „национал-социалистами“, которые 21 января с. г. устраивают в Вене первую фашистскую, прекрасно организованную, демонстрацию, состав которой уже сам по себе наводит на мысль, что в этот день вынесено было на улицу то, что было заранее подготовлено и на что, быть может, в тиши кабинетов было затрачено немало предварительного организационного труда. В демонстрации участвовали следующие организации: великогерманская народная партия, союз фронтовых борцов, партия националистов - социалистов, инсбрукская (Инсбрук — главный город в провинции Тироль) организация социалистов-националистов, христианско-социалистическая партия, студенческие батальоны „хакенкрейцлеров“, всенемецкий союз и союз немецких националистов в Вене. Судя по газетным отчетам, в демонстрации участвовало около 30 тысяч человек. Все это по существу монархические организации, все это кадры созревающей контр-революции в Австрии, впервые демонстрировавшие свою боевую выправку и дисциплинированность.

Участие в демонстрации партии „хакенкрейцлеров“, являющейся уже вполне определившимся авангардом австрийского фашизма, объясняет общий смысл речей выступавших ораторов, который в большинстве случаев сводился к натравливанию против евреев и против „еврейско-марксистской диктатуры“ в Австрии. Руководящая линия агитации вылилась в следующих резолютивных требованиях демонстрации: 1) признание евреев особой, не немецкой народностью; 2) зачисление евреев при предстоящей народной переписи, как особой расы; 3) признание недействительными всех государственных постановлений последнего времени, противоречащих этой точке зрения; 4) поручение органам городского и сельского самоуправления при распределении по национальностям сумм, предназначенных на общественные работы и вспомоществования, руководствоваться результатами предстоящей народной переписи и 5) передача этих требований на народное голосование, если правительство не в состоянии будет их выполнить собственными силами.

Важнейший смысл этих лозунгов сводится в сущности к двум основным задачам фашистских вождедений. С одной стороны, ограничение национальностей, могущих пользоваться поддержкой из фонда, предназначенного для общественных работ и для вспомоществования, расширяет возможность формирования кадров реакционной армии путем обеспечения материальных подачек из этого

фонда лицам, идущим на службу к фашизму. С другой стороны, угрозой передать вопрос на народное голосование фашисты хотят поддержать нынешнее реакционное „христианско-социалистическое“ правительство в его ясно уже обнаруживаемых намерениях идти по пути решительной борьбы против „демократической республики“. „Не робейте!“—говорит правительству словами резолюции первая фашистская демонстрация: „Народ за вас, и, в случае надобности, народное голосование вас поддержит“...

Но „хакенкрейцлеры“, стоящие во главе организующихся сил австрийского фашизма, уже и сейчас не ограничиваются одной резолютивной деятельностью. Спустя несколько недель после фашистской демонстрации Вена сделалась ареной первых, еще как бы разрозненных, но уже с признаками все более возрастающей смелости, активных выступлений австрийского фашизма. На этот раз фашисты ареной для своих боевых подвигов избрали публичные лекции двух профессоров-евреев — Гиршфельда и Николая. Вот как описывает происшедшее германская понедельничная белогвардейская газета „Время“, корреспондент которой, повидимому, был в числе слушателей на лекции проф. Гиршфельда: „Вступительное слово к лекции на тему: „сексуальные преступления“ только что закончилось, и лектор намеревался приступить к основной теме, когда неожиданно в рядах слушателей началось движение. Кто-то, прилично одетый, дал сигнал, и скандал начался. С криками:

„Долой лекцию! долой евреев!“ стали бросать с верхнего этажа в публику склянки с удушливыми газами, быстро наполнившими весь зал. Кто-то сбросил сверху в партер два стула, ранившие некоторых из сидевших на местах. Вслед за этим началась стрельба... из хлопушек. Перепуганная публика стала бросаться к выходам, началась страшная паника и давка. Но общий ужас охватил всех, когда с верхнего этажа стали бросать вниз зажженные факелы сложенных в трубки газет, пропитанных горючими веществами. Падавшие вниз огненные столбы обжигали сбившихся в кучу у выходов посетителей лекции. Выйти из зала оказалось делом нелегким. В то время, как одна часть скандалистов „забавлялась“ в зале пусканием в публику „зажженных змей“ и обливала всех сверху обильным количеством вонючего раствора, другие, заняв все выходы, избивали публику резиновыми стэками. Многие из избитых, как мужчины, так и женщины, получили ранения в лицо и голову резиновыми палками и отправлены в больницу. К моменту прибытия полиции большинство организаторов скандала успело рассеяться. Задержано было только 32 человека, в числе которых трое оказались 24-летнего возраста, остальные же все—студенты и гимназисты, в возрасте от 17 до 19 лет. Большинство из них—члены партии „хакенкрейцлер“, остальные—националисты. Такая же история повторилась и на лекции проф. Николай.

Фашистский характер и фашистская организация всех этих первых опытов австрийского националистского студенчества подтверждаются косвенным образом тем, что почти одновременно с этими выступлениями Вену решил посетить такой матерой представитель немецкого фашизма, как генерал Людендорф. Правда, благодаря трогательным заботам австрийской полиции о неприкосновенности личности генерала Людендорфа, открытый въезд его в Вену не состоялся. На Южном вокзале рабочие организации заготовили ему было „надлежащую“ встречу, но полиция высадила его за две станции до Вены и доставила его в Вену на автомобиле с тем, чтобы он выехал в тот же день из Вены. Это однако не помешало генералу оставаться в Вене три дня и присутствовать на организованном „хакенкрейцлерами“, по случаю его приезда, собрании фашистов.

Посещение Людендорфом Вены не осталось без следа. Вскоре после его отъезда фашистское движение проявило себя новым этапом растущей смелости. В рабочем квартале, в одном из ресторанов, где помещается постоянный клуб рабочей участковой организации, происходило заседание „хакенкрейцлеров“. Рабочие входили и выходили из клуба. Это показалось „Хакенкрейцлерам“ весьма подозрительным *). По окончании заседания

*) Рабочие в разных местах Австрии, в городах с фабричным населением, разгоняли в последнее время фашистские собрания.

группа „хакенкрейцлеров“ села в трамвай. В этот же трамвай вошло также и несколько человек рабочих, которых фашисты видели в ресторане. Оказавшись на одной площадке с рабочими, фашисты начали прогонять рабочих из вагона. Встретив сопротивление, фашисты остановили вагон, открыли стрельбу из револьверов, и в результате один рабочий был убит и многие тяжело ранены. Вождем фашистской банды, расстрелявшей рабочих, оказался отставной офицер из союза фронтовиков.

Таким образом крещение фашизма кровью рабочих — уже совершившийся факт. Путь от демонстраций до первых кровавых расправ фашизма над рабочим классом в Австрии уже пройден. Ближайшее будущее покажет, закончена ли уже организационная работа по формированию фашистских боевых кадров. Во всяком случае, немного раньше или немного позже, но австрийский пролетариат, не взявший в свое время власть в свои руки, вплотную встретится с вопросом о необходимости защищать уже не только свои „демократические“ завоевания, добытые революционным подъемом в 1918 г., но и свою жизнь в прямом смысле этого слова.

Фашизм в Испании.

Андреас Нин.

Если понимать под фашизмом насильственное и организованное действие мелкой буржуазии и деклассированных элементов, имеющее целью разгромить, в интересах капитализма, революционное движение, то следует сказать, что фашизма в Испании в настоящий момент еще не существует. С другой стороны, следует все же отметить, что в этой стране имеются налицо составные элементы фашизма, выжидающие лишь благоприятного случая для того, чтобы сорганизоваться и координировать свои силы в широком наступательном движении на пролетариат.

1.

Белый террор.

Буржуазия пыталась неоднократно силою раздавить революционное движение. Когда обычные репрессии оказались недостаточными, она прибегла к помощи террора. Ввиду того, что центром рево-

люционного движения была Барселона и Каталонская область, столицей которой является этот город, то террор был направлен главным образом против пролетариата этих мест. Первая попытка организовать банды с целью убийства активных деятелей рабочего движения была произведена в 1913 году одним из полицейских инспекторов Барселонны—Марторелем. Но на этот раз попытка оказалась неудачной. С 1917 г. до 1920 г., в период сильнейшего развития рабочего движения, анархосиндикалисты, пользовавшиеся наибольшим влиянием в упомянутой области, прибегали к индивидуальному террору, как к обычному приему борьбы. Предприниматели, полицейские, агенты-provokatory погибали под их ударами. Эта тактика раздражала, конечно, буржуазию, которая однако не была в состоянии положить ей конец. В 1919 г. барселонская Федерация Предпринимателей организует первую банду, во главе которой стоит бывший начальник полиции Брабо Портильо, во время войны находившийся на службе у германского посольства. Эта банда совершала множество преступлений. Она стала пособницей полиции, арестовывала рабочих и убила ряд видных активных деятелей пролетарского движения. В один прекрасный день Брабо был убит. Его заместил некий барон де-Кёниг, который состоял, кроме того, на службе в германском посольстве. Эта банда, в свою очередь, совершила множество преступлений; но в конце концов почти все члены

ее погибли в трагических условиях, а вожак скрылся из Испании. К концу 1920 г. белый террор принял организованную систематическую форму. Параллельно с репрессиями правительства начали развивать свою деятельность банды, находившиеся под непосредственным руководством префекта Барцелоны генерала Мартинеца Анидо и начальника барселонской полиции Арлеги, и убили десятки активных работников. С перерывом в несколько месяцев этот террористический режим продолжается до настоящего момента. В течение первых трех месяцев 1923 г. в Барселоне, в результате этих покушений, было зарегистрировано 23 убитых и более 30 раненых.

Обострение белого террора совпадало всегда с критическими для буржуазии периодами отсутствия заказов, заполнения рынков заграничными конкурентами и т. п.

2.

Составные элементы испанского фашизма.

В белом терроре принимали участие различные группы и организации. Они же являются составными элементами испанского фашизма.

а) „Соматен“.

Этот институт существует только в Каталонии, наиболее промышленной области Испании. Раньше он существовал только в селах и всецело был посвящен выполнению полицейских функций.

В конце 1918 г. буржуазия, напуганная ростом революционного движения, организует этот институт и в городах. „Соматен“ организован по военному; им руководят офицеры испанской армии. „Соматен“ возник в марте 1919 г. во время грандиозной всеобщей стачки, разразившейся в Барселоне. Члены этой организации стали выполнять роль штрейкбрехеров и пособников полиции и предпринимательских банд; несли патрульную службу, обыскивали прохожих, производили аресты и убили ряд рабочих вождей; они отличались своей жестокостью. С этого момента „Соматен“ начинает сильно развиваться. Он совершенствуется; он организует постоянный шпионаж за рабочими вождями и учреждает бюро, в котором сосредоточиваются все подобные сведения. Все члены „Соматена“ имеют разрешение на ношение оружия и участвуют в покушениях, не опасаясь вмешательства полиции.

В настоящее время „Соматен“ представляет собой настоящую белогвардейскую организацию, насчитывающую в одной только Барселоне более 12 тысяч членов. Огромное большинство буржуазии входит в состав этой организации. Она вооружена ружьями системы „Винчестер“ и имеет в своем распоряжении митральезы и блиндированные автомобили.

б) Организация „Гражданского Действия“ („Accion Ciudadana“).

„Гражданское действие“, это — организация совершенно аналогическая „Соматену“. Она суще-

ствуется в ряде городов, в особенности в Мадриде и Сарагоссе. В количественном отношении она гораздо слабее „Соматена“, и ее организация далеко не так усовершенствована. „Acción Ciudadana“ играла до сих пор лишь второстепенную роль.

в) „Свободные профсоюзы“.

Так называемые свободные профсоюзы организовались в Барселоне и в других наиболее крупных центрах Каталонии приблизительно в середине 1920 г. Эти профсоюзы заявляют, что цель их состоит в освобождении рабочих от тирании красных профсоюзов. В действительности же этих „свободных профсоюзов“, как профессиональных организаций, вовсе не существует. Они представляют собой не что иное, как банды, набранные среди худших социальных отбросов. Члены их все имеют разрешения на ношение оружия, выданные префектом полиции. Они убивают наиболее видных рабочих вождей при их выходе из фабрик, посреди улицы, в кафе и даже на дому. Местные власти не только не беспокоят их, но оказывают им всяческое покровительство. Часто полицейские агенты сами принимают участие в покушениях. Исполнители этих покушений неоднократно арестовывались прохожими, но полиция выпускала их спустя несколько дней. Совместная деятельность властей и банд, выступающих под именем „свободных профсоюзов“, привела к полнейшему разгрому пролетарских организаций. Воспользовавшись этим, буржуазия присту-

пила всерьёз к организации свободных профсоюзов в тесном смысле этого слова, т.-е.— желтых профсоюзов. Банды появлялись на фабриках и с револьвером в руках требовали от рабочих, чтобы они присоединились к их профсоюзам. Таким образом им удалось добиться присоединения нескольких тысяч рабочих, но это присоединение было, конечно, совершенно номинальным. С тех пор, как была восстановлена свобода пропаганды и организации, свободные профсоюзы прекратили свое существование. Остались лишь банды убийц.

г) „Следопыты“.

В Испании организации карлистской молодежи, имеющие девизом „бог, отечество и король“, называются организациями „следопытов“. Эта партия считает законным королем Испании дядю нынешнего короля—Жака Бурбонского. Это крайняя правая партия, которая в продолжении долгих лет вела гражданскую войну и залила страну кровью.

„Следопыты“ имеют военную организацию и всегда отличались своей жестокостью. Когда им это казалось нужным, они, не колеблясь, убивали своих политических противников. В последнее время значительная часть „следопытов“ вошла в состав свободных профсоюзов и принимала участие в выполнении ряда покушений.

д) „Союзы Защиты“ (Juntas de defensa).

В 1917 г. офицеры армии организовали нечто вроде военных профсоюзов под названием „Союзов

Защиты". В июне того же года они опубликовали манифест, долженствовавший явиться чем-то вроде программы национального возрождения. Эта позиция офицеров встретила в то время всеобщее сочувствие со стороны всех левых буржуазных партий и даже одной из рабочих партий. Но истинный характер „Союзов Защиты" не замедлил вскоре обнаружиться. Эти организации стали своего рода тайной властью, подчинившей себе политические учреждения страны. Они вызывали отставки министров и даже роспуск парламента; они свержали правительства. „Союзы Защиты" продолжают существовать до сих пор, несмотря на то, что они официально распущены. В настоящее время они глубоко недовольны правительством, в особенности политикой, проводимой им в Марокко. Они угрожают своим выступлением. В брошюрке, распространявшейся военными в течении марта текущего года, они возвещают о своем намерении последовать примеру итальянских фашистов.

„Фашизм? Реакция? Диктатура? Революция? Не будем придавать значения словам, если движение соответствует общей цели"—говорят они в этой брошюре.—„Рука нашего правосудия—пишут они далее—доберется до самых отдаленных углов страны, чтобы наказать трусов и предателей“.

3.

Зарождающийся фашизм.

а) Первые попытки.

В Барселоне существует „Общество Поощрения Национального Труда“. Это—организация испанской крупной промышленной буржуазии. Она оказывает большое влияние на правительство через посредство наиболее крупной каталонской политической партии буржуазии— „Областнической Лиги“, выступающей в защиту политической автономии Каталонии. Наша буржуазия, а следовательно и ее политическая партия, стремится захватить власть, находящуюся ныне в руках монархических партий, которые представляют интересы аграриев. Наиболее видные деятели „Общества Поощрения Национального Труда“ оказывали постоянно всяческое покровительство делу организации белых банд. В настоящее время они совершенно открыто высказываются за необходимость создания фашистского движения.

Существует еще „Федерация Предпринимателей“, объединяющая все слои буржуазии, крупной и мелкой, без исключения и ведущая энергичную борьбу против рабочего класса. Именно она главным образом и организовала непосредственно банды и оказывала поддержку местным властям, применявшим наиболее энергично систему репрессий. 19 декабря 1922 г. бывший председатель Федера-

ции Предпринимателей Граупера в лекции, прочитанной в Барселоне в синдикате предпринимателей строительной промышленности, приглашал предпринимателей последовать примеру Италии. „Если мы вступим на этот путь,—сказал он,—у нас не будет недостатка в вождях“. Приблизительно в то же самое время в Барселоне выступил и итальянский генерал—фашист Новелли, который, облачившись в черную рубашку, прославлял фашизм на все лады. Орган „Федерации Предпринимателей“ „Производство. Торговля и Потребление“ писал в номере от марта т. г. следующее: „Победа фашизма освободила Италию от вульгарного и самоубийственного господства смелого и бессознательного меньшинства, которое хотело заменить великолепное небо Италии туманным русским небом“. И далее: „Фашизм добился власти посредством множества несправедливостей, множества насильственных актов; он усеял свой триумфальный путь ненавистью и злопамятством, образующими скрытую угрозу для завтрашнего дня; но коммунисты ввели бы еще раньше, чем фашисты, террористический режим; они ввели бы господство безграмотных, тиранию невежд. В фашизме заложено стремление к национальному оздоровлению; в коммунизме нет ничего, кроме империализма московских правителей“.

Добавим еще, что в начале апреля вожак Областной партии Камбо заявил на митинге, что необходимо во что бы то ни стало добиться

уменьшения стоимости производства, даже, если это понадобится, путем применения всех видов насилия, и что недавно секретарь „свободных профсоюзов“ ездил в Италию в „научную“ командировку.

Наконец, в течение того же апреля месяца, в Барселоне образовалась группа под названием „Стезя“. Она опубликовала манифест, в котором цели новой организации не были выражены достаточно ясно; во всяком случае, не подлежит сомнению, что ее организаторы собираются последовать примеру итальянского фашизма.

В настоящий момент это еще малочисленная организация, но первая попытка объединить в одном блоке составные элементы испанского фашизма уже сделана.

б) Возможно ли торжество фашизма в Испании?

Испания—страна по преимуществу аграрная. На двадцать миллионов населения имеется приблизительно около двух миллионов промышленных рабочих. Большинство деревенского населения состоит из сельскохозяйственных рабочих, работающих в больших имениях (латифундиях) Кастилии, Эстремадуры и Андалузии, т.-е. в центре и на юге страны. В остальной части Испании имеются самые разнообразные виды земельной частной собственности. Там мы имеем мелких собственников, средних, бедных крестьян, арен-

даторов. Во всяком случае в Испании нет большинства мелких земельных собственников, которое могло бы, как в Италии, явиться угрозой для революционного пролетариата. Огромное большинство сельского населения находится в таком же положении, как и промышленный пролетариат, и они вместе неоднократно выступали в великой общей борьбе. Таким образом, одного из наиболее важных составных элементов фашизма в Испании нет налицо.

Не существует также в Испании и второго значительного элемента фашизма — бывших офицеров и деклассированных элементов, являющихся непосредственным продуктом империалистической войны, так как Испания оставалась нейтральной. Государство находится в состоянии полного разложения. Буржуазия как либеральная, так и консервативная, не имеет крупных организованных партий, за исключением партий каталонских промышленников. Наконец, в Испании нет сильного националистического движения, подобного тому, какое существует в Италии.

Объективно ситуация благоприятствует развитию революционного движения, но пролетариат был бы не в состоянии довести его до благоприятного конца. Нет налицо крепкой и дисциплинированной рабочей организации; коммунистическая же партия еще слаба.

При отсутствии сильной рабочей организации „Соматен“, „Гражданское Действие“, „Свободные

профсоюзы“, „Следопыты“, „Союзы Защиты“ и мелкая буржуазия, которая в Испании, как и повсюду, склоняется на сторону сильнейшего, могут объединиться в единую организацию, аналогичную организации итальянского фашизма.

Так же, как в Италии, современное положение вещей в Испании должно привести или к фашизму или к революции. Среднего выхода нет. Момент, переживаемый ныне страной, очень серьезный. Реформисты откровеннее чем когда-либо проводят политику сотрудничества классов. Анархо-синдикалисты, пользующиеся еще большим влиянием, совершенно дезориентированы. Одни только коммунисты и синдикалисты, сторонники Красного Профинтерна, дали конкретные лозунги рабочей массе. Они требуют образования единого фронта, разоружения „Соматена“ и вооружения пролетариата. Если им удастся привить эти лозунги рабочему движению и реорганизовать его, испанский пролетариат будет спасен. Крепко организованный, правильно руководимый, он станет непобедимым.

Теория и практика польского фашизма.

В. Костржева.

Идеологи имущих классов всего мира находят для себя в настоящий момент в Италии незамеченный источник вдохновения и сокровищницу политической мудрости.

Несмотря на беспощадную борьбу, которую фашизм, во имя суверенитета национального принципа, объявил всякой идеологии интернационализма, — сам он, по сущности своих целей, тенденций, основ идеологии и методов действия, имеет вполне интернациональный характер и нуждается везде в претворении опыта других стран.

Этим и объясняется то, что, вопреки всей демагогической идеологии национального обособления, фашизм заботится о создании явных или тайных международных организационных и личных связей, и международная буржуазия стремится всячески к их установлению.

Польская буржуазия в этом отношении не только не отстала, но, напротив, опережает других

и, установив эти связи, она прямо захлебывается от восхищения. В последнее время слово „фашизм“ буквально не сходит со страниц польской белой прессы, полной восхищения, откликов, воспоминаний и впечатлений польских публицистов и литераторов, совершивших в мае месяце с. г. паломническое путешествие в так называемое ими „Царство Ормузда“, в отечество Петрарки и Леонардо да-Винчи.

Нетрудно догадаться, что памятники искусства, чудеса природы — даже Ватикан и личность папы — не были в данном случае тем магнитом, который привлекал внимание и интерес ученой экскурсии польских рыцарей пера, господ Яблоновского („Газета Варшавская“), Косковского („Курьер Варшавский“), Войцеха Домбровского („Речь Посполита“), Козицкого, Гадомского и др. Магнитом этим был Муссолини. Муссолини, его личность и социально-политическая деятельность, итальянский фашизм, его практика, теория и его представители, с которыми польским фашистам надо было установить более близкое общение,— вот что интересовало польских буржуазных литераторов.

Из своего путешествия польские паломники вернулись полные возвышенных чувств и боевого энтузиазма. Путешествие это, несомненно, ускорит окончательную кристаллизацию идеологии фашизма в Польше и создаст новые стимулы для развития его практики.

Корни и сущность международного и польского фашизма.

Фашизм — это своеобразная кооперация фактически противоположных и враждебных факторов и тенденций классовой борьбы,—кооперация вызванная специфическими условиями повоенного периода.

С одной стороны:

1. Это бунт быстро пролетаризирующихся в процессе повоенной разрухи широких слоев мелкой буржуазии и интеллигенции против беспомощности, шатаний и бездействия их мещанских и реформистских предводителей, державших до сих пор в руках руль правления государством. Это — надежда таких слоев, что „сильное“ правительство, восстановив капиталистическое хозяйство, позволит им избежать плачевных последствий его разрухи.

2. Это месть отсталых пролетарских и полупролетарских элементов за пережитое ими разочарование в блаженствах демократии, в обещанной им социал-демократами возможности коренных социальных реформ, в силах рабочего класса и в надеждах на скорое и безболезненное осуществление социалистического рая.

Это убежище для многих деклассированных групп из рядов офицерства, чиновничества, интеллигенции или рабочих; которых повоенное сокращение армии и штатов и конвульсии экономической жизни толкают в ряды думпенпролетариата.

С другой стороны:

1. Это борьба господствующих классов, держащих до сих пор в своих руках решающие факторы хозяйства,—против угрозы потерять власть над государственным аппаратом.

2. Это отчаянная попытка буржуазии преодолеть хозяйственную разруху посредством политического насилия и нажима.

3. Это ясное сознание необходимости полной диктатуры капитала. Это окончательное вытравление из нервов и идеологии буржуазии всех остатков гуманности, сентиментальности и либерализма во имя эгоистического классового интереса, прикрываемого фразой об интересе нации.

Эта идеология находит в Польше не только способных учеников, но и талантливых инициаторов. Бисмарковская мораль: „сила выше закона“ и принцип национального, иначе говоря, классового эгоизма, были уже в течение более 20 лет с большим успехом прививаемы польской буржуазии ее знаменитыми учителями Романом Дмовским и Сигизмундом Балицким (автор известной книги „Национальный эгоизм“). Современный фашизм знаменует пышное возрождение этой идеологии.

Тактика и методы действия международного и польского фашизма.

Они состоят прежде всего в умелом, ловком использовании буржуазией для ее классовых целей брожения и недовольства масс, страдающих

вследствие повоенной разрухи и не находящих для себя исхода и спасения.

Заигрывание с этими массами при помощи обещаний и почти революционных фраз, мобилизация их для целей, по сущности им чуждых, и самый наглый классовый обман — вот метод фашизма. В духе и содержании своей агитации он во многом повторяет старые демагогические приемы буржуазии.

Это та же экзальтация национального чувства, та же проповедь гармонии классовых интересов. Во имя их от рабочих требуют, чтобы они сумели пожертвовать личным своим классовым интересом, работали много и охотно в полном подчинении командующему классу, и таким образом помогли восстановить национальное хозяйство и богатство. А потом посмотрим...

Муссолини обещал идущим за ним массам улучшение их быта; теперь он проповедует им терпение. Надо терпеливо и благодушно ждать, чтобы созрели плоды фашистской политики, — говорит Муссолини. Но финансовый капитал, которому служит Муссолини, не нуждается в этой морали. Он теперь уже собирает вполне реальные и материальные плоды победы фашизма.

Польские фашисты проповедуют также „любовь и возвышенные идеалы“, „самопожертвование во имя интересов нации“, противопоставляя эти принципы „грубой, материальной, поощряющей только низкие интересы агитации коммунистов“

В сущности же дело сводится к таким, чисто материальным вопросам, как ликвидация аграрной реформы, восьмичасового рабочего дня и понижение заработной платы и вообще беспощадная эксплуатация пролетариата и более слабых национальных групп.

Для этой цели нужна полная ликвидация демократии и уничтожение всей организации рабочего класса. К этой цели стремится фашизм путем обмана и террора, путем применения права и насилия.

Фашизм борется со всеми теми демократическими учреждениями, законами или идеологическими предрассудками, которые, применяя или стремясь к слишком широкому применению принципа политического равноправия всех граждан, мешают осуществлению полной диктатуры капитала.

„Стремимся к максимальному неравенству“, говорит Муссолини со свойственной ему наглостью, а Козицкий, председатель Польского Национального Союза (*Związek Ludowo-Narodowy*) в таких восторженных выражениях характеризует подвиги Муссолини: „Фашизм порвал с принципом равенства и свободы, как оснований государственного и социального строя, выдвигая вместо них принцип иерархии и ограничения свободы личности во имя национального интереса“. А единомышленник Козицкого, Пгнатий Грабовский, пишет: „Личности сильные, получившие соответствующую

дрессировку в семье, — вот предводители нации и хранители иерархии прирожденной и социальной“.

Минувший период дал нам великолепный пример осуществления пророческого предсказания Энгельса, который еще в 1884 году, в письме к Бебелю, указывал на то, что в период угрожающей буржуазии опасности социальной революции и окончательной гибели — демократия будет для нее убежищем, будет общей платформой и лозунгом для всех ее разнообразных слоев.

Теперь мы переживаем другую историческую стадию, доказывающую правильность той аксиомы, что господство капитализма и полное осуществление демократии несовместимы.

Парламентаризм был орудием решения мирным путем междуклассовых споров. Его предпосылкой был компромисс между крупной и средней буржуазией — компромисс за счет пролетариата, обесценивающий его. Война и ее последствия расшатали основы этого компромисса, и одновременно вызвали пролетариат на арену острой классовой борьбы. В этот период буржуазия считает парламентаризм непригодным для себя. Фашизм объявляет ему войну.

Муссолини просто ликвидировал парламент, получив от него долгосрочные полномочия для проведения внутренних реформ.

Идеологи польского фашизма, окрыляемые уроками, привезенными из „Царства Ормузда“, пишут:

„То, что происходит в Италии, — это только одно из многих доказательств, свидетельствующих об общем кризисе парламентаризма. Рожденный в Англии, он, собственно говоря, никогда не находил себе почвы на материке. Только доктринеры, проникнутые теориями XVIII столетия, могли думать, что западно-европейские общества завершили свою политическую революцию, что всеобщее голосование, вся власть одной палате и республиканский строй представляют собою идеал политического режима“.

„Режим этот переживает теперь самый глубокий кризис“.

„Парламентаризм, это — учреждение по существу своему аристократическое, кризис этот является последствием его демократизации“.

„Муссолини, — пишет Войцех Домбровский в „Речи Посполитой“, — осудил на смерть парламентаризм в нынешней его форме. Социалисты пользовались им как орудием для обострения классовой борьбы и, без сомнения, сочли бы его ненужным после своей победы. Муссолини решил предупредить их“.

„Впечатление было так сильно, что когда министр Вассало показывал нам здание парламента, мы не могли воздержаться от восклицания: „итак, мы находимся в доме благородного покойника!“ (Станислав Козицкий).

Международный фашизм борется с парламентаризмом в нынешней его форме, стремясь прежде

всего изменить избирательное право и „демократическую конституцию“. Великий Совет фашистов в Италии выработал, как известно, новый проект конституции, ограничивающий избирательное право и в особенности принцип пропорциональности.

Скорейший и основательный пересмотр польской „слишком демократической конституции“ составляет постоянную заботу польских реакционеров. „Польский Конституционный Сейм,—пишет П. О. Грабовский,—работал в период хаоса, в условиях невозможных для творческой работы, и из его трудов немногое только покажется прочным. Нужен был болван конституции. Теперь он не нужен. Теперь они — спасители отечества — считают необходимым разрушить этого болвана, уничтожить конституцию, называемую ими „уродом и карикатурой“.

В своих „Тюремных Записках“, этом евангелии польского фашизма, Э. Невядомский пишет:

„Самой насущной потребностью данного момента является реформа избирательного права. Не может быть и речи об исправлении республики без исправления конституции.

„Нельзя самые трудные законодательные вопросы позволить разрешать темной толпе, детям или врагам отечества. Умственный кругозор бабтрака, пастуха, безграмотного рабочего или горничной не делают их достойными выполнять этот высокий гражданский долг“.

К уничтожению парламентаризма в его нынешнем виде международный фашизм стремится двумя путями: 1) путем изменения конституции в духе ограничения избирательного права, 2) путем ограничения компетенции парламента и передачи его в руки органов, непосредственно подчиненных капиталу. Отсюда не вполне еще ясно выкристаллизовавшаяся идея „Технического Совета“, о котором говорит Муссолини, созыва „Генеральных Штатов“, предлагаемого французскими монархистами, и „Совета производителей“, восхваляемого вдохновителями польского фашизма.

Уже упомянутый выше Игнатий Грабовский пишет: „Парламент состарился, партии состарились, человечеству нужно омоложение. Начинается господство настоящих производителей“. Эти новые организации, „омолаживающие мир“, соответственно с „гениальной“ идеей Муссолини, должны быть одновременно антитезой и подражанием большевистским Советам; цель их: поглотить или обезвредить профессиональные союзы и отдать целиком в руки капитала решение самых важных хозяйственных вопросов. Вот перспективы, развиваемые польским фашизмом.

Особого внимания заслуживает отношение польских фашистов к национальному вопросу. В Польше, как в стране с народонаселением, имеющим 35% национальных меньшинств, национальные антагонизмы очень сильны, и стремление к гегемонии польской националь-

ности составляет одну из самых важных основ политики правых партий. Поэтому выдвигаемый фашистами принцип национального первенства в Польше подчеркивается с особенной яркостью: он нужен не только как демагогический прием, который затушевывает и отодвигает на задний план классовые противоречия, но он служит одновременно заблаговременному забронированию за польской буржуазией и мещанством привилегированного положения по отношению к национальным меньшинствам.

Презрение и ненависть польских правых партий к конституции вызвано прежде всего тем, что она, по их мнению, слишком „либерально“ относится к национальным меньшинствам. Они борются „с навязанным Польше так называемым договором о меньшинствах“ (Винярский) и не теряют надежды, что им удастся ликвидировать его. Защита национальностей Лигой Наций, по их мнению, вызывает самые пагубные последствия, ибо „принцип национальностей, привитый государствам, составляет яд, отравляющий и разлагающий их“; „принцип этот направлен против Наций исторических“, иначе говоря, — господствующих (Винярский). „Вопрос о правах национальностей (т.-е. меньшинств) должен стоять выше дискуссии“, другими словами, — решаться силой.

С особенной остротой и яркостью ведется польскими фашистами и антисоветская кампания, что объясняется географическим поло-

жением Польши и в особенности той ролью оплота международной контр-революции, которую ей предписала Антанта.

Польский фашизм, так же как фашизм международный, отнюдь не довольствуется ведением борьбы за диктатуру буржуазии в рамках легальности и существующих законов.

С тех пор, как государственный аппарат перестал быть вполне послушным орудием в руках командующих буржуазных классов, они порвали с культом права и законности. Они строят себе свои собственные органы власти, собственную полицию, собственную военную силу и при их помощи проводят в жизнь свои желания, обессиливают противников и прежде всего терроризируют рабочий класс.

Организации эти в Польше очень многочисленны, хотя не все они успели проявить свой террористический фашистский характер.

Фашистские организации в Польше и их деятельность.

1. Одна из самых заслуженных и известных — это „Союз социальной самообороны“ (С.С.С.). Его специальность — борьба со стачечным движением. Он организован в начале 1920 года, насчитывает несколько тысяч членов, отчасти буржуазных сынков, отчасти наемных черносотенцев. Во время всех стачек городских рабочих и железнодорожников С.С.С. выступал на арену, пытаясь заменить рабочих, обслуживая трамваи, электри-

ческие станции, железные дороги и т. д. Кроме того, С.С.С. помогает охране в слежке за коммунистами. Во главе С.С.С.-овской молодежи стоит студент, сотрудник охраны — известный Опенховский. Среди покровителей этой организации находятся граф ЗамоЙский, князь Любомирский, Союз промышленников металлургии и т. п.

2. „Розвуй“ — организация антисемитской пропаганды — по отчету на 1 января 1923 года насчитывала 99 отделений и 9 дирекций: три в Галиции, по одной в Лодзи, Вильне, Познани, Люблине, Белостоке и Кельцах.

Согласно уставу, „отделение должно насчитывать не меньше 100 членов“. Оно должно „хотя бы раз в месяц, а если можно раз в неделю, собирать всех членов для выслушания доклада о еврейском вопросе или о связанных с ним проблемах“.

3. „Союз Довборчиков“. Это организация бывших военных с известным в России Довбором Мусницким во главе. Съезд Довборчиков, который состоялся 12 марта текущего года, выразил свою полную солидарность и братское отношение к двум близким к нему организациям.

4. „Сокол“, и 5. „Союз Галлерчиков“. „Сокол“ — это старая организация народных демократов, созданная еще до революции 1905 г., как спортивно-гимнастическое общество. „Сокол“ имеет свое почетное место в истории братоубийственной борьбы в Польше. „Союз Галлерчи-

ков"— организация бывших военных под предводительством генерала Галлера.

В начале апреля состоялся съезд галлерчиков. Он послужил предлогом для устройства генерального смотра националистических организаций в Познани. Причиной галлерского торжества было освящение знамени познанского отдела организации галлерчиков, на которое съехались делегаты от всех отделов с ген. Галлером во главе. На съезд прибыли даже делегаты из Америки. В день съезда в Познани состоялся парад националистических отрядов, как Стрелецкое братство, Сокол, Союз повстанцев, Союз бывших военных, спортивные общества и проч. Парад принимал генерал Галлер. Во время собрания превозносились заслуги националистических деятелей с Дмовским во главе, после собрания произошла демонстрация против евреев. Демонстративный характер галлерских торжеств сказывался на каждом шагу, тем более, что на съезд прибыли депутаты националистических групп, принимавшие активное участие в работах съезда. Во время совещаний не устанно подчеркивалось, что задачи галлерчиков не окончены и им придется еще отстаивать идеалы „блэнкитного генерала“ (так был назван ген. Галлер).

6. „Польская организация защиты отечества.“

7. „Крестьянский союз просвещения“. Ведет хулиганско-националистическую агитацию в деревне.

8. „Польский союз труда“—хулиганская рабочая организация в Варшаве. Во главе Величко-Малецкий.

9. „Христианский союз рабочей молодежи“ с тем же хулиганом Опенховским во главе. Печатный орган—„Молодой Рабочий“.

10. „Польский Союз защиты Отечества“. Тайная боевая организация; имеет целью, по словам устава, „борьбу с вредными элементами“. К ее обязанностям относится: „ведение разведки и ознакомление с жизнью других организаций“ (§ 3 статута).

Все эти организации централизованы в Варшаве в „Объединении Польских Союзов“ и в Галиции в „Союзе Национальных Организаций“. Общее их число очень трудно перечислить, ибо в последнее время число их растет как грибы после дождя. В Кракове образовался недавно союз Одродзения (Возрождение) „для борьбы с врагами Польши“, в Люблинской губ.—„Общество Одждизение Польши“ (от слова *жиды*) и пр. Особенно же благоприятную почву фашистские союзы находят в Познани и в бывшей Пруссии; отдельные фашистские организации существуют в Верхней Силезии.

Каковы же подвиги польских фашистских организаций?

Бенефисом их были известные уличные демонстрации, боины и нападения на левых депутатов-организованные в декабре 1922 года по поводу

избрания президентом Нарutowича. Потом убийство Нарutowича; бомбы, брошенные в Кракове в дом ректора университета Натансона, бомбы в доме, в котором помещаются еврейские профсоюзы; анти-советские и анти-коммунистические демонстрации, организованные в Варшаве и в провинции в начале апреля и превратившиеся в еврейский погром, и, наконец, нападение на первомайские демонстрации, сопровождавшееся тоже избиением евреев.

Надо напомнить, что после убийства Нарutowича польские реакционеры, испуганные призраком надвигающейся гражданской войны, заговорили о „моральном разоружении“ и на несколько месяцев приостановили террористическую деятельность фашистских организаций. Равным образом 1-го мая проявлению их боевого энтузиазма помешал визит Фоша. Несмотря на это, благодаря их выступлениям, Польша успела уже заслужить себе во всем мире репутацию передовой страны по части еврейских погромов.

Особенности польского фашизма.

Указывая на общие черты фашизма во всех странах, нельзя не подчеркнуть особенностей, специально характеризующих польский фашизм.

Польша является страной, в которой война и ее результаты принесли широким мелко-буржуазным и интеллигентским сферам не разочарование,

как в Италии или в Германии, а, напротив, воодушевили и окрыляли их.

Образование независимой Польши вызывает еще до сих пор в широких слоях польского общества настроение радостно-торжественное. Польша территориально не только насыщена, но почти пересыщена. Это дает широкий простор экспансии польского элемента и открывает широкие возможности в области чиновничьей и военной карьеры. Отсюда в Польше гораздо больше любви и почитания нового государственного строя, парламента, конституции и вообще всей государственной жизни и одновременно гораздо меньше готового человеческого материала для фашистских террористически-милитарных организаций. Кроме того, отсталость и политическая несознательность крестьянства, а, с другой стороны, ловкость буржуазии и ее умение делать мнимые уступки позволяют правому буржуазному крылу не терять надежды, что ему удастся, путем блока с правой крестьянской партией „Пяст“ и образования парламентского большинства, легальным образом захватить власть и потом только закрепить ее за собою путем перемены конституции.

Лучшим выражением заботы фашистских вдохновителей об авторитете будущего реакционного правительства может служить речь Невядомского, убийцы президента Нарutowича, произнесенная на суде.— Невядомский сам требовал для себя смертной казни, ибо, говорил он, мягкий приговор

был бы порукой безнаказанности в будущем тогда, когда наконец предводителями Польши будут действительные заслуженные ее сыновья и когда на жизнь их может посягнуть рука враждебных отечеству преступников и убийц“.

Итак, польские национал-фашисты пока не хотят заходить слишком далеко по пути нелегальности и попираания закона. Они до сих пор еще сами не знают, какую роль придется окончательно сыграть их фашистским организациям в предстоящей борьбе за полную классовую диктатуру, за всецелую ликвидацию демократических форм, за окончательное порабощение рабочего класса и уничтожение его организации. Пока они считают более удобным не оформлять окончательно и не расширять слишком свои фашистские организации и не придавать им явно милитаристки террористический характер.

Польская буржуазия понимает превосходно, что стихийный массовый характер итальянского фашизма составляет его силу и одновременно слабость и угрозу для буржуазии. Организации эти в Италии образовывались снизу—правда, при сочувствии и помощи буржуазии, но все-таки вне ее; правда, они стали ее орудием, но все же они ставят ее в слишком большую от себя зависимость. Польская буржуазия хочет избежать этой опасности, хочет построить сверху свои более тщательно подобранные и вполне ей преданные организации. Она предпочитает действовать медлен-

нее, но осторожнее. „Мы умеем ждать“, пишет „Газета Варшавская“; несмотря на весь свой восторг от „Царства Ормузда“, польские фашисты видят в нем пока „лабораторию политических, экономических, социальных, даже философских опытов“ (Б. Кассновский, „Курьер Варшавский“). Не все плоды этих опытов могут оказаться полезными и применимыми для Польши.

Наконец, условия для развития фашизма в Польше одновременно и более трудны и более благоприятны. Трудность составляет то обстоятельство, что рабочий класс имеет здесь за собой опыт многих лет революционной классовой борьбы в особенности же опыт революции 1905 года и незабытые воспоминания кровавой бойни рабочих, организованной тогда национал-демократами и впоследствии строго осужденной всей рабочей массой. Способствует же фашизму обострение национальной борьбы в Польше. Этим и объясняется, что атаку свою он ведет пока прежде всего по линии антисемитизма и национальной травли.

Такие выходы, как избивание социалистических и лево-крестьянских депутатов и ораторов, разгон рабочих собраний пока еще представляют собой исключения. Даже антисемитские и анти-советские демонстрации или же нападения на демонстрацию коммунистов вырождаются в конце концов в еврейские погромы.

Но возможная победа фашизма, одержанная на почве его борьбы с правами национальных

меньшинств, и общее усиление реакции, несомненно направила бы всю силу фашистской атаки против рабочего класса, против его организаций и против его жалких прав.

Отношение к фашизму „бельведерского“ блока.

Характерно отношение к фашистской затее лево-буржуазного „бельведерского“ правительства и социал-угодников П. П. С.-овцев.

Оно является типичным примером бессилия, беспринципности, нерешительности и беспомощности этих элементов.

Имея в своих руках бразды правления, они смотрят равнодушно как „правица“ готовится к захвату власти, политическому перевороту и к созданию режима террора. Они даже не пробуют противопоставить надвигающейся реакции какой бы то ни было реальную силу, зная, что для этого нужно было бы привести в движение рабочие и мелко-крестьянские массы, которые они считают более опасными, чем все фашизмы в мире.

Правительство Сикорского, существующее уже почти полгода ¹⁾, было правительством социального паралича; оно не сделало решительно ничего ни в области защиты рабочих от последствий дороговизны, безработицы и наступления капитала, ни в области проведения аграрной реформы. По-

¹⁾ Это правительство было низвергнуто, когда статья была уже в наборе. (Прим. ред.)

зволя безнаказанно процветать фашистским организациям, оно усилило преследование коммунистов. Этой политикой оно лучше всего проложило путь своим правым наследникам. Оно добровольно совало свою голову в фашистскую петлю. А с ним вся П. П. С-овская клика, выдающая систематически коммунистов в руки фашистских палачей.

Правда, в Польше существуют какие-то боевые „левые организации“, якобы созданные для борьбы с реакцией: польские „стрелки“ и „польская организация Свободы“. Но они уже определили свой характер. Мы преторианцы Пилсудского — заявили они на своем съезде. Да, они преторианцы Пилсудского; они не будут защитниками рабочего класса, борцами за равноправие национальностей. Они преторианцы Пилсудского. Они пережиток культа его личности—культа, лишенного ясной и определенной классовой идеологии. Они вместе с ним обречены в конце концов на ничтожество. Брожение, вызываемое ими, увеличивая хаос в буржуазном обществе и разлагая его сплоченность, может только посредственно помочь развитию реальных сил, способных к решительной борьбе с фашизмом.

Отпор фашизму может дать только поднимающаяся волна революционного рабочего движения—борьба рабочих и крестьянских масс против террора и беспощадной эксплуатации, к установлению которых стремится фашизм как в Польше, так и во всем мире.

Фашизм в Литве.

В. С. Мицневич-Напсунас.

От демократии к фашизму.

Года 2—3—4 тому назад все буржуазные партии Литвы, даже по существу явно реакционные, как христианские демократы, на каждом шагу кричали, что Литва является наиболее демократической и свободной республикой, и, конечно, противопоставляли ее „анти-демократической“ Сов. России. Во Временной Конституции Литовской Республики, принятой Учредительным Сеймом в мае 1920 г., между прочим, мы читаем:

„Всем гражданам Литвы гарантируется неприкосновенность личности, жилища и корреспонденции, свобода вероисповедания, печати, слова, забастовок, собраний и коалиций“.

Но эти „свободы“ остались, конечно, только на бумаге; даже классовые профсоюзы и чисто-экономические забастовки всегда преследовались литовским кулацким правительством свирепее, чем в царское время. Однако, важно отметить то

обстоятельство, что в 1920 г. даже крайние христианские реакционеры, бывшие поклонники царизма, сочли необходимым поддержать такой пункт во Временной Конституции и неоднократно в борьбе со своими противниками обвиняли их в недостаточном демократизме.

Выборы в Учредительное Собрание прошли весной 1920 г. с большим подъемом. Буржуазные партии, особенно христианские демократы, не жалели обещаний. Так как в 1919 и 1920 г.г., под влиянием Российской революции, особенно сильное брожение было среди рабочих и крестьянской бедноты Литвы, то христианско-демократическая партия выставила радикальную рабочую и земельную программу. Когда в 1920 г. наша Красная Армия находилась в Вильне, католические попы в Ковенской Литве начали доказывать на основании „священного писания“, что помещики (кстати сказать, польские помещики!) никакого права не имеют на ту землю, которую испокон веков поливали своим потом и кровью литовские рабочие и крестьяне; поэтому необходимо взять ее у „дармоедов“—помещиков без всякого выкупа, т.-е. конфисковать и безвозмездно раздать безземельным и малоземельным крестьянам.

Однако, после отступления Красной Армии от Варшавы революционное настроение рабочих масс Литвы упало. Буржуазия подняла голову. Христианские демократы имели в Учредительном Собрании абсолютное большинство; но они никогда

не думали серьезно проводить в жизнь тех обещаний, которые, как из рога изобилия, сыпали во время предвыборной кампании. Напротив, медленно, но систематически, начинают они поход против рабочего класса.

В Литве начинает безгранично господствовать грабительский спекулятивный капитал. Под его знаком идет первоначальное накопление литовской буржуазии, которая до войны почти не имела своих капиталистов. Это первоначальное накопление сопровождается бессовестным казнокрадством и ограблением трудящихся масс. Достаточно будет указать, что господствующий в Литве христианский банк братьев Вайлокайрисов (один из них — католический поп) по краткосрочным ссудам берет по 160 и до 200%.

Положение рабочего класса и беднейшего крестьянства под давлением наступающих „христианских“ спекулянтов, кулаков и попов становится все тяжелее. Законы, изданные в 1919 и 1920 г.г. под давлением революционного подъема, остаются лишь на бумаге или вовсе отменяются. С каждым днем увеличивается тяжесть налогов и гнет дороговизны. Земельная реформа проводится лишь в интересах зажиточных крестьян и спекулянтов. Сельско-хозяйственные рабочие, не получая никакой поддержки от государства, влачат на полученных ими клочках земли еще более жалкое существование, чем раньше; некоторые из них уже бросают полученные ими наделы.

В результате всего этого, трудящиеся массы начинают все больше разочаровываться в независимой Литве и благодеяниях ее „демократического“ строя, Сейма и господствующих в нем партий. В связи с этим христианские демократы снимают свою демократическую маску и все решительнее начинают выступать как самые отъявленные черносотенцы-фашисты. Они во что бы то ни стало стараются сохранить власть в своих руках. Этому мешает самими же христианскими демократами написанная и принятая конституция. Долой ее! С явным нарушением конституции они душат всякое классовое рабочее движение; за одну принадлежность к коммунистической партии „христианские“ суды Литвы приговаривают к смертной казни и дают бессрочную каторгу. Литовская охранка („жвалыгиба“) давно уже превзошла бывшие царские застенки. Чтобы добиться большинства в законодательном Сейме, они самым бесовестным образом фальсифицируют выборы.

Но все это мало помогает. Во время выборов в законодательный Сейм в октябре 1922 г. христианские демократы, несмотря на все выборные арифметические фокусы (в этом им усердно помогали и социалисты-народники!), не получили абсолютного большинства мест; они собрали всего 41,6% всех голосов, оппозиция — 58,4%. Несмотря на жестокие преследования и многочисленные аресты, списки революционных рабочих, т.-е.

„Рабочей Группы“, собрали 52 тыс. голосов. Во всех более крупных городах Литвы списки этой группы по числу собранных голосов стояли на первом месте. В классовых профсоюзах, несмотря на все скорпионы, закрытия и аресты правлений, преобладает влияние крайних левых.

Это заставляет христианских демократов совершенно сбросить свою демократическую маску. Сначала они пытаются столковаться с народниками, но те оказываются „слишком требовательными“, и тогда христианские демократы решают действовать „по-фашистски“. Они проводят своего ставленника в президенты республики, хотя он не получил требуемого конституцией абсолютного большинства голосов Сейма. После долгого бесплодного топтания на месте они создают свое правительство. Большинство Сейма выражает ему недоверие. Тогда христианский президент, по постановлению своей партии, распускает Сейм и через два месяца назначает новые выборы, которые организуются так, чтобы христианские демократы обязательно получили большинство голосов.

Одновременно христианские демократы начинают открытую кампанию против парламентской „говорильни“, демократических выборов и „чрезвычайных“ свобод. Они открыто становятся на точку зрения фашистов, восхваляют „благородного вождя итальянского народа“ Муссолини и стараются следовать его примеру.

Правительственный официоз „Летува“ от 17 апреля с. г. пишет в руководящей статье:

„Фашистов родил демократизм или, лучше сказать, неумение партий устроить свою страну. Кем являются фашисты?— Это политическо-военная организация. Хотя фашисты имеют свою политическую программу, однако они не составляют политической партии, какие мы в настоящее время видим везде, ибо политические партии, за исключением самых крайних, придерживаются в основе демократизма. А фашисты стоят за диктатуру. Поэтому их организация является чисто военной. Фашисты по своей организации и внутреннему порядку имеют много сходства с Росс. Ком. Партией. Но, конечно, ее социально-политическая идеология диаметрально противоположна фашистской идеологии. Фашисты прежде всего националисты. Их идеал — сильное национальное государство. Социальные вопросы у них стоят на втором месте...

„Фашисты думают покончить в Италии с парламентаризмом, следовательно, и с демократизмом. Муссолини и его alter ego, министр внутренних дел Микель Бианки заявили в своих речах, что они готовят такой избирательный закон, согласно которому в будущий парламент попало бы $\frac{1}{3}$ фашистов. Этот парламент соберется только для того, чтобы дать полные полномочия правительству и потом разойтись, пока правительство опять его не созовет“.

Таков идеал и литовских христианских демократов; к этому они идут. Но имеют ли они силу, на которую могли бы опереться? — Да, имеют. Это т.-н. литовские стрелки.

Литовские стрелки.

Фактически первые фашистские организации в Литве появились еще в 1920 г. Это было время сильного подъема рабочего движения в Литве, когда вопрос о ее советизации вновь стал вопросом дня. Такой фашистской организацией являлась тогда организация т.-н. литовских стрелков. Она была создана при ближайшем участии с.-д. и социалистов-народников еще в конце 1919 г. для борьбы против бермонтовцев. Но скоро организация стрелков, вербовавшая своих членов, главным образом, из сыновей зажиточных крестьян, учащихся и др., под руководством помещика Путвинского, когда-то тоже „социалиста“, превратилась в настоящую фашистскую организацию. Своей задачей она ставила борьбу не только с внешним, но и с внутренним врагом. Это было необходимо для литовской буржуазии ввиду того, что она не могла положиться на литовскую армию, в большинстве своем состоящую из пролетарских и полупролетарских элементов. Восстание литовских солдат 22—23 февраля 1920 г., когда столица Литвы, Ковно, обстреливалась из пушек восставшими солдатами, и ими был арестован глав-

покомандующий литовской армии Летукас, лучшего убедило литовскую буржуазию, что необходимо иметь другую силу, в политическом отношении вполне благонадежную, при помощи которой можно было бы не только усмирять восстания, но и искоренять в зародыше всякое пролетарское революционное движение. Такой силой должны были быть стрелки.

Литовские стрелки, как раньше итальянские фашисты, являются добровольными буржуазными сверх-охранниками, но пользуются гораздо большими правами, чем обыкновенная милиция или даже обыкновенные охранники. Они делятся на строевых и нестроевых. Первые проходят военное обучение и должны быть всегда готовыми по первому призыву явиться в полном вооружении к намеченному пункту. Во время войны ими пользуются, главным образом, для шпионской, партизанской и жандармской работы. Поступая на военную службу или уезжая куда-нибудь, они не порывают со своей организацией; напротив, обязаны там создавать свои „ячейки“. В мирное время они поставляют кадры штрейкбрехеров, „сверх-охранников“ и „усмирителей“. Где бы они ни были и чем бы ни занимались, их обязанность всегда следить за правильным исполнением законов и искоренять всякую „крамолу“. Они имеют право всегда обратиться к милиции и при ее содействии или даже без содействия произвести обыск у того или другого гражданина, арестовать его. Это на-

зывается у них „контролем свободного гражданина“. Силою и рядом стрелки производят обыски, аресты и избиения арестованных, не прибегая даже к содействию милиции. Они считают себя настоящими хозяевами страны, а потому их обязанность блюсти за внутренним ее порядком. В случае гражданской войны они все немедленно мобилизуются по заранее выработанному мобилизационному плану и составляют главные кадры для подавления восстания.

Организация литовских стрелков имеет военный характер. Она строго централизована и спаяна крепкой внутренней дисциплиной. Во главе ее стоит главный штаб, который находится в полном подчинении министерству обороны, и центральное правление союза, которое фактически имеет лишь декоративный характер и занимается агитацией и пропагандой идей союза, вербовкой новых членов, культурно-просветительной работой и т. п.

7 июля 1921 г. был принят Учредительным Собранием закон о союзе стрелков, в котором находит такие пункты:

§ 1. Цель Союза Литовских Стрелков — укреплять и увеличивать силы обороны страны.

§ 2. Для достижения этой цели Союз:

а) воспитывает гражданское сознание и дух к обороне страны;

б) развивает физические силы и ловкость в своих членах, а также учит их военному искусству;

в) по требованию правительственных и общественных органов идет им на помощь в следующих случаях:

аа) при розысках, задержании и охране лиц, нарушивших законы Республики;

бб) при охране государственного имущества.

вв) в случае разных общественных бедствий.

г) Во время войны и при военном положении Союз может быть призван министерством обороны страны к защите государства на фронте и в тылу...

§ 4. Союз подчинен Министерству Обороны страны, которое дает ему инструкторов, снабжает директивами и контролирует его действия.

§ 5. Союзу предоставляется право доставать и иметь в своем ведении оружие всех видов, военные материалы и снаряжение. Пользование ими контролируется инструкциями и директивами Министерства Обороны страны.

§ 6. Стрелки при исполнении обязанностей защиты государства пользуются всеми правами и преимуществами солдат...

§ 8. Средства Союза состояются из его доходов и государственных ассигновок.

§ 12. В случае прекращения существования Союза его имущество переходит в распоряжение правительства.

Из этого видно, что Союз Литовских Стрелков уже в настоящее время является чисто - прави-

тельственной организацией, своего рода чисто-классовой армией буржуазии, армией контр-революции. Поэтому он пользуется гораздо большим доверием и большими правами и преимуществами, чем регулярная армия. На этой почве между солдатами регулярной армии и добровольцами-стрелками возникают большие трения, которые доходят иногда даже до открытых столкновений. Так, например, осенью 1920 г., во время польского наступления на Литву, когда стрелкам была поручена роль полевых жандармов, солдаты ловили их и убивали или топили в реке. Тогда погиб такой смертью не один стрелок.

Общее количество стрелков неизвестно. Но если принять во внимание, что они стараются захватить всю молодежь, ведут среди нее усиленную работу, покрывают своей сетью всю страну и находят себе живую поддержку в лице крепких крестьян,—с этой силой необходимо серьезно считаться.

Однако, по признанию самих же литовских буржуазных газет, у литовских стрелков не все обстоит благополучно. Еще в октябре 1921 г. их орган „Trinitas“ писал:

„Пока слышен был на востоке гром пушек, каждый стрелок чувствовал себя настоящим стрелком: подчинялся своему командиру, посещал собрания и строевые занятия, одним словом, был стрелком в настоящем значении этого слова. Но как только перестало бряцать оружие, настроение стрелков упало. Они почувствовали себя больше

не нужными. Жаловались, что им нечего делать и в конце-концов, повесив оружие, заснули“.

Это свидетельствует о некотором разложении литовских стрелков. Однако, события последних месяцев влили в их союз новую силу.

Фашисты за работой.

Оживление наступает у литовских стрелков только к концу 1923 г., когда литовский парламент оказывается полным банкротом, и усиливается по всему фронту поход против рабочего класса. Итальянский фашизм наталкивает литовскую буржуазию на некоторые новые формы борьбы против рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Прежде всего по-фашистски начинает говорить примыкающее к т.-н. партии „Прогресса“ (на самом деле это наиболее реакционная партия литовских „землеробов“) „Общество Возрождения Литвы“. Один из его вдохновителей Ст. Милевский, бывший ярый поклонник царского кнута, писал накануне выборов в первый законодательный Сейм 8 октября 1922 г. по поводу списков кандидатов революционных рабочих:

„Господа, вылезайте из своих нор и выходите наружу, а мы, националисты, скажем вам (коммунистам): ...все равно под какими названиями вы будете скрываться, мы вас узнаем, и у нас еще хватит сил, чтобы выкурить вас из ваших

нор! Националисты не будут с вами долго разговаривать и не будут церемониться. И у нас имеются для вас фашисты... Вы кричите о реакционности нашего правительства и хотите убедить в этом дурачков. Но „охранка“ нашего правительства и ее меры—это пустяки по сравнению с национальным сознанием. Вы испытаете на своей шкуре реакцию, когда сами граждане посетят ваши норы, ибо терпению приходит конец“.

И кончает этот господин свою статью таким призывом: „Советую голосовать не за различных проповедников ничегонеделания, а за тех, кто говорит: будем работать не по 4—8 часов, а, пожалуйста, по 10—14 часов в сутки“.

Классовая физиономия этих господ здесь сразу раскрывается. Но надо сказать, что реакционная, кулацкая сущность партии „Прогресса“ настолько очевидна, что ей до сих пор не удается заманить к себе широких масс: во время выборов в Учредительное Собрание и первый законодательный Сейм она не получила ни одного места.

Гораздо успешнее работают хадеки (христианские демократы), которые, по существу являясь наиболее близкими к партии „Прогресса“, своей демагогической политикой сумели увлечь за собой не только широкие крестьянские, но даже и рабочие массы. Они в последнее время стали полными господами положения и в союзе стрелков; раньше с ними боролись там за влияние „народники-социалисты“.

Первую пробу своих сил хадеки сделали в начале 1923 г. при занятии Мемельской области. Сейчас не подлежит ни малейшему сомнению, что мемельское „восстание“ было организовано из Ковна при помощи литовских стрелков, под командой ковенского охранника Будриса-Половинского. Об этом открыто заявил в одной из своих речей вице-председатель союза стрелков Скипитис. После занятия Мемеля, кстати сказать, без всякого серьезного сопротивления со стороны французов, вернее, по тайному соглашению с ними, „славные“ литовские „повстанцы“, посылают телеграмму Муссолини и римскому папе. В Мемельской области они начинают господствовать, как в завоеванной стране. Это доводит скоро местных рабочих до резкого протеста, вылившегося в начале апреля во всеобщую забастовку, охватившую все города и отчасти даже имения Мемельской области. Во время забастовки литовскими „освободителями“ убито 4 рабочих и много ранено.

В то же самое время начали активно действовать и ковенские фашисты-стрелки из учащейся молодежи. В первую очередь они направили свою работу по линии наименьшего сопротивления — против евреев, как „главных виновников“ всех бедствий Литвы. Началась погромная травля евреев. В Ковне и в ряде других городов литовские фашисты замазывают ночью дегтем еврейские вывески. Вслед за вывесками пришла очередь окон еврейских магазинов.

В ответ на критику этих мальчишеских выступлений даже со стороны некоторых буржуазных газет (народнических) литовские фашисты издали воззвание, в котором говорят:

„Мы предупреждаем всех и каждого, что чистка лица Литвы от пятен еврейского Вавилона не является делом мальчишек, незрелых людей или „хулиганов“... Мы не из трусов... На костях наших братьев стоят основы нашей родины. Вот наша рекомендация. Кому этого мало, кто бы он ни был, тому мы среди бела дня соответствующими аргументами докажем, что мы не играем, но исполняем волю нашей угнетенной нации и считаем это своей самой священной обязанностью, ради которой мы не побоимся ни бумажных следствий, ни клеветы и угроз, а на каждое выступление ответим десятью“.

В другом воззвании от имени „Исполнительного Комитета литовских фашистов“, напечатанном „нелегально“ в правительственной типографии и с полным одобрением перепечатанном во всех хадецких органах (в органе „Федерации труда“ даже на месте передовицы!), дословно читаем:

„Программа нашей борьбы разнообразна и забавна: мы начали от вывесок и оконных стекол, кончим глотками жидов и компании“.

В то же время один из лидеров хадеков и Федерации Труда Амброзайтис публично провозглашает лозунг „диктатуры молодежи“, т.-е. литовских черносотенцев-фашистов. День провозглашения

независимости Литвы (16 февраля) превращается вожжами хадеков (ксендзом Вилимовичем и др.) в день мобилизации фашистских сил, преклонения перед „славным“ Муссолини и литовским „героем“ в Мемеле охранником Будрисом, бывшим офицером денкинской армии.

Опираясь прежде всего на вооруженную фашистскую силу, хадеки решают распустить Сейм, который выразил недоверие хадецкому правительству.

В день роспуска Сейма в публичных местах появляются вооруженные фашисты из учащейся молодежи и, сгорая нетерпением испытать свои кулаки и револьверы на спинах оппозиции, а особенно революционных рабочих представителей, бряцают оружием. Однако все эти приготовления оказались излишними: буржуазная оппозиция, вплоть до с.-д., сдала свои позиции без малейшего сопротивления; она оказалась неспособной ни к какой серьезной борьбе с черносотенным фашизмом. Больше того, во время мемельского „восстания“ вся буржуазная оппозиция, вплоть до с.-д., без всяких оговорок стала на сторону литовских „повстанцев“, стрелков-фашистов, и этим значительно усилила их престиж. Плоды этого усиления скоро испытала и оппозиция.

Во время предвыборной кампании в новый Сейм, в апреле и начале мая, черносотенная реакция разбушевалась настолько, что не поздоровилось от этого даже буржуазной оппозиции. Но особенно

сильно обрушилась она на революционных рабочих. С величайшим трудом этим последним все-таки удалось выставить свои списки, хотя времени для этого дано было очень мало. Списки были приняты выборными комиссиями и утверждены. Благополучно прошли все сроки вычеркиваний отдельных кандидатов. Но вот начинаются массовые аресты. Арестованы почти все кандидаты революционных рабочих по спискам т. н. „Рабочей Группы“. Они привлекаются к судебной ответственности и на основании этого за один день до выборов, согласно разъяснения Верховной Выборной Комиссии, вычеркиваются из списков.

Это были настоящие фашистские выборы, в которых нередко стрелки с оружием в руках разрешали тот или другой вопрос в пользу господствующей хадецкой партии.

Итак, в Литве фактически уже теперь мы имеем прикрытое всякой демократической дребеденью фашистское господство, несмотря на то, что большинство регулярной армии далеко не настроено в пользу христианских черносотенцев, литовских фашистов. Это солдаты литовской армии неоднократно доказали своим голосованием за списки с.-д. и революционных рабочих. Вопрос завтрашнего дня — ничем не прикрытая диктатура литовского кулака и спекулянта, опирающаяся на вооруженных стрелков. Исход борьбы будет зависеть не от буржуазной оппозиции, которая восхищается победою итальянских фашистов над революцион-

ным рабочим классом¹⁾, и не от литовской с.-д., которая никогда не была способна на решительную борьбу против буржуазной реакции, а лишь от способности к решительной борьбе против фашизма пролетариата, революционных солдат, беднейшего крестьянства. Руководство в этой борьбе может принадлежать только коммунистической партии, своей решительной борьбой она может увлечь за собой не только рабочих и солдат, следующих теперь за с.-д., но и беднейшее крестьянство.

Классовый характер фашистского движения в Литве.

Классовый характер фашистского движения в Литве виден уже из того, что было сказано выше. К этому следует прибавить лишь несколько штрихов.

Классовый характер фашистского движения в Литве, пожалуй, лучше всего раскрыт органом уже упомянутой партии „Национального Прогресса“. Эта реакционная монархическая партия литовских „землеробов“, для которой и кулацкое хадецкое правительство слишком слабо, ярая противница даже куцой земельной реформы, 8-ми-часового рабочего дня и вообще всяких „подачек“

¹⁾ Один из вождей литовских народников, бывший премьер доктор Гринюс, недавно публично заявил на одном митинге в Мариамполе: „Если бы наши фашисты были такими, как итальянские, я ничего против них не имел бы“.

„развращенным“ рабочим и крестьянской бедноте, с восторгом приветствовала появление фашистов и фактически уже давно проповедует их идеи. В начале 1923 г. в ее органе была помещена весьма интересная статья-передовица под названием „Обанкротившийся демократизм“, в которой мы, между прочим, читаем:

„Кто посмел бы раньше сказать что-нибудь против принципов демократизма, того закидали бы камнями. Проводники в жизнь демократических лозунгов считались какими-то народными героями или волшебниками, которые в одно мгновение устранят все народное горе и несчастья и ментально создадут рай на земле“. Теперь от этих фантазий ничего не осталось. В России снес их большевизм. „В Италии возник фашизм, не буржуазный фашизм, а в самом трудовом народе“, самым решительным образом выступающий против большевиков и всех социалистов различных толков. Вождь итальянских фашистов Муссолини, взяв власть в свои руки, уничтожил всех большевиков своей страны. В Венгрии и Баварии тоже возник фашизм для борьбы против большевиков и большевистствующих социалистов. В Польше появился тайный фашизм. Первым его делом было убийство недавно избранного президента Польской республики Нарutowича—социалиста. Как слышно, и у нас в Литве фашизм имеет не мало сторонников не только среди буржуазии, но и среди „трудящегося народа“. Возможно, что при возник-

новении фашизма среди рабочих немного нашлось бы его сторонников, но есть и у нас слой, наиболее многочисленный, — это крестьяне-землеробы, интересы которых явно противоположны всяким большевистским и социалистическим программам. Они-то и могут составить в Литве главную опору фашизма“.

Действительно, в Литве фашизм в первую очередь опирается на этих „землеробов“, крупных крестьян-фермеров, которые составляют там довольно значительный слой.

Однако мы ошиблись бы, если бы считали фашистов выразителями интересов одних лишь „землеробов“. Все „христианские“ спекулянты, наслаждающиеся медовым месяцем первоначального накопления, их патроны—католические попы, и протитутуирующая интеллигенция,—всецело стоят за фашистскую диктатуру. Даже господа народники, опирающиеся на зажиточное крестьянство, лишь в прошлом году вычеркнувшие из своего названия ненужное больше слово „социалисты“, которые якобы борются против литовского фашизма, всецело оправдывают итальянских фашистов. В Италии — пишут они в своем органе — засилье коммунистов было очень велико; там, действительно, угрожала пролетарская революция, поэтому действия итальянских фашистов необходимо признать вполне правильными. Однако Литве в настоящий момент никакая пролетарская революция не угрожает; литовские коммунисты разгромлены, поэтому никакого фашизма здесь не

нужно. Фашизм в Литве необходим только христианским демократам, чтобы при его помощи подавить всякую оппозицию и укрепить пошатнувшуюся диктатуру литовских клерикалов.

В этих словах литовских народников, безусловно, имеется доля истины. Однако основная причина роста литовского фашизма та же, как и в других странах: борьба на жизнь и смерть за диктатуру буржуазии, против надвигающейся пролетарской революции, борьба за полное порабощение рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Христианские демократы путем неслыханного террора и бессовестных выборов махинаций добились на последних выборах в Сейм абсолютного большинства. Это облегчает им дальнейшую работу. Однако вместе с тем это будет способствовать все большему разоблачению их черносотенной кулацкой физиономии, все больше будет раскрывать глаза рабочего класса и беднейшего крестьянства и толкать их налево, на решительную борьбу против диктатуры христианских кулаков.

Фашизм в Латвии.

О. Дзенис.

Послевоенный период национального романтизма, как и во всех мелких буферных государствах, создавшихся на окраинах старой России, приходит к концу и в Латвии. Осколки прежде весьма сильного рабочего класса, никогда за все время существования буржуазно - национальной республики серьезно не увлекавшегося национальными тенденциями, начинают крепнуть, снова собираться с силами, организовываться и выковывать, под руководством коммунистической партии, революционную тактику борьбы против национальной буржуазии. Мелкое крестьянство, вначале надеявшееся экономически окрепнуть при проведении земельной реформы, разочаровалось и с каждым днем все больше убеждается в тщетности своих надежд. Трудовая интеллигенция, не могущая найти достаточно крепкого экономического базиса в рамках чрезвычайно суженного по сравнению с довоенным положением и немогущего

национального хозяйства,— также все больше и больше убеждается в необходимости приобщения хозяйственной жизни Латвии к хозяйству громадной России и понемногу также разочаровывается в своих национальных увлечениях и отходит в сторону. Единственно хозяйственно заинтересованными и действительно крепнущими на базе современного экономического и политического строя Латвии классами являются среднее и крупное крестьянство и средняя, старающаяся самыми разнужданными методами накопления капитала стать крупной, городская финансовая и торговая буржуазия.

При таком соотношении классов латвийский фашизм—новый метод самозащиты буржуазии,— конечно, не может быть развит в широкое массовое движение, как это было в Италии. Использовать для фашистского движения такой людской резервуар, как масса безработных, при растущих революционных настроениях рабочего класса невозможно. Привести в движение всю эту массу революционно настроенных бывших промышленных рабочих и опасно, и безнадежно. Армия, состоящая в преобладающем большинстве из безземельных или малоземельных крестьян, за исключением весьма незначительной части, также не отзывалась сочувственно на призывы фашизма. Таким образом, в сфере влияния фашизма и увлечения им остаются лишь сравнительно не очень широкие круги крупной и средней буржуазии—городской и крестьянской.

Под давлением левого крыла и при молчаливой поддержке либерального центра Учредительного Собрания в начале 1922 года должен был выйти в отставку министр внутренних дел, один из наиболее видных представителей крупной финансовой буржуазии—Арв. Берг, приобретший за свое время пребывания в кабинете славу латвийского Столыцина. Готовясь к предстоящим тогда выборам в сейм, группа правых, националистических элементов, во главе с Арв. Бергом, приняла название „Беспартийного Национального Центра“, сформировавшись фактически в узко-партийную организацию. Объединяя вокруг себя значительное количество крупной и некоторую часть средней буржуазии, „Национальный Центр“ сразу нашел необходимые материальные средства для создания крупного печатного органа „Латвис“ („Latwis“), привлекшего в число своих сотрудников между прочими и некоторых ренегатов социал-демократии. Подготавливаясь к выборной кампании, „Национальный Центр“ все же ясно учитывал явное полевение широких масс населения и поэтому особых надежд на выборы в сейм не питал. Один из наиболее видных организаторов „Национального Центра“—приехавший из Японии псевдо-профессор Озолинь, мечтающий стать латвийским Муссолини, уже в июле 1922 г. писал в примыкавшей к консервативно-националистическому движению газете „Латвияс Карейвис“: „Для оздоровления латвийской государственности не-

обходим активный фашизм“. Тогда же и было приступлено к созданию организации, могущей стать исходным центром для практической деятельности этого активного фашизма. 15 августа состоялось первое учредительное собрание так называемого „Латвийского Национального Клуба“, с приглашением делегатов от войсковых частей и учреждений, латвийского национального союза молодежи и т. п. организаций. Решено было создать в лице Л. Н. К. активную национальную организацию, целями которой было бы, как тогда было довольно несмело формулировано: „развитие у латышского народа государственно-национального самосознания, активная борьба против всего, что мешает нормальному развитию латышской государственности, борьба против всех нелатышских явлений и, главное, ведение борьбы не только словами, но и делом“. На следующем же собрании клуба было постановлено принимать в Л. Н. К. по строгой рекомендации и только „физически безупречно сложенных“. Был выдвинут и проект создания при клубе „ударной армии“. Тогда предполагалось создать эту „армию“ из подлежащих демобилизации, но оставляемых на жалованье при Л. Н. К. солдат национальной армии. Для осуществления этой идеи был привлечен один из наиболее реакционных генералов—бывший нач. штаба главнокомандующего — Радзынь, тоже вынужденный в свое время под давлением левого крыла Учредительного Собрания выйти в отставку.

Конечно, осуществление идеи наемной фашистской армии пока оказалось не под силу количественно сравнительно незначительной крупной буржуазии, и она должна была остановиться на привлечении добровольных пионеров активного фашизма. Вскоре Вольмарское отделение клуба уже сообщило, что им создана группа молодежи и демобилизованных солдат в 160 чел., предлагающих свои услуги „на пользу родины“. В Риге прекрасным кадром для этого же послужили часть офицерства, националистические студенческие корпорации, Латвийский Национальный Союз Молодежи и организация скаутов при нем, возглавляемая колчаковским генералом Гоппером, одним из героев Ярославского белогвардейского восстания в 1918 году.

Вначале фашисты особой деятельности не проявили, если таковой не считать некоторые сравнительно незначительные эксцессы, как—разбитие окон в редакции газеты „Социал-демократ“ в ночь с 17 на 18 сентября, или избивание студентов-евреев и социал-демократов в Высшей Школе. Но после неудачной для националистов выборной кампании (провели по всей Латвии всего-навсего 4 кандидатов на 100 членов сейма) националисты совместно с также провалившимися в выборной кампании клерикалами—христианскими националистами—начали ожесточенную агитационную кампанию за разгон вновь избранного сейма. Одновременно с этим началась и усиленная антисемит-

ская агитация. Это совпало по времени с удачной авантюрой Муссолини в Италии, что воодушевило и латвийских фашистов. Организовывались нападения на с.-д. собрания и митинги; в фашистской печати раздавались угрозы по адресу буржуазного правительства, якобы не принимающего достаточно энергичных мер против коммунистов и сочувствующих им рабочих, организовывались антисемитские демонстрации и т. п.

Но наиболее ярко выявила свои ближайшие тенденции фашистская организация в событиях 1-го мая 1923 г., когда вооруженная револьверами, палками, резиновыми нагайками, бутылками и бомбами с вонючей жидкостью, организованная в отряды фашистская толпа с участием части офицеров национальной армии, после сбора в помещении Латвийского Национального Клуба (в порядке обязательной явки) направилась на Эспланадную площадь и напала на происходившие там митинги профессионалистов и социал-демократов. Пользуясь полным сочувствием и поддержкой присутствовавшей полиции, они старались срывать красные знамена (у с.-д. их отняли), побили целый ряд с.-д., в том числе и нескольких членов сейма. По окончании побоища фашисты устроили у своего клуба митинг, где держали хвалебные речи по поводу своих достигнутых за этот день „побед“.

В течение всей происходившей в конце апреля и начале мая стачки грузчиков в Рижском порту „Национальный Клуб“, вместе с прочими буржуа-

зными организациями, организовывал штрейкбрехерские отряды с целью срыва стачки, выставляя ежедневно до 300 штрейкбрехеров — большей частью студентов.

Таким образом, можно констатировать, что создавшаяся в Латвии фашистская организация крепнет с каждым днем, будучи все же вынуждена ограничиваться в использовании живой силы молодежью крупной и средней, но надеющейся стать крупной, буржуазии. Создать крупную военную организацию фашисты не в состоянии. Играть более или менее вескую роль в политической жизни они смогут, лишь войдя в тесное общение с подготовляемой крестьянской буржуазией другой организацией военного типа — сходной с организацией финских шюдсоров, — охранными дружинами.

Что попытка сближения с крестьянскими реакционерами будет в ближайшее время сделана, — нет никакого сомнения. Фашисты уже теперь поддерживают начавшуюся кампанию за созыв съезда охранных дружин. Если в этом отношении какие-либо успехи будут достигнуты, то ясно, что эксцессы 1-го мая явятся лишь пробой руки для более серьезных выступлений латвийских фашистов в недалеком будущем. Это подтверждает и тот факт, что идейный вдохновитель латвийского фашизма — Озолинь — перед первомайскими событиями специально ездил в Италию присмотреться к фашистским методам действия и установить официальную, более тесную связь с фашистским центром.

Фашизм в Эстонии.

I.

Г. Пегельмана.

Правительственная власть „демократической“ Эстонской республики сложилась и сорганизовалась под палящими лучами солища классовой войны; поэтому она носит яркий отпéчаток этой войны и питается ее традициями. В силу этого она и до сих пор применяет в классовой борьбе приемы и методы военного характера. Несмотря на то, что война давно уже кончилась, в Эстонии местами—именно, в главных рабочих центрах—царит военное положение. Участие в коммунистической работе рассматривается как военное преступление, и дело подлежит военно-окружному, а в отдельных случаях даже военно-полевому суду, как это было с тов. Кингисеепом в мае 1922 г. Но традиции эпохи вооруженного и беспардонного уничтожения большевиков, когда белогвардейские банды без всякого суда расстреливали и вешали не только коммунистов, но и всех

рабочих, подозреваемых в сочувствии к ним,—эти традиции живы и святы и поныне. От времени до времени организуются облавы на рабочих, пропадает бесследно попавшийся в руки правительственных бандитских шпак представитель рабочих, как это произошло с секретарем коммунистическ. фракции I Государств. Собрания т. Раудсеппом, или просто на улице убьют вождя рабочих, как было недавно с тов. Креуксом. Все эти дела которыми в военное время занимались белогвардейские банды, ныне выполняются теми же бандами, но уже организовавшимися в государственную власть, в „демократическую“ республику, сохранившую, однако, все свои традиции времен диких расправ с рабочими в открытой классовой войне.

При таких исторических предпосылках понятно, что новая фаза в развитии международной классовой борьбы, известная под общим названием фашизма, в Эстонии не принимает тех форм, какие мы видим в странах с более продолжительным демократическим стажем и не имеющих традиций отчаянной классовой войны. Там фашизм выступает против демократии, обвиняя ее в „оппортунизме“, в недостаточной определенности и прямолинейности в борьбе против рабочего класса, и в удобный момент низвергнет демократическое правительство. В Эстонии, наоборот, нет более реакционного, более, можно сказать, фашистского элемента, чем те слои, которые держат в своих руках бразды правления. В Эстонии сама

демократия отождествляется с фашизмом. И если тут возникают, помимо правящих групп и организаций, элементы или группы с фашистскими склонностями, то они или волеются в реакционное правительственное русло, или дополняют его по отдельным, специальным заданиям. Но не приходится серьезно говорить о том, чтобы эти группы могли заменить—в смысле фашизма,—нынешнее правительство, опирающееся на реакционнейшие слои зажиточного крестьянства, предводимые сознательно-фашистскими вождями из новоиспеченных фабрикантов и банкиров, близко снюхавшихся в старое время с социализмом. И если прямым шефом правительственных фашистских банд в 1919 и 1920 гг. был социал-демократ—прославленный инициатор Изборской бойни А. Геллат, ныне министр иностранных дел,—а в последние годы демократ либерально-буржуазного толка (нар.-демокр. партии), мин. внутренних дел К. Эйнбунд, то это лишь служит доказательством, как правящий фашизм притягивает и использует для своих целей и в рамках своего организационного аппарата элементы из других партий и групп.

Переходя в отдельности к фашистским организациям и течениям, существующим в Эстонии, помимо правительственного аппарата, с его разбойничьими бандами агентов охраны, с его пресловутыми застенками и т. д., приходится прежде всего остановиться на полуофициальных „отрядах охотников“, образовавшихся после окончания вой-

ны путем реорганизации из бывших отрядов „Лиги защиты“—чисто классовой военной организации. Основным ядром и преобладающим элементом в этих отрядах является зажиточное крестьянство. Организация отрядов носит определенно военный характер, члены отрядов вооружены винтовками; часто в распоряжении отрядов имеются даже пулеметы. Ежегодно происходят регулярные военные обучения, кончающиеся обыкновенно состязаниями в стрельбе на призы, под наблюдением военных специалистов. Почти в каждой волости имеется свой отряд, открыто признающий главной целью своего существования—борьбу против коммунизма.

В деревнях эти „охотничьи“ отряды (охотящиеся с винтовками на зайцев и воробьев!) являются полновластными хозяевами. Находясь политически под защитой правящей реакционной „Земельной лиги“, являясь в большинстве членами этой партии, „охотничьи отряды“ пользуются не только правительственными субсидиями, но и полной безнаказанностью при совершении насилий над „коммунистами“, т.-е. над рабочими в деревне. Рабочие, замеченные в участии в „крамоле“, немедленно увольняются хозяевами и часто, под угрозой избиения, высылаются из пределов волости. Устраивать рабочие собрания крайне трудно, так как все подходящие помещения находятся в руках фашистских „охотников“, а если помещение и найдется, то нет уверенности, что „охот-

ники* не разгонят собрания или не учинят насилия над ораторами. Обращение в подобных случаях к милиции или в суд, конечно, никаких результатов не даст. Если на этой почве до сих пор не было более значительных столкновений, то потому, что рабочие, еще чувствуя в деревне свою организационную слабость, не могут вступить в открытый бой с „охотниками“, но с ростом рабочего движения этот момент приближается и активность отрядов усиливается, как это замечалось уже во время последних выборов в парламент (в мае 1923 г.).

Тогда как „охотничьи отряды“ являются чисто деревенскими организациями, в городах до последнего времени не было организаций, объединяющих элементы фашистского толка. Но в период последней выборной кампании попытки в этом смысле были сделаны сразу в двух направлениях. Первая—это образование т.-наз. национально-либеральной партии, вождем которой является „адмирал“ Питка, отличившийся в „освободительную“ войну зверской дикостью в преследовании и уничтожении красных. В своей партии, выставляющей лозунги ультра-националистического фанатизма, „бей жидов!“ и „смерть коммунистам!“, Питка объединяет главным образом и в первую голову негодные, выброшенные за борт государственного корабля и потому недовольные элементы, начиная от социал-демократов и кончая ультра-реакционерами из „Земельной лиги“ или протеже бывших баронов,

„Адмирал“ бросился в выборную кампанию с надеждой, если не низвергнуть правительство „Земельной лиги“, то по крайней мере ввести туда своих сторонников. Однако, он провел лишь 3 или 4 кандидатов в парламент, куда сам даже не попал. При таких условиях он может, конечно, остаться в „оппозиции“, но в сущности его партия может стать в руках правящей реакции только орудием для определенных фашистских выступлений, суррогатом „охотничьих отрядов“ в городах. До сих пор она, несмотря на свою крикливость, мало чем могла дополнить фашистскую работу правительства, но нет сомнения, что правительство охотно будет пользоваться его услугами в борьбе против рабочих организаций.

По другому направлению идет попытка книготорговца Пломпу—типичного мелкобуржуазного реакционера—создать „лигу трудящихся“. Это — попытка взорвать коммунистический единый фронт трудящихся созданием мелкобуржуазной организации трудящихся с вполне определенной фашистской физиономией, с лозунгами: „бей жидов!“, „долой индустриальных рабочих, этих лодырей и паразитов!“, „долой всеобщее избирательное право (для „лодырей“!) и т. д. Это не зубатовщина, как иногда называют затею Пломпу, а определенное, явное натравливание мелкобуржуазных трудящихся элементов и несознательных рабочих на классовые рабочие организации.

Суммы, которыми этот типичный гоголевский скряга швырялся во время предвыборной кампании, ясно указывают на то, что за спиной этого тупого лавочника имеется рука охранки, т.-е. той же самой правящей реакционной партии, которая, разочаровавшись в помощи социал-демократов в деле разрушения единого рабочего фронта, пытается таким путем дополнить свой правительственный аппарат еще мелкобуржуазно-фашистской организацией.

На первое время эта попытка дала очень скудные результаты: несмотря на всяческую поддержку всего аппарата охранки, „лига“ не провела в парламент ни одного кандидата. Но попытки организации могут и вероятно будут повторяться ввиду постоянного усиления революционного единого фронта. Однако, даже трудящиеся уже сильно пропитаны идеями коммунизма, так что пролетариату этих попыток нечего бояться. Но так как власть буржуазии в Эстонии вообще держится на белом терроре, то все эти попытки создания новых фашистских организаций служат доказательством, что реакция чувствует приближение революционной бури, от которой ее, однако, не спасут и ее новые слабые фашистские отростки.

II.

Подпольного.

В экономическом отношении белая Эстония не имеет никаких перспектив. За неимением своих природных богатств, из-за недостатка сырья, необходимого для производства, Эстония не в состоянии самостоятельно организовать свое народное хозяйство. По словам ее промышленников, тяжелая промышленность для Эстонии слишком тяжела, а мелкая и средняя промышленность не в состоянии конкурировать с иностранными фабрикатами и поэтому неизбежно обречена на гибель.

Единственная возможность восстановления промышленности была бы в экономическом союзе в Сов. Россией. Но этот союз неосуществим, во-первых, потому, что буржуазия не может заключить экономического союза с Сов. Россией, а должна действовать по директивам Лондона и Парижа; во-вторых, и для самой буржуазии этот союз не очень привлекателен, ибо восстановление экономической мощи страны при помощи Сов. России увеличило бы расположение трудящихся масс к Сов. России, как единственной стране, при помощи которой трудящиеся Эстонии в состоянии улучшить свое экономическое положение. А тогда, значит, конец владычеству буржуазии.

Нет экономической области, где предвиделось бы улучшение хотя бы в ближайшем будущем.

Хотя в торговле и замечается некоторый подъем, но это только в области ввоза, и такое явление не может радовать и самые оптимистические буржуазные круги. Торговый баланс пассивен. Начиная с 1921 года, ввоз в несколько раз превышает вывоз. В январе 1923 года ввоз превышал вывоз на 125 миллионов марок.

В земельном вопросе буржуазия усиленно старается залечить раны, полученные в те дни, когда для „победы“ над большевиками пришлось обещать беднякам раздел крупных помещичьих имений. Теперь, наоборот, идет процесс концентрации земельных участков в руках эстонских „серых баронов“ — будущих помещиков. Но это процесс довольно длительный, тяжелый. Бедняк-крестьянин и часть середняков без борьбы не уступят своих участков кулакам, и буржуа тревожно смотрит в будущее, когда придется бороться с единым фронтом трудящихся масс.

При таких обстоятельствах фашистская идея принимается эстонской буржуазией и кулацкими слоями крестьянства как единственное средство, способное спасти их от революции. Уничтожение Советской России и реставрация капитализма в „демократической“ России — вот в чем видят спасение от „большевистской заразы“ банкир, торговец, помещик и социал-демократ. В революционных рабочих эстонская буржуазия видит своих злейших врагов.

В Эстонии нет таких организаций фашистов, которые самостоятельно, помимо правительства, терроризовали бы рабочие организации. Но зато само правительство там фашистское.

Фашистские элементы Эстонии организованы в так называемые „отряды охотников“, которые вооружены винтовками и регулярно проходят ежегодные военные обучения. В состав этих „отрядов охотников“ входят крупное и частью среднее крестьянство, домовладельцы, предприниматели и банкиры. Вождями этих „отрядов“ являются К. Пяте — банкир, бывший председатель правительства и нынешний председатель парламента, и генерал Лайдонер — крупный предприниматель, банкир, бывший главнокомандующий военными силами Республики во время гражданской войны. Политически эти отряды представляют из себя организацию „Земельной лиги“; влиятельной и руководящей силой в них являются биржевики и промышленники. Эта политическая организация даже не старается скрыть своей враждебности к трудящимся и открыто выступает против интересов рабочего класса.

В течение последнего полугодия формируется в Эстонии новая фашистская организация, которая по своему составу и идеологии старается подражать фашизму Муссолини. В состав этой организации входят буржуазные и мелко-буржуазные элементы — профессора и пасторы, а большей частью лица, которые за кражу или растрату обществен-

ного имущества исключены из среды имущей буржуазии. Их организатором и вождем и политическим руководителем является „адмирал“ Питка — владелец пассажирских и торговых пароходов. В число заслуг этого господина перед „демократической“ республикой зачисляют его зверские расправы над пролетариями во время гражданской войны 1918—1919 г.г., когда эти рабочие почему-либо попали под сомнение „адмирала“ и его подручных.

Но так как этот властолюбивый господин не у власти, то он всячески изобличает нынешнее правительство, а особенно Земельную лигу, вождь которой, Пятс, также не может терпеть других богов возле себя.

Как ударная сила, этот отряд еще слаб. Эта партия адмирала называется „народно-либеральной партией Эстонии“. Весной текущего года состоялся ее первый учредительный съезд.

Эта новая фашистская группа гораздо воинственнее, чем первая, т.-е. „отряды охотников“, так как члены последних, почти поголовно находясь у власти, обеспечены тепленькими местечками, предприятиями и т. д., а вторые вследствие своего хулиганства не имеют к ним доступа; поэтому их воинственность растет с каждым днем. Кроме того, вокруг этой фашистской организации собираются подонки буржуазного общества, бывшие сыщики, уголовные преступники и т. п.

В решительный момент схватки между буржуазией и трудящимися эта банда фашистов окажется для имущих классов очень нужна, но все-таки нет надежды, чтобы она когда-нибудь достигла власти: „отряды охотников“ слишком глупо укоренились в государственном аппарате. Пяте и Лайдонер, биржевики, промышленники и землевладельцы властвуют со своей Лигой непоколебимо.

Все кровавые расправы с рабочими представителями, все разгромы рабочих организаций, ликвидации рабочих парламентских и муниципальных фракций, толкования законов о парламентских выборах во вред рабочему классу — все это совершается под диктовку Пятса. Убийство вождя эстонского рабочего класса т. В. Кингисеппа совершалось в полевом суде Пятса; энергичный и талантливый агитатор-организатор КПЭ и член ЦК т. Креукс был по-разбойничьи расстрелян в спину по приказу правительства Пятса; по предложению этого же Пятса главный комитет по выборам в парламент постановил уничтожить списки единого рабочего фронта в Ревельском и Нарвском районе, без всяких на то уважительных причин.

Эти районы были пролетарскими районами, и поэтому Пяте заявил открыто, что демократия не может допустить, чтобы в этих районах рабочие выбирали коммунистов.

В Эстонии у власти стоит фашистское правительство, которое у Муссолини кое-чему научи-

лось и даже в некотором отношении опередило итальянский фашизм. Все признаки говорят за то, что эстонский буржуа готовит рабочему классу жестокую расправу. Уничтожение организаций революционного рабочего класса — это его первая задача. Только благодаря террору может эстонская буржуазия держать власть в своих руках. Первая революционная волна в Европе снесет бесследно с лица земли маленьких прибалтийских Муссолини. Но до тех пор эти кровавые демократические республики являются оплотом всякой контр-революции.

Финляндия, как классическая страна фашизма.

И. Ласси.

Если понимать фашизм, как буржуазную диктатуру, не оговоренную законом и опирающуюся на вооруженные добровольческие организации военного типа, террористически выступающие против всякого проявления рабочего движения, то можно сказать, что родиной международного фашизма является Финляндия, и что в Финляндии фашизм достиг своей классической формы.

В 1920 году, когда в сущности появился итальянский фашизм, финляндскому было уже целых 2 года. Вооруженные и организованные по-военному, буржуазные фашистские шайки, на официальном языке зовущиеся в Финляндии охранными отрядами („шюдекоры“), а в рядах трудящихся и пролетариев известные не иначе, как под именем „резников“, — возникали спорадически уже в 1906 году, после широкого революционного движения 1905 года. Но лишь после революции

в Финляндии (февраль—апрель 1918) они приобрели характер могущественной контр-революционной силы.

Возникнув в качестве организаций помощи полиции и „добровольных пожарных дружин“, финляндский фашизм на другой же день после поражения революции уже был достаточно силен, чтобы устроить небывалую, по всей вероятности, в истории Европы бойню среди рабочих. Достаточно для иллюстрации нескольких голых цифр.

Гражданская война вырвала около 6.000 жертв из рядов пролетариата.

Другие стороны послереволюционного белого террора характеризуются такими цифрами: из немногочисленного народонаселения маленькой страны, количественно едва превышающего 3 миллиона, промышленный рабочий класс которой едва достигает 100.000 человек, было брошено в тюрьмы круглым счетом 90.000 и около 70.000 было приговорено к различного рода наказаниям на разные сроки, главным образом, многолетние. Из заключенных более 15.000 рабочих за 4 месяца умерло от голода в концентрационных лагерях. После окончания борьбы было зверски расстреляно около 18.000 чел., в том числе сотни женщин; более 10.000 рабочих принуждены были искать для себя убежища в России и в скандинавских странах. Тысячи из них еще и теперь находятся в вынужденном изгнании, а в финляндских тюрьмах изнывает еще свыше 600 жертв 1918-го года.

Относительно, а по всей вероятности и абсолютно, эти цифры превосходят все, что новейшая история Европы может предъявить по части непосредственной, не связанной с военными событиями, бойни и сопряженных с ней массовых арестов.

С этого начинается история самостоятельной Финляндии и история ее фашизма.

Теперь, в июне 1923 года, положение таково:

Номинально финляндские шюдскоры насчитывают в своих рядах около 100.000 человек. Из них, однако, вероятно лишь около 30.000 на активной службе, но эти хорошо обучены военному делу. По сравнению с регулярной армией — 30.000 человек — это значительная сила. Шюдскоры признаются полуофициальной военной силой и получают от государства 25.000.000 финских марок ежегодной субсидии. Командный состав шюдскоров состоит большей частью из егерских офицеров, обученных в Германии во время войны. Фактическим главнокомандующим (хотя номинально лишь „почетным вождем“) является палач 1918 года, бывший царский генерал Маннергейм.

В качестве политического дополнения шюдскоров в начале 1923 г. был создан особый „Союз Защиты Финляндии“, имеющий уже отделения во всей стране.

Не может быть никакого сомнения, что эти организации поддерживают теснейший контакт с международным фашизмом через своего вождя, интимная связь которого с руководящими кругами

немецких монархистов (в особенности с Людендорфом) и с русской эмиграцией отлично известна. Доказательством этому служит приезд генерала фон-дер Гольц весной 1923 года, как гостя шюдскоров, и его провокационное поведение по отношению к Советской России на различных банкетах, устроенных финской буржуазией. Это тот самый генерал фон-дер Гольц, который в 1918 году пришел на помощь финской контр-революции с дивизией первоклассных немецких войск и решил борьбу в ее пользу.

Террористическая деятельность шюдскоров по отношению к рабочему движению со времени ужасов 1918 года весьма разносторонняя. На законность они не обращали внимания в тех случаях, когда она находилась в противоречии с интересами буржуазии. Бесчисленные аресты, грабежи, убийства, нарушение элементарнейших прав трудящихся, систематический террор как по отношению к рабочим, так и к стоящим вне реакционной партийности или сколько-нибудь либеральным элементам буржуазии,— таковы характернейшие черты финского фашизма в последние 4—5 лет.

Но, несмотря на свою необыкновенную силу, шюдскоры не являются организацией абсолютного и безусловного единения. В их рядах имело место несколько конфликтов:

Во-первых, мы наблюдаем тут налицо антагонизм между монархистскими и республиканскими элементами. „Беспартийный“ буржуазный шюдскор

немыслим без участия крестьян. Но последние стоят в настоящее время большей частью за республиканский государственный строй. Командный же состав большей частью антиреспубликанский, монархистский.

Во-вторых, в Финляндии существует значительный антагонизм между двумя группами населения, говорящими на разных языках. В Финляндии живут как финны, так и шведы, из которых вторые, составляя лишь десятую часть населения, играют руководящую роль в финской буржуазии, особенно в экономической жизни, в государственном аппарате и во внешней политике. В командном составе шюдскаров преобладает шведское влияние, в то время как рядовые их члены на три четверти финны.

В-третьих, существует некоторое противоречие между резко реакционными элементами, которые охотно использовали бы шюдскаров для международных контр-революционных целей (в особенности против Советской России), и такими, которые рассматривают шюдскаров лишь в качестве оружия защиты „самостоятельности Финляндии“ и ее „государственной конституции“.

В-четвертых, наблюдается значительное противоречие между командованием шюдскаров и армии. Командный состав шюдскаров получил военное образование, главным образом, в Германии, и поэтому определенно германофильский, высший же командный состав армии состоит, главным образом, из бывших царских офицеров, теснейшим образом связанных с русской эмиграцией. Этот антагонизм

проявляется очень часто и резко, и в критическом случае может вылиться в открытую борьбу. Командование шюдекоров считает армию ненадежной, ибо в ней имеется значительная часть красных элементов. Поэтому командование шюдекоров настаивает на ослаблении армии и на усилении шюдекоров.

Эти и другие противоречия были, однако, до сих пор недостаточно сильны, чтобы привести к расколу буржуазного фронта. Пугало революции еще настолько страшно, что тесно объединяет финскую буржуазию. Численно небольшая, эта буржуазия прочно сплочена в контр-революционном единстве политически и в военном отношении. Экономически государственный аппарат несколько хромает, но еще в недостаточной степени, чтобы угрожать близким концом.

Фашизм — международное явление, с которым надлежит бороться в международном масштабе. Так, проводить борьбу мощными революционными средствами может лишь Коммунистический Интернационал трудящихся всего мира. Успешная борьба с финским фашизмом лишь в национальном масштабе представляется невозможной; она неминуемо должна быть тесно связана с международной революционной борьбой.

В этом смысле борьба против фашизма и в Финляндии должна будет заставить все рабочее движение приблизиться и тесно примкнуть к международной революционной борьбе и к руководству Коммунистического Интернационала.

Фашизм в Чехо-Словакии.

А. Гольдфарб.

Чешская буржуазия переживает крупные как политические, так и экономические затруднения. Политический кризис страны тесно связан с разрешением трех основных политических проблем: проблема классовая (власть буржуазии или власть рабочих); проблема национальная (национальное государство или государство национальностей). В Чехо-Словакии насчитывается семь национальностей: чехи, словаки, русины, немцы, венгры, поляки и евреи). И, наконец, проблема ориентации внешней политики (ориентация на империалистическую Францию и поддержка начинаний французского империализма в средней Европе, или ориентация на Советскую Россию).

Парламентарная демократия не в состоянии разрешить все эти проблемы в благоприятном для чешской буржуазии духе. В вопросе власти рамки парламентарной демократии оказываются недостаточными для сохранения политической власти при

существующем соотношении сил: правительственные партии представлены в парламенте 156-ю депутатами (41—аграрии, 26 — национал-социалисты, 21 — клерикалы, 21 — национал-демократы и 49 — социал-демократы); оппозиционные партии представлены 129-ю депутатами (51 — немцы и венгры, 29 — социал-демократы немецкие, 24—коммунисты и 25—разные). Новые выборы, по мнению даже всех правых газет, грозят превращением правительства в меньшинство за счет увеличения числа коммунистических депутатов.

Коалиционный режим, неизбежно вытекающий из парламентарно-демократического строя Чехо-Словакии, не может разрешить и национальной проблемы в смысле национального государства. В силу тех же самых причин Чехо-Словацкая республика не может последовательно проводить политику французского империализма. Массарик (президент) и Бенеш (министр иностранных дел) боятся разрыва коалиции и развала коалиционных партий, также как и слишком тесного союза с французским империализмом, заставляющего чехо-словацкое правительство занимать все более и более враждебную по отношению к массам позицию. Фактически только одна партия национал-демократов ориентируется на Францию и практически поддерживает ее агрессивную политику.

Национал-демократия является партией крупного капитала, объединяющей промышленную, банковую и торговую буржуазию. Член Исполкома

Коминтерна А. Нейрат в своей статье „Экономический и политический кризис в Чехо-Словакии“ говорит: *) „Национал-демократическая партия (с ее лидерами Рашиным и Крамаржем) опирается на банковский концерн во главе с „Живнотенска банка“. Чехо-словацкое министерство финансов возглавляется все время представителем „Живнотенска банка“.

Мелкая буржуазия и мелкое крестьянство видят себя обманутыми, а свое существование поставленным под угрозу. Часть мелкой буржуазии фактически разорена, и в рядах ее царит невероятное возбуждение. Эта мелкая буржуазия верпла в прочность коалиции и приносимых ею благ, как и в прочность экономической основы „своей“ республики.

Национал-демократическая партия—единственная чешская партия, поддерживающая фашизм.

Промышленный кризис в Чехо-Словацкой республике все возрастает. Государство с населением в 13.000.000 насчитывает 600.000 безработных, которые голодают и не имеют возможности хорошо наладить самопомощь вследствие преследований полиции. Одновременно растут расходы на армию и полицию и друг. виды угнетения рабочего класса.

Характерны для чехо-словацкого империализма еще следующие данные. В чехо-словацкой армии

*) Экономическое и политическое положение в Чехо-Словакии. „Правда“, 29/II 1923 г.

числится 10.602 офицера, 11.740 ротмистров и 127.631 солдат, из которых 32.189 унтер-офицеров.

Земельная реформа в Чехо-Словакии, декларированная национальным собранием 27 мая 1919 г., проводится в жизнь медленно, что вызывает недовольство со стороны крестьянских масс.

Финансовая политика министра финансов Рашина (лидера национал-демократической партии) привела к повышению курса чехо-словацкой кроны за границей, но вместе с тем и к упадку экспорта чехо-словацкой промышленности, работающей на 90 проц. для заграничного рынка. Эта политика Рашина превратила чехо-словацкую крону в самую опасную колеблющуюся валюту в Европе и вместе с тем породила огромный рост безработицы, локauty, сокращение производства и даже уничтожение ряда отраслей производства. 600.000 голодных безработных рабочих Чехо-Словакии являются жертвой тех мероприятий, посредством которых Рашин думал закрепить позицию чехо-словацкого крупного капитала в его борьбе против пролетариата. Сильно пострадали от финансовой политики Рашина легионеры.

В этой обстановке напряженного классового недовольства, массового обнищания и обостренного антагонизма с национальными меньшинствами убийство одного из крупных вождей чехо-словацкой буржуазии — Рашина (5 января 1923 года) положило начало росту реакции, зарождению чехо-словацкого фашизма.

Мы дали очерк экономического и политического положения Чехо-Словакии в настоящее время, чтобы яснее выявить перед читателями все внутренние и внешние, случайные и вызванные объективным ходом событий, причины появления чехо-словацкого фашизма.

Ответом на убийство Рашина в первую очередь явился так называемый закон об охране республики. Он включает в себе ряд статей, заимствованных из чрезвычайного законодательства Польши и Венгрии и радикально ограничивающих свободу печати, собраний, союзов, критики правительственных мер, а также рассматривающих как государственную измену агитацию против отдельных классов населения и национального культа. Специально оговорены строгие репрессии за массовые коммунистические выступления.

Орган Крамаржа „Народни Листы“ призывает последовать примеру Юго-Славии, Румынии и Италии и „ради спасения отчества“ применять самые суровые меры. Орган премьера находит также, что свобода слова и печати в Чехо-Словакии превосходит границы должного и что нужно принять надлежащие меры, не опасаясь нареканий в реакционности. Социал-демократия довольна чрезвычайным законопроектом, питая надежды, что таким путем ей удастся добиться перевода коммунистов на нелегальное положение, но закон об охране республики способствовал расколу национал-демократической партии, левое, моравское

крыло которой, в противовес правому, пражскому, голосовало против чрезвычайного закона и не поддерживает фашистского движения.

Чешская буржуазия изживает свои недавние „демократические иллюзии“ и обращается в сторону методов прямого действия, освященных практикой Муссолини, немецкого Оргеша и союза „Возрождающейся Венгрии“.

„Народная Политика“, орган Крамаржа, последовательно подготавливает почву для расширения фашистского движения в стране. Почти в каждом номере этой газеты можно найти критику основ парламентского режима, конечно, замаскированную громкими фразами о сохранении республики и демократии. Партия Крамаржа подвергает сомнению целесообразность всеобщего избирательного права, обвиняет нижнюю палату в том, что она недостаточно защищает „общие интересы государства“, выдвигает проекты реорганизации сената на принципах назначенства и сословного представительства и т. д. и т. д.

Одновременно с этим национал-демократическая печать настойчиво требует создания „правительства сильной руки“, ибо, по ее словам, „демократия слабостью своих законов придает дерзость анархии. Не ограничиваясь обработкой общественного мнения в духе фашистских идей, орган Крамаржа открыто пророчествует о близости „решительного момента“. „Старая конституция выполнила свою задачу, — пишет нац.-дем. официоз, —

время требует от нас изменения основ нашей государственности. Нельзя еще предсказать, когда произойдет поремена конституции, но надеемся, что раньше, чем кто-либо предполагает“.

И действительно, воинствующая буржуазия, в лице партии Крамаржа, оказывает всемерное содействие так наз. „национальному движению“ („Народни гнуги“), которое является типичным фашизмом, перенесенным на чехо-словацкую почву.

Фашистское движение в Чехо-Словакии находится на первых ступенях своего развития. Программная основа фашизма только начинает складываться. Основные тенденции программы фашизма predetermined политическим и экономическим положением Чехо-Словакии и теми затруднениями, которые переживает чешская буржуазия: в области внутренней политики—это в первую очередь идея сохранения самостоятельного национального государства, пересмотр и критика парламентарной демократии, решительная борьба с коммунистами и с немецкой ирредентой; в области внешней политики—более тесная связь с французским империализмом, с ориентацией на белую Россию.

Те первые зачатки программного оформления фашизма в Чехо-Словакии, которые можно наблюдать в прессе, свидетельствуют, что фашизм затрагивает в своей программе именно эти вопросы.

„Вызва червенобилый“ („Призыв красно-белых“) в номере от 13/iv помещает статью, которая

дает нам некоторое представление об ориентации фашизма в вопросе парламентарной демократии.

В статье, посвященной перспективам ближайших выборов „Вызва“ пишет: „Несомненно, что ближайшие выборы принесут значительное уменьшение голосов социалистических партий, находящихся в коалиции. Коммунисты же, поддерживаемые германо-еврейским капиталом, отмечают некоторые успехи. Теперешняя коалиция имеет в парламенте большинство только в несколько голосов, т.-е. в высшей степени непрочное. Но несомненно, что после новых выборов ее шансы значительно упадут. У всех партий, входящих в коалицию, замечается уменьшение числа голосов на общинных выборах. Правительство должно продумать и осознать свою ответственность перед будущими поколениями. Результаты выборов в городские общины указывают нам, что ближайшие выборы могут превратиться в катастрофу для государства. Опасность близка, но ее можно предотвратить. В первую очередь категорически необходимо распустить и воспрепятствовать враждебную государству коммунистическую партию. Во-вторых, необходимо вырвать интеллигенцию из-под влияния социализма путем удовлетворения всех ее справедливых требований. Если правительство не осуществит всех этих мероприятий, тогда нация сама должна будет изыскать такие средства, которые сохранят суверенитет чешской нации при всех обстоятельствах“.

В номере от 20/iv „Вызва“ пишет:

„Борьба с большевизмом в Чехо-Словакии становится важнейшей государственной обязанностью. Чехо-Словацкое государство не может считать свое существование обеспеченным до тех пор, пока у нас будет сильная коммунистическая партия, находящаяся в связи с мировым еврейством, объединенным в Коммунистическом Интернационале и поддерживаемая им. Коммунистическая партия, пользуясь миллионами награбленного в России золота, создала в Чехо-Словакии громаднейшую сеть организаций и является руководителем больших масс, удерживаемых в партии, с одной стороны, подкупом, а, с другой, — большевистской демагогией. Поэтому правительство должно принять самые энергичные меры, чтобы излечить больной государственный организм от большевизма. Несомненно, что операция не обойдется без боли, но лучше устранить нарыв хирургическим путем, чем дать ему расти“.

В том же номере газета делает нападки на слабость политики Града в национальном вопросе и решительно выступает против каких бы то ни было соглашений с немцами.

Но каковы фактические достижения фашизма?

Пока фашизм в Чехо-Словакии не стал массовым движением. Вокруг него группируются лишь небольшая часть интеллигенции, слабые группы легионеров, а также небольшое число ремесленников, торговцев и др. Кроме того, фашизм имеет

за собой национал-демократическую партию в целом, подкрепленную организацией „соколов“, которая насчитывает в своих рядах около 250—300 тысяч членов, а по своей идеологии и настроениям состоит в кровном родстве с фашизмом.

Настоящая стадия существования „Народни гнуги“ свидетельствует, как будто, о слабости и изолированности этой организации в ряду других общественных сил Чехо-Словакия. Большая часть политических партий, по принципиальным мотивам, заняла отрицательную позицию по отношению к фашизму и высказывается за защиту демократического строя против заговорщической деятельности нац.-демократов.

По своей численности организация „Народни гнуги“ не особенно велика. Однако, отделения ее имеются во многих городах республики. Благодаря материальной поддержке, оказываемой партией Крамаржа, фашисты имеют возможность вести довольно широкую агитационную работу среди населения.

Кроме издания официального органа „Вызва червенобилых“, фашистами издан целый ряд прокламаций, летучек, устроен ряд собраний и митингов в Праге, в Брие и др. местностях.

Первым крупным открытым выступлением фашистов явился митинг, созданный в Праге, в связи с покушением на министра финансов Рашина. Собравшаяся толпа в несколько сот человек, состоявшая из сторонников национального движения

пыталась затем разгромить редакции нескольких анти-фашистских газет, но была рассеяна рабочими и полицией.

По сообщению пражских газет, еще в декабре прошлого года в Праге, в отеле „Тихий“ происходило тайное собрание фашистов, на котором главный организатор Фриедль, между прочим, заявил: „Я сам чешский социалист. Партия о моей принадлежности к фашистам знает и не возражает“. В конце своей речи он прибавил, что ему в скором времени удастся все верхушки партии вовлечь в орбиту фашизма...

Один из секретарей чехо-словацкой народно-демократической партии рассылает зажиточным людям письма за подписью Крамаржа с просьбой пожертвовать на фашизм. Таких писем уже разослано 3.000.

В настоящее время чехо-словацкие фашисты заготавливают новые законопроекты против революционных организаций.

На этот раз дело идет о солдатах, которые, как показали последние выборы в парламент, отдали значительное количество голосов социал-демократам, которые теперь вошли в компартию. Рост коммунистического настроения среди солдат заставляет черносотенцев принимать заранее меры и готовиться к выборам 1924 года. Клуб народных демократов вынес по этому поводу решение, требующее, чтобы солдаты были лишены избирательных прав.

Торжественным и многообещающим моментом в жизни чехо-словацких фашистов является прибытие на их родину главы французского империализма маршала Фоша. Фашисты, поднимая франкофильское настроение в стране, будут вознаграждены за это сторицею своим покровителем. Они надеются, что с легкой руки маршала Фоша они в ближайшее время расцветут в могучую организацию. Они с завистью смотрят на своих итальянских братьев, которые стоят уже у кормила правления.

Роль организующего центра для всех активных противников фашизма, которые будут выделены средними промежуточными политическими течениями, сыграет компартия. Надежным союзником коммунистов в деле борьбы с реакцией явится федерация рабочих гимнастических союзов, представляющая из себя чисто пролетарскую организацию весьма значительной численности. Рука об руку с левым крылом чешского рабочего класса пойдут также немецкие соц.-демократы, для которых победа фашизма не только равносильна разгрому классового движения, но и связана с установлением режима жестокого национального угнетения.

Выступление фашистов может, с одной стороны, даже способствовать освобождению рабочего движения Чехо-Словакии от того состояния пассивности и застоя, в котором оно находится в последнее время, вследствие наступления капитала.

Но одновременно мы должны помнить, что чехо-словацкий фашизм — лишь маленькая ветвь международного древа реакции. Его рост связан всецело с ростом мировой буржуазии, которая, изжив парламентаризм, подходит вплотную к осуществлению диктатуры капитала посредством прямого действия.

14/V 1923 г.

Фашистские организации в Юго-Славии.

Г. И. Пенов.

Сербское правительство, справедливо полагая, что освобождение одной из поработенных наций имело бы своим следствием освобождение и других юго-славянских народностей — кроатов, словенцев, македонцев, черногорцев и др. — и, следовательно, привело бы к распаду Сербско-Хорватско-Словенского королевства, принимает все меры, к тому чтобы удушить всякое стремление к такому освобождению. Борьба ведется как с коммунистическим движением, так и с чисто национальным.

Большую роль в борьбе с освободительным и коммунистическим движением в Югославии играет фашистская организация.

Фашистские организации образовались в Юго-Славии в 1918 году, когда сербы начали осуществлять задуманный ими план насильственного объединения юго-славянских народов под господством Сербии.

Из деклассированных элементов рекрутировались отряды так называемой „национальной молодежи“. Они получали хорошее жалование и были всегда готовы принять всякие насильственные меры против тех, которые не соглашались на союз под сербским игом.

Впоследствии ряды „национальной молодежи“ были пополнены учащейся молодежью, т.-е. детьми генералов, попов, кушцов, шинкарей и т. п.

В первые дни сербской оккупации юго-славской территории эти элементы терроризовали всех. Бандам „национальной молодежи“ все было разрешено, и каждое проявление ими насилия одобрялось и восхвалялось сербскими властями как патриотический акт. С помощью этих организаций сербам с самого начала удалось подавить всякую оппозицию.

В настоящее время фашистские юго-славские организации являются мощным орудием в руках сербского правительства, или вернее, в руках юго-славской демократической партии, которая стоит во главе этой организации.

„Национальная молодежь“ еще более зверски, чем жандармы и солдаты, подавляет всякое проявление оппозиции со стороны кроатов, словен, македонцев и черногорцев, и весьма возможно, что, не будь юго-славских фашистов, угнетенные народы уже отвоевали бы себе некоторые свободы.

Во время восстания в Черногории, особенно в 1919 г., 1920 и 1921 г. г., юго-славские фашисты вызвались добровольно пойти на усмирение восставших черногорцев, и с этой целью организовали так-называемые „роты контр-комитаджей“, отличавшиеся особым зверством.

Отряды „национальной молодежи“ сжигают и разрушают типографии, клубы представителей оппозиции. Они избивают депутатов, интеллигенцию, журналистов и всех тех, кто является противником настоящего режима.

Белградское правительство, желая чинить насилия, делает вид, что будто бы, отсутствует полиция; вместо полиции, чтобы снять с себя всякую ответственность, посылает туда фашистов.

Во время выборов в парламент фашисты приносят немалую пользу сербскому правительству. Результатом насилия во время избирательной кампании является то, что почти всегда избираются кандидаты правительственной партии.

Несмотря на то, что организация юго-славской националистической молодежи называлась фашистской, между последними и итальянскими фашистами царит крупное разногласие, являющееся результатом милитаристской пропаганды как с той, так и с другой стороны.

Только на одном попрнице юго-славские и итальянские фашисты даже являются друзьями, а именно: в вопросах, касающихся „красной опасности“ Когда в Италии фашисты узнают,

что юго-славские фашисты избили или убили коммуниста, то они восхваляют своих юго-славских „братьев“ и—наоборот.

Необходимо отметить, что большинство в фашистских юго-славских организациях составляют сербы. Все остальные национальности принимают в них незначительное участие.

Понятно, что при таких условиях борьбы с сербским правительством и с фашистами положение коммунистов и группы „восстанников“ оказывается очень трудным. Несмотря на это, коммунисты и „восстанники“ пользуются большими симпатиями всего крестьянства, которое не только их укрывает и кормит, но всегда оказывает им посильную помощь, за которую крестьянству часто приходится жестоко платиться перед судом оккупантов.

Фашистское движение в Румынии.

С. Тимов.

Фашизм в Румынии начал проявлять признаки жизни сравнительно недавно, — всего каких нибудь 6—7 месяцев тому назад. Его появление совпало с тем моментом, когда национал-либеральная партия Братиану, ставшая у власти год с лишним тому назад и удерживающая ее и поныне, начала политически и экономически „консолидировать“ страну.

Дело в том, что Румыния, хотя формально и вышла победительницей из последней войны, но фактически оказалась побежденной внутренними экономическими и финансовыми неурядицами. К тому же новая Румыния, увеличив свою территорию на счет соседних государств, включила в свои границы новые национальности, а главное, новые кадры промышленного пролетариата; к затруднениям экономического свойства при-

бавились национальные трения, а пролетариат старого королевства, вместе с пролетариатом новоприсоединенных провинций, стал выдвигаться в качестве могущественного фактора, внушавшего финансово-аграрной правящей олигархии серьезные опасения. 1920 год, когда по всей стране разразилась всеобщая забастовка, показал, что эти опасения не лишены основания, и буржуазия, выдвинув мелко-буржуазное правительство ген. Авереску, начала его руками кровавую расправу с рабочим движением. Но прошел всего год, и буржуазии был преподнесен (в мае 1921 года) новый сюрприз: присоединение быв. Социалистической партии к III Интернационалу. Последовал процесс 270 коммунистов, настолько скомпрометировавший буржуазную юстицию, что правительство вынуждено было амнистировать обвиняемых. Пока шла расправа с рабочим и коммунистическим движением, для буржуазии новоприсоединенных провинций длился медовый месяц „национального воссоединения“. Но когда победа над пролетариатом была одержана, крупная финансовая буржуазия начала наступать и на новые провинции, создавая там банки и прибирая все к своим рукам. Буржуазия провинций завопила тогда о нарушении автономии этих провинций и потребовала соблюдения условий акта о воссоединении с „patria - mima“ — „родной - матерью“. В то же время рабочее и коммунистическое движение в стране начало вновь возрождаться, и

правлящая олигархия старого королевства увидела себя вынужденной вступить на путь методической борьбы с рабочим и коммунистическим движением, с одной стороны, и автономистскими поползновениями периферии, с другой.

Правительство Братяну, которое выражает интересы крупного финансового и торгового капитала, так и поступило. Оно создало парламент по своему образу и подобию и выработало проект новой конституции, стесняющей гражданские свободы и вводящей унификацию и централизацию в государственном управлении. Это обстоятельство и вызвало бешеный натиск объединенной мелко-буржуазной и крестьянской оппозиции, главным столпом которой явилась быв. трансильванская, ныне Национальная румынская партия. Правительство решило отвлечь внимание страны от его покушения на гражданские свободы и создало для этой цели студенческое движение, направленное против национальных меньшинств, главным образом, евреев, как „врагов национального румынского единства“. В Клаузенбурге (в Трансильвании) местное христианское студенчество прогнало своих еврейских коллег из стен университета и потребовало допущения к вскрытию еврейских трупов. Потом оно устроило уличные демонстрации, кой-кого побило и по дороге, мимоходом, разрушило типографию местной венгерской газеты и бросило ее в реку. Бухарестское студенчество поступило так же и выкинуло еще

лозунг „Numerus Clausus“, т.-е. процентная норма для национальных меньшинств. В стенах Бухарестского университета, помещающегося в самой оживленной части города, произошло позорное избивание еврейских студентов, которые, избитые до потери сознания, оказались потом... в застенках местной префектуры. Не отстали и Яссы, этот классический рассадник антисемитизма. Студенчество, расправившись с евреями из своей среды, устроило форменный погром, при этом разрушило до основания редакции местных оппозиционных правительству газет: „Lumea“ и „Opinia“. Из центров отправлялись группы студентов в глубь страны и там, организуя учащихся средних школ, проделывали то же на местах.

Эффект сказался немедленно. Внимание страны было отвлечено от национал-либеральной конституции. Перепуганные еврейские представители в парламенте даже голосовали за проект конституции. Правая печать видела в подвигах студентов проявление национального духа, а либеральная, выражающая интересы мелкой буржуазии и торгового капитала, недостаточно осуждала этот вандализм, видя в нем способ борьбы с рабочим и коммунистическим движением. Ободренное правительство немедленно использовало это положение вещей и, в „целях обеспечения общественного спокойствия“, запретило собрания социалистической молодежи в Бухаресте, стоящей на платформе коммунизма (коммунисты не могут

собираться вследствие осадного положения), коммунистов в провинции и профсоюзов в Яссах. При этом был арестован руководитель местным коммунистическим и профсоюзным движением т. Танасе по чудовищному обвинению в разрушении типографий вышеуказанных газет.

Выступление румынского фашизма на антисемитской почве явилось только его боевым крещением, периодом „бури и натиска“, за которым последовало раскрытие его истинной физиономии. Одна крестьянская газета опубликовала выдержки из устава организации: „Fascia Nationala Română“, из которых видно, что она располагает различными разветвлениями, в том числе военным. В Банате (одна из провинций) были расклеены афиши, где фашисты рекомендуют себя друзьями рабочих. В Клаузенбурге фашисты организовали „Трибунал смерти“, который творит расправу над неугодными им лицами. В Яссах проф. Куза (румынский Пуришкевич), вместе со своим соратником Зея Кодряну, создали лигу с целью бороться с врагами национального единства Румынии. Их знамя — распятие с крестом. Основание организации произошло в местном епархиальном доме, при чем знамя было освящено святой поповской водой. При торжественной обетановке, главари приняли присягу на площади Единения, перед статуей господаря Кузы-Воды, в верности румынской нации.

Таково движение низов фашистских организаций. Но и высшие, даже официальные круги, остаются не безучастными. Портрет Муссолини является постоянным украшением правительственного органа „Vîitorul“. Министр иностранных дел в кабинете Братиану, — Дука, поехал в Рим, где встретился с Муссолини. Вернувшись, он в восхищении расточал похвалы „национальному герою Италии“. Но самым интересным остается следующий факт. Это было всего несколько недель тому назад, когда „демократический“, „божней милостью и волею народа“ король Румынии, при приеме в своем дворце верительных грамот от графа Алоизи, чрезвычайного посланника и полномочного министра Италии, отметил „братские узы, соединяющие наследников вечного Рима — Румынию и Италию“ и факт воплощения в жизнь их национальных стремлений. Граф выразил пожелание, чтобы между обеими странами „впредь моральные связи стали более активными и практически осуществимыми“.

Фашизм в Америке.

Александр Трахтенберг.

Фашизма, как организованной контр-революционной силы, имеющей целью защиту поколебленного капитализма и предотвращение захвата государственной власти рабочим классом, в Америке еще не существует. Это объясняется тем, что Америка еще не вошла в полосу революционной борьбы. Политически оба враждебных друг другу класса в Америке представляют собой величины, совершенно отличные от своих европейских прототипов. Американский капитализм вышел из войны более сильным, чем он был когда-либо, и опьянен могуществом, которого он достиг. С другой стороны, официально организованный труд еще даже не мечтает о том, чтобы вызвать на поединок буржуазное государство. Он фактически удовлетворяется тем, что предоставляет классу капиталистов управлять страной, полагая, что дело рабочего движения состоит лишь в том, чтобы обеспечить рабочим со стороны работодателей „справедливую

оплату за честный труд". В Америке якобы не существует классов и поскольку, согласно демократической иллюзии страна и ее богатства принадлежат всему (?) народу,—вожди Американской Федерации Труда не понимают, зачем рабочим вмешиваться в политику. Этим и объясняется почему прогрессивных деятелей рабочего движения постоянно обвиняют в проповеди политических действий со стороны рабочего класса. Союзная бюрократия находит, что политические действия не имеют ничего общего с стремлениями профессионального движения.

Казалось бы, что, имея дело с рабочим движением, враждебным созданию даже реформистской рабочей партии и отказывающимся примкнуть даже к Амстердамскому Интернационалу из боязни оскверниться „революционным“ социализмом его вождей, капитализму совершенно нечего опасаться за свою безопасность. Проявляя такое полное удовлетворение нынешним строем (если бы только некоторые злонамеренные работодатели не нарушали доброго согласия), американское рабочее движение не должно было бы доставлять никаких затруднений могущественнейшему в мире капиталистическому классу, и фашизм, подобный нынешнему европейскому, должен был бы быть в Америке немыслим.

Однако, каково положение на деле? Вопреки официальным заявлениям Американской Федерации Труда, что, не в пример другим странам,

Америка не знает классов, в этой стране имели место упорные и жестокие классовые столкновения, в которых участвовали массы рабочих. История Америки за последние 25 лет представляла собой непрерывную цепь титанических схваток, в которых класс боролся с классом не на жизнь, а на смерть.

Американская Федерация Труда относилась эту борьбу за счет моральной развращенности собственников шахт, железных дорог, сталелитейных заводов, скотобоев и т. д., но история доказала, что эти столкновения были не чем иным, как проявлениями подлинной классовой войны, со всеми сопровождающими ее явлениями и последствиями — уничтожением имущества, арестами, заключениями в тюрьму и т. д.

Эти столкновения убедили капиталистов, что, вопреки всем отрицаниям вождей Американской Федерации Труда, классовая борьба пустила глубокие корни в промышленной жизни Америки. Готовность ко всем возможностям стала лозунгом дальновидных капиталистов, и в результате в каждом промышленном центре налицо армия шпионов, вооруженных наемных убийц и штрейкбрехеров, готовых, как только в них явится надобность, отправиться в какую-либо военную зону. Милиция штатов и правительственные войска являются постоянно готовыми резервами, проявившими себя с особенным успехом в штрейкбрехерстве, и работодатели могут совершенно спокойно положиться

на них. (Несмотря на то, что Гомперс уже сорок лет состоит председателем Американской Федерации Труда, он все еще не разгадал загадки, почему предприниматели заручаются содействием правительственных войск во время конфликтов с рабочими). Кроме того, на заводах постоянно находится наемная вооруженная охрана и частная полиция, каждую минуту готовые вмешаться.

Наемные профессиональные шпионы и провокаторы работают на фабриках и, пробираясь в союзы, заручаются доверием членов, разузнают их планы и часто провоцируют их на борьбу, когда они менее всего подготовлены к этому.

Это—надежные люди, специалисты по подкидыванию бомб, уничтожению имущества, даже под присягой ложных показаний, в результате которых бросаются в тюрьму невинные, но активные юнионисты.

Разбросанная по всей стране, находящаяся на службе у капитала и в резерве—в сыскных агентствах—армия штрейкбрехеров, провокаторов, вооруженных убийц и шпионов достигает сотен тысяч. Эта армия была испытана на службе у господствующего класса еще раньше, чем слово „фашизм“ вошло в повседневное употребление. Разыскивая несколько лет тому назад человека, которому оно могло бы поручить службу тайного сыска, правительство Соединенных Штатов избрало Вильяма Бернса, главу одного из сыскных агентств, приобретшего известность своим шпио-

нажем в союзах и на фабриках и штрейкбрехерской деятельностью. Бернс перенес свои методы работы в область политики, и широкие и сенсационные облавы и преследования коммунистов и активных деятелей профдвижения за последние три года были осуществлены с помощью тех же самых провокационных средств, что и его работа в столкновениях предпринимателей с рабочими.

Правительство набирает своих сыщиков из уже служивших в штрейкбрехерских агентствах и, помогая предпринимателям освободиться от неудобных агитаторов среди рабочих, использует подготовку этих сыщиков.

До войны правительство поддерживало предпринимателей во время крупных столкновений с рабочими, отправляя войска в район забастовки, помогая сломить последнюю силой оружия. Теперь оно оказывает им помощь и политически. Оно понимает, что забастовки выносят на поверхность более активных деятелей рабочего движения. Забастовка, таким образом, является удобным моментом для их ареста и обвинения в преступлении по законам о „преступном синдикализме“, существующим в настоящее время в большинстве промышленных штатов, или для их объявления бродягами и высылки из штата, т.-е. из района забастовки. В настоящее время уже внесены законопроекты о предоставлении властям права высылать из страны всех рабочих иностранного происхождения, замеченных в активных выступлениях во

время забастовки и даже в посещении устраиваемых забастовщиками митингов. Натурализовавшимся иностранцам эти законопроекты за те же проступки угрожают лишением права гражданства и высылкой. Если законы будут приняты, то это явится для американского рабочего движения таким тяжелым ударом, какого оно никогда не испытывало. В основных отраслях американской промышленности — на сталелитейных заводах, угольных шахтах и рудниках, в упаковке пищевых продуктов и т. д., — заняты, главным образом рабочие, родившиеся за границей. В этих отраслях промышленности в течение нескольких последних лет происходили наиболее интенсивные столкновения. Иностранные или натурализованные рабочие представляют собой и в других отраслях промышленности самый активный элемент, который часто добивается лучших условий работы, чем элементы местного происхождения, как, например, в производстве готового платья.

Поскольку американская промышленность не может существовать без иностранных рабочих, американские капиталисты не допустили бы высылки всех иммигрировавших рабочих, — внесено предложение устранить от работы наиболее классово-сознательных и активных из родившихся за границей рабочих. Конечно, освободиться нужно от „опасных агитаторов“, а не от иностранцев, согласных работать по 12 часов в день, не принадлежащих к союзам и удовлетворяющихся зара-

ботной платой более низкой, чем господствующая в организованных производствах. Кампания за уничтожение радикализма в рядах рабочих иностранного происхождения, объявленная недавно, в качестве программы, правительством, должна быть рассматриваема, как особый примененный к американской обстановке вид фашизма.

Ку-Клукс-Клан.

Кроме этих общих фашистских тенденций, завоевывающих почву в Америке, там существуют организации, составляющие планы, ведущие пропаганду и организующиеся для защиты существующего строя или, как принято выражаться, для охраны „закона и порядка“. Группы, искусственные в организации актов насилия — развлечение более широко распространенное в Америке, чем где бы то ни было, — это те же самые, кто требует от правительства принятия решительных мер против всех лиц и групп, защищающих внесение каких-либо изменений в господствующие экономические и политические порядки.

Одна из организаций, приобретшая недавно известность своей деятельностью по охране „законности и порядка“, есть так называемая Ку-Клукс-Клан. Не взирая на то, что она является тайной организацией, она, со времени своего зарождения в 1916 году, распространилась по всей стране, и в ней уже насчитывается около миллиона членов.

Вообще, тайные общества в Америке очень популярны. Школы и университеты полны тайными организациями юношества. Для взрослых существуют многочисленные братские ложи, ордены, деятельность которых покрыта мраком неизвестности. Редко можно встретить американца без значка какого-нибудь ордена или братства в петлице. Организаторы Ку-Клукс-Клана сумели окутать его ритуал большей тайной, чем всякий другой существующий орден, и это, несомненно, привлекло многих к участию в организации.

В южных штатах, откуда Ку Клукс Клан происходит и где он насчитывает наибольшее число членов, он имеет социально-политическую базу. Он борется против всяких прав гражданства, которыми пользуются освобожденные от рабства негры. Утверждая, что „бог создал негров рабами“, Клан охотно восстановил бы обстановку, господствовавшую 60 лет тому назад, когда для уничтожения рабства в южных штатах потребовалась война, продолжавшаяся четыре года. Фактически нынешний Клан присвоил себе то же название, что и южный орден, основанный рабовладельцами южных штатов вскоре после гражданской войны (1867) с целью воспрепятствовать проведению мер, которые дали бы освобожденным неграм равные права с белым населением. Члены старого Клана патрулировали по ночам по дорогам, одетые в остроконечные белые шапки и белые халаты терроризуя суеверных негров и метя им за по-

терю рабов. Воскресившая старый Клан нынешняя организация не только приняла его название, его таинственную одежду и насильственные методы, но и еще расширила свои функции. В области религии Клан враждебен католицизму и иудейству, утверждая, что господствующей церковью в Америке должна быть протестантская. В общественной жизни Клан стоит за полное лишение прав и изгнание негров и за высокий нравственный уровень для белых, оставляя, конечно, за собой решение, какое поведение является добронравным и какое—безнравственным. Политически Клан стоит за охрану „законности и порядка“, и „если власти не желают следить за соблюдением законов, Клан возьмет на себя функции правительства и будет следить за тем, чтобы законы соблюдались“. (Официальная декларация Клана на недавнем процессе в Луизиане.)

Для проведения своей программы, травли негров, религиозного ханжества, моральной цензуры и охраны „законности и порядка“, Клан в последние 2—3 года организовывал необычайные насилия черни, линчуя, вымазывая дегтем и вываливая в перьях, изгоняя из городов, избивая нагайками и, вообще, всячески терроризируя и нередко даже убивая мирных жителей. Во многих штатах Клан захватил контроль над местным правительством, вынуждая выборных чиновников к отставке под угрозой насилия. Под контролем Клана находятся законодательные собрания многих штатов,

и он даже похвально, будто он насчитывает в своих рядах 160 членов Конгресса Соединенных Штатов.

Федеральное правительство ничего не сделало для борьбы с этой незаконной организацией, хотя она открыто бросает вызов правительственной власти. Там, где члены Клана судились за убийства или другие акты насилия, присяжных терроризовали, пока убийцы не бывали оправданы.

Члены Клана рекрутируются, главным образом, из потомков южных рабовладельцев и среднего класса северных штатов. Капиталисты считают Клан организацией, дающей широкие возможности для создания фашистской армии. Деятельность Клана во время недавних стачек и его враждебность всякому прогрессивному законодательству делают его незаменимым для капитала, чем и объясняется безнаказанность Клана. Подобно старой русской черной сотне, Клан является порождением религиозного ханжества и расовых предубеждений. В настоящее время он употребляется южной землевладельческой аристократией в качестве политического орудия. Он, однако, может рассчитывать на более блестящее будущее и уже готовится к службе господствующему классу Америки — крупным капиталистам севера.

Американский легион.

На вопрос, что выиграла от войны Америка, можно без затруднения ответить: более могущественный и агрессивный класс капиталистов, ни-

чему не научившуюся Американскую Федерацию Труда и Американский Легион. Американский Легион уже существовал еще до первой отправки на родину американских солдат с европейского театра войны. Он был образован во Франции из экспедиционных войск одним из офицеров и несколькими блюдолизмами из солдат и был с громадной pompой высажен на американский берег. Платформа Легиона — 100% американизма, и лозунги, распространявшиеся в 1919 г. во время кампании Легиона — „выгоните красных прочь из страны“, „Долой чужестранцев“, „Америка — для американцев“, немедленно обеспечили ему поклонение капиталистов и других реакционных элементов. Было также установлено, что крупные пожертвования финансистов помогли Легиону начать свою деятельность с громадным „бумом“, что поддержка Легиона рассматривается, как хороший вклад капиталистов, это видно уже из письма одного из директоров Чикагского мясного треста, собравшего для Легиона фонд в 100.000 долларов в штате Иллинойс. „Мы все заинтересованы в Легионе“, — пишет этот капиталист другим капиталистам, „в результатах, которых он достигнет, и в конечном эффекте, который он будет иметь, помогая борьбе с радикализмом“.

Во время войны в армию было мобилизовано 4 миллиона американской молодежи. В Легионе же никогда не было более 600.000 членов. Он

приобрел этих членов из среды вернувшихся на родину солдат, благодаря своим широковещательным рекламам, обещавшим, что Легион поможет быв. солдатам опять получить их старую службу.

Но вскоре наступил кризис в промышленности, и Легион не выполнил своего обещания. Работодатели, нуждавшиеся в рабочих руках, предпочитали брать рабочих, не участвовавших в европейской войне, считая бывших солдат никчемными. Они также намеренно забывали свои патристические обещания сохранить места для рабочих, ушедших на военную службу. Ряды Легиона стали редеть и, несмотря на то, что он впоследствии поднял вопрос о пенсии солдатам, число его членов упало почти до 200.000.

Хотя Легион вначале и был офицерской организацией — сыновья богачей тысячами делались офицерами во время войны — он якобы выступал на защиту интересов всех мобилизованных солдат, и широкая финансовая поддержка, которую он получает от банкиров, торговцев и фабрикантов, дает ему возможность быть очень крикливым.

В уставе Легиона говорится, что организация не вмешивается в политику. Однако, съезды Легиона выносят резолюции против амнистии политическим заключенным, за строгие законы против всех видов радикального движения, за ограничение иммиграции, за изгнание из страны японцев, за принудительное военное обучение, за высылку радикальных чужестранцев, за публика-

цию списков „слэкеров“ (дезертировавших от военной службы), против увода войск из Германии, против изучения в школах иностранных языков, за свидетельства о политической благонадежности для учителей школ и т. д. и т. д. Все это не считается вмешательством в политику! Легион требовал также, чтобы правила о государственной службе (конкурсные экзамены) не применялись к членам Легиона, которых он хотел бы видеть на политических должностях, независимо от того, пригодны они для них или нет. И действительно, Легион так глубоко завяз в политике, что его считают четвертым отделом американского правительства. (Американское правительство считается состоящим из трех основных отделов: законодательного, исполнительного и судебного).

Легион не удовлетворяется принятием резолюций. Он требует действий. В Вашингтоне он проводит или препятствует проведению законов, в которых он заинтересован. Он ведет среди правительственных чиновников активную кампанию в пользу своей политики. Когда Легион, даже угрожая срывом собрания, не может добиться, чтобы мэр или полицеймейстер запретил публичный митинг, на котором должны выступить с речью коммунист или известный радикал, он организует шайку хулиганов, врывающуюся в помещение и срывающую митинг. Перед началом мартовского процесса над коммунистами в Мичигане Легион требовал их осуждения.

История Легиона за последние четыре года его существования была историей насилий, беззаконий, провокационных действий, срыва публичных собраний, терроризования чиновников, желавших выполнять свой долг, содействия реакционнейшему законодательству и нападений на все прогрессивное. Легион выявил также свою физиономию во внутренних конфликтах, и многие союзы были вынуждены запретить своим членам вступать в него. Это не помешало реакционному вождю Американской Федерации Труда Самуэлю Гомперсу 2 года тому назад пригласить командира Легиона, этого смертельного врага рабочего класса, выступить с речью на съезде Федерации. На недавней конференции Легиона было решено классифицировать всех членов по их профессиям и, в случае забастовки, предписывать им занять места бастующих рабочих. Указывалось, однако, что Легион выступит лишь в случае „радикальной“, забастовки. Понятно, самому Легиону предоставлено определять, какая забастовка „радикальна“ а какая „консервативна“, т. е., какая забастовка „дурна“ и какая „хороша“.

Во время парада в годовщину перемирия, 11-го ноября 1919 года, члены Легиона стреляли в помещение Комитета Индустриальных Рабочих Мира в гор. Центральна в штате Вашингтон. Защищавшие свою жизнь рабочие отвечали на выстрелы и убили нескольких солдат. В ответ на это несколько членов Индустриальных Рабочих Мира

были на месте подвергнуты суду Линча, а восемь других, которые были впоследствии арестованы, были приговорены к заключению на срок от 25 до 40 лет каждый.

Что Американский Легион не представляет собой нечто, лишь похожее на итальянскую фашистскую организацию, но что он есть фашизм, пышно расцветающий на плодородной почве Америки, явствует из нескольких политических замечаний, публично сделанных недавно главой Американского Легиона, полковником Альвином Оусли. Приведем несколько цитат из американских газет.

„Легион не замедлил бы взять дело в свои руки, бороться с красными, как с ними боролись фашисты в Италии... Не забывайте, что итальянские фашисты являются для Италии тем, чем для Соединенных Штатов является Американский Легион, и что новый премьер Муссолини был командиром Легиона бывших военно-служащих Италии“.

Констатировав аналогичность происхождения обоих высоких орденов—итальянского и Американского Легиона,—ответственный глава, который охотно сделался бы американским Муссолини, продолжал: „Американский Легион готов защищать учреждения нашей страны и ее идеалы и поступать при этом так же, как фашисты поступали с разрушителями, угрожавшими Италии“.

Репортеры, интервьюировавшие полковника Оусли, прервали его вопросом: „Свергнув правительство?“, и со стороны претендента на звание американского Муссолини последовал немедленный и решительный ответ: „Именно“—и он продолжал обсуждать свою программу!

„Американский Легион борется со всеми элементами, угрожающими нашему демократическому правительству—с Советами, с анархистами, с Индустриальными Рабочими Мира, с коммунистами и со всякими другими красными“.

Хвастая тем, что цель Легиона состоит в захвате политической власти, вождь Легиона сказал: „Легионеры являются необходимыми людьми с весом во всяком сословии: в торговле, промышленности, земледелии и производстве. Некоторые из них уже находятся на должностях, другие займут таковые, если соответствующие настоящие американцы не будут избраны без вмешательства Легиона“.

Не один командир Американского Легиона в восторге от итальянских фашистов и их методов действия. И другие расточают им хвалы и считают, что Америка должна подражать им. Эберт Гэри, председатель правления Стального треста, вернувшийся недавно из Италии, в восхищении от фашистского правительства и полагает, что Муссолини должен послужить для Америки образцом. Реакционные политические лидеры возвращаются из Европы, полные преклонения перед Муссолини. Один профессор Колумбийского университета,

крупнейшего университета в Америке, по происхождению итальянец, открыто формирует фашистские организации, ставя целью „борьбу с радикализмом в среде итальянских рабочих в Америке“, а председатель Ботлер заявляет вождям итальянских профсоюзов в Нью-Йорке, что профессор, ввиду существования академической свободы в университетах, имеет право развивать свою фашистскую деятельность. Председатель в свое время получивший орден от германского императора, предусмотрительно забывает в этом случае увольнение нескольких профессоров во время войны, вызванное, несмотря на существование той же академической свободы, их пацифистскими взглядами. Епископ Маннинг из церкви короля Моргана возвещает с церковной кафедры, что фашизм возродил высочайшие духовные ценности итальянского народа, и призывает американскую молодежь последовать примеру фашистов.

Таким образом, крупнейшие американские деятели в области промышленности, политики, народного образования и представители церкви согласно заявляют, что итальянский фашизм знаменует собою осуществление благороднейших стремлений человечества. А это, в переводе на обычный язык фашистов, обозначает разгром рабочего движения и длительное порабощение масс под ярмом капитализма.

Вот почему американские капиталисты поддерживают местные фашистские организации—Ку-

Клуks-Клан и Американский Легион. Вот почему они приветствуют возникновение фашистских банд среди итальянских иммигрантов в Америке и с горячим одобрением относятся к выражению таких настроений, примером которых может служить передовица в нью-йоркском фашистском журнале „Il Carroccio“, озаглавленная „Un Fascio Solo“:

„Мало быть фашистом. Надо действовать по-фашистски. Фашистам предстоит здесь работать среди многоязычных масс населения Соединенных Штатов, повторять среди рабочих союзов борьбу, которую победоносно завершил в Италии фашизм, сломив большевизм. Эта деятельность послужит связующим звеном между Соединенными Штатами и Италией“.

Итало-американские фашисты, недавно получившие через итальянского посланника в Вашингтоне привет и поощрение от своего главного вождя— Муссолини, собираются не только начать борьбу с итальянскими радикалами в Америке, но и бороться с рабочими союзами „среди многоязычных масс населения Соединенных Штатов“, т.-е. с рабочими других национальностей, включая и природных американцев. Путем этой благородной деятельности они рассчитывают установить более тесную братскую связь между Италией и Америкой. Как мы уже видели, капиталистическая Америка уж нашла общность интересов с итальянским фашизмом, в котором она видит авангард международной белогвардейщины.

Примером этой общности интересов может послужить инцидент, недавно имевший место в одном из штатов Новой Англии, где впервые явилась на свет американская демократия. Один итальянский рабочий выступал на собрании итальянцев в Уотер-бери (в Коннектикете) против фашизма. Он был арестован и привлечен к суду по обвинению в совершении недружественного акта по отношению к дружественному правительству, что по американским законам является серьезным правонарушением. Говорить против фашистов—значит нападать на итальянское правительство, с которым Соединенные Штаты находятся в дипломатических сношениях,—такова была аргументация обвинителя во время суда над итальянским товарищем. Скоро, пожалуй, и непочтительные разговоры про фашистов, эту преторианскую гвардию мировой реакции, будут считаться государственной изменой по отношению к американскому правительству.

Былая американская демократия, приходящая в трепет при одном слове „диктатура“ в программе коммунистов и засаживавшая в тюрьму сторонников этой программы, принимает теперь фашизм в свое лоно и объявляет войну всем, кто вздумает спросить ее о мотивах.

Кроме двух крупных агрессивных реакционных органов — Ку-Клукс-Клана и Американского Легиона,—есть еще несколько организаций, распространяющихся на всю страну, и много местных организаций. Члены которых ведут политику

и тактику двух вышеописанных организаций. Из таких организаций следует упомянуть Лигу Национальной Безопасности и Американское Общество Защиты, которые, кроме ведения кампаний за увеличение флота и принудительное военное обучение, принимают участие в многообразной политической деятельности против рабочих и радикалов. Во время стачки их члены одним из первых объединяются с членами торговых палат и союзов предпринимателей, образуют так называемые Комитеты граждан или „Наблюдательные комитеты“ для „защиты“ „законности и порядка“ что фактически означает применение всех законных и незаконных средств для подавления забастовки и освобождения города от рабочих организаторов или радикалов.

Итак, мы вернулись к исходной точке нашего обзора: во многих частях Америки существуют активные элементы, ждущие своего превращения в фашистские банды.

Тысячи шпионов, вооруженных наемников капитала и профессиональных штрейкбрехеров, — все они уже испытаны в фашистской деятельности. К тому же такие организации, как Ку-Клукс-Клан и Американский Легион являются превосходным материалом для фашизма, и по временам думается даже, что они перещеголяли итальянских фашистов. Если бы рабочие Америки были столь же классово сознательны и столь же дальновидны, как капиталисты, то нынешняя история

американского рабочего движения выглядела бы совершенно иначе. В стране, где 41 миллион или (по переписи 1920 года) почти 40⁰/₁₀ населения добывают себе пропитание наемным трудом, и где промышленность и финансы достигли высокой концентрации, там налицо благоприятные условия для создания организованной силы пролетариата, какой не знает ни одна страна.

Упорная борьба, которую пришлось вести американскому пролетариату за последние годы, не может не вызвать в рядах американского рабочего класса дух солидарности, классовой сознательности и активности.

Когда наступит это время, и американские рабочие, как класс, сознают свою миссию, Ку-Клукс-Клан, Американский Легион и остальные белогвардейские банды станут бессильны. Капитализм должен будет уступить дорогу более высокой форме экономического строя—коммунизму.

Фашизм в Аргентине.

А. Нин.

Настоящего фашистского движения в Латинской Америке пока еще нет. Правда, в Аргентине, Чили и Мексике уже создались ячейки, из которых впоследствии может вырасти фашистское движение. Наиболее значительное развитие такие фашистские организации получили в особенности в Аргентине.

Социально-экономическая структура страны.

Аргентина—по преимуществу земледельческая страна. Но ее громадные почвенные богатства эксплуатируются пока только частично. В Аргентине на 2.797.113 кв. км. приходится всего лишь около двенадцати миллионов жителей, из которых 1.800.000 живут в столице. Плотность населения составляет приблизительно четыре человека на один квадратный километр, а в некоторых частях этой страны живет не более одного человека на квадратный километр. Чтобы надлежащим обра-

зом использовать природные богатства Аргентины, необходимо прежде всего населить ее громадную территорию. Поэтому правительство поощряет иммиграцию. Тысячи эмигрантов, в особенности из Италии и Испании, непрерывно прибывают в Аргентину, где на двенадцать миллионов всего населения приходится $2\frac{1}{2}$ милл. иностранцев.

Мелкой земельной собственности в Аргентине почти не существует. Вся земля находится в руках очень небольшого количества собственников, которые эксплуатируют громадную массу сельскохозяйственных рабочих. Эти последние составляют крайне неустойчивый элемент. Туземные рабочие, это—номады, которые, проработав несколько недель в одной „эстанции“ (имение), перекочевывают в другую. Иностранцы, в особенности итальянцы, представляют из себя „перелетных ласточек“. Они приезжают в Аргентину ко времени сбора урожая, а по окончании работ снова уезжают в Италию.

Обрабатывающая промышленность в Аргентине очень слабо развита; почти все заводы и фабрики сконцентрированы в столице—в Буэнос-Айресе. Эта промышленность работает для внутреннего рынка и пользуется таможенным покровительством. Из других городов фабрики и заводы имеются еще в Розарио, Мендосе, Тукумане и Кордобе. Как и в других южно-американских странах, все имеющиеся в Аргентине капиталы по преимуществу иностранного происхождения, главным образом—

северо-американского. Роль Соединенных Штатов в жизни Аргентины все более и более увеличивается, и их участие в крупных трестах, которые быстро возникают, с каждым днем становится все более значительным.

Рабочее движение.

В промышленных центрах Аргентины положение рабочего класса в общем лучше, чем в Европе, так как и заработная плата выше, и восьмичасовой рабочий день был там установлен еще гораздо раньше империалистской войны. Атака капитала на завоевания рабочих началась в Аргентине совсем недавно—только в конце 1922 г. Буржуазия стремится понизить заработную плату и уничтожить восьмичасовой рабочий день. Параллельно с этим возникают и фашистские организации.

Рабочее движение в Аргентине имеет пестрый характер. Иммигранты той или иной национальности стремятся сообщить этому движению тенденции и методы своей страны. Особенно сильно здесь влияние испанских и итальянских анархистов, которые занимают видные посты в комитетах профессиональных союзов и наложили на все рабочее движение отпечаток своих теорий. Перенесенный в Латинскую Америку, анархо-синдикализм становится здесь еще более путаным, чем в Европе. Непосредственным результатом этого влияния анархистов являются забастовки, вызванные минутным настроением и неорганизованные,

часто оканчивающиеся поражением рабочих. С другой стороны, реформистская политика социал-демократов в значительной степени способствовала развитию аполитизма. Среди пролетариата царит глубокое недоверие ко всем партиям.

Репрессии.

Аргентинский пролетариат отличается чрезвычайно воинственным характером. Этому соответствует свирепость репрессий со стороны буржуазии. Эти репрессии впервые приняли систематический вид в 1901 и 1902 гг., когда разразился ряд крупных конфликтов, в особенности портовых рабочих в Буэнос-Айресе. Правительство провело тогда так называемый „закон о резиденции“. Этот преступный закон имеет главным образом в виду иностранных „профессиональных агитаторов“ и наделяет полицию чрезвычайными полномочиями. 1-го мая 1909 г. полиция стреляет в рабочую демонстрацию, в результате чего много убитых и раненых среди рабочих. В 1910 г. во время празднеств по случаю столетней годовщины провозглашения республики банды студентов и полицейских врываются в помещения рабочих организаций и производят массовые аресты. В то же время парламент принимает так называемый „социальный закон“, запрещающий бойкот, делающий почти невозможными забастовки и страшно затрудняющий революционную пропаганду. Этот закон был введен в угоду буржуазии, которая, после того как

в июне того же года в Буэнос-Айресе была брошена бомба в театре Колона, потребовала исключительных репрессивных мер. Впоследствии оказалось, что эту бомбу бросил полицейский, чтобы оправдать репрессии. В 1917 г. во время всеобщей забастовки железнодорожников произошли кровавые столкновения с войсками. В 1918 г. по случаю забастовки рабочих холодильника „Армур“ произошло избивание забастовщиков. В ноябре того же года полиция стреляет в демонстрацию, в результате чего много жертв. В январе 1919 г. полиция застрелила семь рабочих во время забастовки на металлургическом заводе „Васена“ в Буэнос-Айресе. За этим последовала всеобщая забастовка протеста. Полиция, войска, белые банды в течение недели, известной в Аргентине под именем „кровавой недели“, совершали всякого рода преступления. Рабочие организации разрушались, на наиболее сознательных рабочих устраивались облавы. Без всякого повода их арестовывали, избивали и убивали. По приблизительным подсчетам всего убито и ранено было в эту неделю 4000 человек.

В конце 1921 г. было жестоко подавлено восстание сельско-хозяйственных рабочих в Патагонии. Все сколько-нибудь заметные рабочие буквально истреблялись. Всего было убито более тысячи рабочих. Во главе карательной экспедиции стоял полковник Варела. В феврале 1923 г. он был убит в Буэнос-Айресе одним германским анархистом, Куртом Вилькенсом, который бросил в него бомбу.

Национальная ассоциация труда и Патриотическая лига.

Пока еще в Аргентине нет крупной фашистской организации, имеются только лишь ее зародыши. Аргентинская буржуазия начала организовываться в 1919 г. В этом году возникла „Национальная ассоциация труда“, к которой, под угрозой бойкота, должны были примкнуть все без различия капиталисты—крупные и мелкие предприниматели, земельные собственники, крупные и мелкие торговцы. Каждый член организации должен был платить довольно значительную сумму при поступлении и, кроме того, ежемесячные взносы. Из этих поступлений должен был образоваться фонд для борьбы с рабочим классом. Ни один хозяин не имел права заключить соглашение с рабочими или притти с ними к какому-либо компромиссу, не получив на это предварительно разрешения от главного комитета ассоциации. Правительство сделалось слепым орудием этой организации хозяев. Духовенство, с своей стороны, устраивало сборы среди буржуазии, чтобы увеличить фонд борьбы с рабочими. Все церкви превратились в казармы. На их папертях буржуазная молодежь обучалась военному строю с утра до вечера.

При содействии „Национальной ассоциации“ была создана, тоже в 1919 г., „Патриотическая Лига“. Это белогвардейская организация, имеющая свои отделения во всех городах республики. Сто-

лица и другие более важные центры делятся на подотделы, при чем каждый из них имеет специальную бригаду. Цель этих бригад—следить за рабочими, устраивать систематический шпионаж в их организациях и снабжать промышленные предприятия штрейкбрехерами в случае забастовки. Лига создала особые мастерские, которые должны готовить кадры штрейкбрехеров, она устроила также школу пропагандистов и агитаторов. Все члены Лиги имеют право носить оружие. Правительство предоставляет этой Лиге полную свободу действия и оказывает ей всяческую помощь—моральную и материальную.

Во время всех забастовок „Патриотическая лига“ оставляет следы своей кровавой деятельности. Много наиболее сознательных рабочих убито. Внутри страны пожары и убийства, устраиваемые членами этой Лиги, стали обычным явлением. В настоящий момент Лига удваивает свои провокации. Так, совсем недавно еще, в январе 1923 г., группа членов Лиги ворвалась в помещение союза рабочих картонного производства, бастовавших в то время, и ранила одного рабочего, стоявшего у двери этого помещения.

Перспективы фашизма.

Чтобы фашистское движение в Аргентине смогло приобрести значение итальянского фашизма, не хватает одного очень важного элемента: именно, в Аргентине нет нужной для этого значительной

массы мелких земельных собственников и мелкой буржуазии. Однако социально-экономическая структура страны, и в особенности крайняя неустойчивость сельско-хозяйственных рабочих масс, рассеянных по всей громадной территории, способствуют деятельности банд, составленных по преимуществу из земельных собственников, представителей мелкой буржуазии и студентов. Если бы пролетариат, отличающийся большой воинственностью, был хорошо организован и дисциплинирован, фашистское движение не имело бы никакого, даже самого отдаленного, шанса на успех. Во всяком случае, мы не думаем, чтобы фашизм в Аргентине принял настолько крупные размеры, чтобы смог захватить власть. С другой стороны, развитие фашистского движения зависит от успеха фашизма в Европе, так как все политические и социальные события в Европе всегда находят немедленный отклик в Латинской Америке.

Фашизм в Японии *).

Сен-Катаяма

(член Исполкома Коминтерна).

С исторической точки зрения Япония представляет собою хорошую почву для развития фашизма. И в самом деле, здесь мы видели целый ряд явлений, соответствующих современному фашизму. Во время феодального режима Токугавской династии, который длился около трех столетий, закончившись революцией 1868 года, в Японии уже существовал своеобразный вид фашизма, носивший имя Киокаку, нечто напоминающее средневековое рыцарство в Европе. Главным отличием Киокаку было то, что они являлись выходцами из низших общественных классов. Они всегда выступали в качестве защитников бедноты против своеволия военной касты самураев, которые безнаказанно убивали представителей низших классов.

*) Перепечатывается из „Петроградской Правды“ от 31 марта 1923 г.

От поколения к поколению переходят легенды о героических деяниях Киокаку. Даже в настоящее время эти истории являются наиболее популярным материалом для чтения и часто служат сюжетом для драм, идущих в лучших театрах Японии.

Однако, современные формы фашизма в Японии значительно отличаются от тех, какие он имел в феодальный период. Современный фашизм в Японии является чисто реакционной организацией и служит интересам реакционной клики капиталистов и правительства. Фашизм стал орудием преследования рабочих и радикального движения в стране. Главнейшие фашистские организации в Японии носят название Кокусуй-Кай, Нобушигуми и т. д. Все эти организации встречают энергичную поддержку со стороны капиталистических и милитаристских кругов и даже со стороны правительства.

Кокусуй-Кай возникла во время войны при министерстве Гарра, т.-е. в 1918 году. В это время правительство было вынуждено сделать большие усилия для подавления все растущего в стране радикального движения. Новая организация обнаружила способность вести борьбу против всех этих радикальных течений, окрашенных в социализм, анархизм и большевизм.

Пользуясь полной поддержкой со стороны правительства, Кокусуй-Кай развилась в грандиозную организацию, председателем которой в настоящее время является генерал и член верхней палаты,

а вождями—видные аристократы, профессора императорского университета, государственные и общественные деятели. Однако, кадры организации вербуются преимущественно из безответственных слоев общества и различных реакционных элементов: воров, бродяг, авантюристов и т. д. Деятельность Кокусуй-Кай весьма сходна с деятельностью итальянских фашистов или американской фашистской организации Ку-Клукс-Клан.

Выходящая в Кубе на английском языке газета „Уикли Кроникл“ дает в номере от 21 сентября прошлого года весьма удачную характеристику Кокусуй-Кай. Предпослав статье детальный обзор итальянского фашистского движения, автор обращается к японскому правительству с предостережением:

„Японское правительство должно как следует использовать этот урок, Кокусуй-Кай являет разительное сходство с фашистами. Это ярко-патриотическая и националистическая организация. Она заявляет о своем намерении защищать существующий строй Японии. Считая себя преемником Киокаку, она пытается вмешиваться в конфликты труда и запугивать то одну сторону, то другую. В самое последнее время ей дали возможность вмешаться в конфликт между Осацким маклером Ишии и банками, который во всякой другой стране давно стал бы предметом судебного разбирательства.

„Упомянутый маклер, фигура совершенно незначительная, путем удачных спекуляций сумел со-

брать большой капитал и занял крупную сумму денег из всех крупных банков страны. В момент своего банкротства он задолжал до 30 миллионов иен. Когда банки начали преследовать его, Кокусуй-Кай вмешалась в конфликт и заставила их принять свое посредничество“.

„Уикли-Кроникл“ продолжает дальше: „Недавно в Киото они разогнали социалистический митинг, избили оратора и устроили стычку, которая легко могла бы привести к кровопролитию. В то же время полиция спокойно смотрела на все эти бесчинства, так как Кокусуй-Кай находится под покровительством правительства. Аналогичные сцены произошли в Токио, где полиция также пассивно смотрела, как члены Кокусуй разгоняли митинги и избивали ораторов. Очень часты случаи запугивания отдельных лиц. Происходит, напр., ссора между двумя лицами, и члены Кокусуй либо по своей инициативе, либо по просьбе одного из спорщиков вмешиваются в конфликт. Если их посредничество отклоняется, они переходят к угрозам и, как мы это видели в случаях с осацкими банкирами, никто не осмеливается обратиться за помощью к полиции, либо боясь мщения, либо полагая, что полиция и власти неофициально поддерживают этих людей.“

„Кокусуй является продуктом националистической системы воспитания, основанной на средневековых идеях. Главным их оружием, как и у итальянских фашистов, является насилие. Правительство,

поддерживая эту организацию и оказывая ей всяческое покровительство, тем самым подкапывает почву под своими собственными ногами и на место закона подставляет дикость примитивного общества“.

Было установлено много случаев насилия со стороны членов Кокусуй, которые неоднократно доходили до простого грабежа и вымогательства“. Однако, полиция всегда становится на их сторону и ничего против них не предпринимает. За последние месяцы члены организации Кокусуй ведут себя более сдержанно и реже прибегают к вымогательству в крупных городах, вроде Токио и Осаки, где рабочие союзы достаточно сильны, чтобы выступить против них. За последние 6—7 месяцев члены Кокусуй проявляли усиленную деятельность на одном из южных островов Кю-Шиу, где Содомей (конфедерация труда) приступила к организации углекопов. Здесь Кокусуй субсидируются угольными баронами, которые посылают их изгонять рабочих-агитаторов и срывать рабочие митинги. Между членами Кокусуй имеется много бывших солдат, служащих интересам класса капиталистов.

Последние выступления Кокусуй, о которых сообщала печать, заключались в покушениях на убийство коммунистических вождей. За последний год два раза было произведено покушение на жизнь тов. Тошикихо-Саккай, выдающегося лидера японского коммунистического движения. Тов. Саккай — самый активный и способный из деятелей японского

коммунистического движения за последние 25 с лишним лет: он вел борьбу против эксплуататоров, правительства и капиталистов в продолжение самого мрачного периода, следовавшего за разгромом революционного движения, когда 12 товарищей было повешено, а 12 других приговорено к пожизненному тюремному заключению. Он является хорошо известным писателем и автором ряда социалистических и прочих книг. Первое покушение окончилось неудачей, и преступник был арестован прежде, чем он успел осуществить свое намерение. Однако, он был отпущен без всякого наказания и приговорен лишь условно к не продолжительному тюремному заключению, которое, впрочем, подлежало полной отмене, в случае если в продолжение известного времени он не повторит какого-либо нового уголовного преступления. Ободренные попустительством правительства, члены Кокусуй осмелели и обнаглели. В декабре прошлого года покушение на тов. Саккая вновь повторилось. Токийская газета Ничипичи на трех с лишним колонках печатает отчет о покушении на Саккая. Преступник — армейский офицер и в настоящее время служит в генеральном штабе. Он имеет медаль за хорошую службу. 15 сентября вечером он явился к тов. Саккаю и преподнес ему в подарок ордер на фунт сахара, в виде благодарности за содействие в приискании службы. Разумеется, Саккай отказался от этого подношения. В этот момент офицер нанес удар

Саккаю железным ломом. Саккай вступил в борьбу с преступником и вырвал его оружие. Тогда тот извлек из ножен свой штык и ударил его в грудь. В течение некоторого времени Саккай, несмотря на наносимые ему раны, успешно сопротивлялся, но в конце-концов силы изменили ему, и он упал в обморок. Убийца, сочтя, очевидно, его мертвым, пустился бежать. Преступник сам отдал себя в руки полиции. Во время следствия, которое велось полицией и военными властями, ясно обнаружилось, что власти сами пытаются всячески выгородить виновника преступления.

В самое последнее время вожди Кокусуй-Кая, ободренные успехом итальянского фашистского движения и известием о захвате власти Муссолини, приступили к созданию собственной политической партии. Новая партия называется Ай-Коку-То (патриотическая партия). Единственной целью партии выставлены защита отечества и служение интересам Микадо. Лидеры Ай-Коку-То принадлежат к известной ультра-реакционной шайке. Так, например, в эту организацию входят профессор Чинкичи-Вессуги из императорского университета, майор Сато и ренегат социализма Такабатако. Все они — консерваторы и пытаются подавить радикальное движение, в особенности же стремятся во что бы то ни стало раздавить коммунистическое движение. Правительство и капиталисты всячески поддерживают новую партию. Таким образом, Япония отнюдь не стоит в стороне

от мирового фашистского движения и имеет свою долю заслуг в реакционном движении капиталистического мира.

В Японии есть еще другая организация, которая служит правительству и капиталистам по примеру итальянских фашистов. Имя ей — Зайго-Гунджин-Кай. Она имеет свои отделы во всей стране; во главе ее стоят старые кадровые офицеры. Члены этой организации вербуются исключительно из отставных солдат, живущих в деревнях. В прошлом члены Зайго-Гунджин-Кай оказали немало услуг правящим классам. Так, например, во время грандиозных рисовых беспорядков 1918 года члены этой организации взяли на себя грязное дело подавления народного движения, расстреливая и избивая его участников. Хотя на место действия были вызваны значительные отряды солдат, однако, правительство сочло более благоразумным употребить для разгона мятежников бывших солдат из организации Зайго-Гунджин-Кай. После событий 1918 года правительство считало эту организацию весьма важным орудием борьбы с радикальным движением. В настоящее время правительство реорганизовало Зайго-Гунджин-Кай и поставило во главе ее офицеров регулярной армии.

По мере роста влияния большевиков и радикальных течений среди японского пролетариата, а также быстрого пробуждения его классового самосознания, деятельность японских фашистов

становится всё более интенсивной, приближая конечное столкновение между пролетариатом и капиталистическим классом. Коммунистическая партия, равно как революционные рабочие союзы, как, например, союз металлистов и федерация горнорабочих, совместно с прочими радикальными рабочими организациями готовятся к борьбе, и мы надеемся, что они будут в состоянии успешно вести борьбу против Кокусуй-Кай и других реакционных организаций. Благоприятным обстоятельством для рабочих является то, что за этими организациями нет никаких масс, кроме полиции, жандармерии и солдат. Однако, и эти последние все более и более подпадают под влияние либерального и радикального движения. Таким образом, японский пролетариат должен опасаться не столько солдат, сколько полиции и жандармов. Японскому фашизму благоприятствует рост европейского фашизма; однако, японский пролетариат сумеет использовать опыт европейских рабочих, ведущих борьбу с фашистским движением. Он докажет, что японский пролетариат солидарен с рабочими всего мира.

Заключение.

Н. Мещеряков.

Распространение фашизма.

Предыдущие статьи сборника дают характеристику фашизма в Италии, в Германии, Австрии, Чехо-Словакии, Юго-Славии, Испании, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Польше и Румынии. К сожалению, отсутствуют статьи относительно Швейцарии, Бельгии, Франции, Скандинавии, Болгарии и Греции. Но во всех этих странах точно также существуют фашистские организации. Из всех европейских стран только Англия (и, кажется, Голландия) свободны пока от фашизма: в этих странах революционное движение пролетариата пока еще слабо, оно не приняло еще опасных для буржуазии размеров; буржуазия там чувствует себя еще крепко и не прибегает пока к таким героическим и рискованным способам борьбы, как фашизм. Но и относительно этих стран уже есть признаки, указывающие, что в близком будущем, когда революционная борьба пролета-

риата усилятся, и в них возникнет в той или иной форме фашистское движение. Относительно Англии на эту опасность уже указывал недавно в парламенте один из депутатов Рабочей Партии.

Таким образом фашизм уже стал явлением, которое охватило или охватывает все страны Европы.

Мало того, фашизм образовал или образует свои иногда очень серьезные организации в различных капиталистических странах вне Европы (Соединенные Штаты, Аргентина, Япония). Фашизм возникает всюду, где имеется более или менее сильная буржуазия, а на-ряду с ней революционное движение пролетариата.

Еще очень недавно широко было распространено мнение, что фашизм является результатом мировой войны. Утверждали, что фашизм есть явление, свойственное только странам, оказавшимся победительницами в этой войне. В действительности фашизм существует и в странах-победительницах (Италия, Франция, Соединенные Штаты, Юго-Славия, Румыния, Япония), и в странах побежденных (Германия, Австро-Венгрия, Болгария) и в странах, никакого участия в войне не принимавших (Нидерланды, Швейцария, Скандинавия). Фашизм связан с войной только постольку, поскольку с нею связана назревающая мировая пролетарская революция.

Фашизм возникает и успешно развивается как в странах монархических (Италия, Испания, Румыния, Болгария, Япония), так и в странах рес-

публиканских (Германия, Соединенные Штаты, Польша, Эстония, Финляндия, Литва и т. п.).

Фашизм не существует только в таких странах, где нет буржуазии или где она придавлена диктатурой пролетариата (Советские страны) или где еще не возникло сколько-нибудь сильного революционного движения пролетариата.

Бывший представитель Р. С. Ф. С. Р. в Норвегии — т. Суриц — рассказывал мне, например, что в Норвегии до последнего времени не было сколько-нибудь сильного фашистского движения. Но стоило туда приехать т.т. Радеку и Бухарину и произнести речи на съезде коммунистической партии, как норвежская буржуазия испугалась, и буржуазное студенчество стало образовывать фашистские организации.

Таким образом фашизм является неизбежным спутником пролетарской революции. Фашизм — это мрачная, черная тень коммунизма. По мере роста в стране коммунизма растет и его тень — фашизм. Только полное торжество света над мраком, только полная победа пролетариата, который раздавит буржуазию, освободит человечество от этой черной тени.

Фашизм существует и в странах с сильно развитой промышленностью (Германия, Соединенные Штаты, Франция, Италия) и в странах аграрных (Литва, Румыния, Эстония и т. п.). Орудием фашизма пользуются и промышленная буржуазия, и землевладельцы.

Классовый характер фашистского движения.

Тов. Н. И. Иорданский утверждает в своей статье, что фашизм есть движение мелких буржуа-собственников и консерваторов, вступающих в борьбу с городом. „Для укрощения и подчинения буйного и греховного „мирового города“ — говорит он — необходимы реальные силы. Эти реальные силы международный фашизм находит в деревне и в провинции, т.е. в крестьянстве и мелкой городской буржуазии“. Итальянский фашизм носит, по его словам, „крестьянско-кулацкий характер“. Фашизм, по его мнению, „порождение крестьянско-кулацкой стихии, которая притягивает к себе мелкобуржуазные элементы городского населения: служащих государственных учреждений и частных предприятий, учащуюся молодежь, часть интеллигенции“.

Верны ли эти утверждения?

Для доказательства своей мысли т. Иорданский приводит данные о составе итальянской фашистской партии, приведенные мною в статье „Последняя форма буржуазной диктатуры“. Далее тов. Иорданский очень своеобразно группирует приведенные им цифры. Он объединяет все элементы фашизма в три группы: городские занятия, смешанные занятия и сельские занятия. В первую группу у него попадают капиталисты, рабочие, интеллигенты и учащиеся. Во вторую — служащие и тор-

говцы. В третью — землевладельцы и сельскохозяйственные рабочие.

Но такая группировка явно недопустима. Нельзя зачислить в одну категорию капиталистов и рабочих только потому, что и те и другие живут в городе. Нельзя городским рабочим противопоставлять сельскохозяйственных рабочих; и те и другие принадлежат к одному классу, и в Италии и те и другие шли за социалистической партией. Нельзя разносить в три группы капиталистов, торговцев и землевладельцев-помещиков, ибо основные интересы этих групп в борьбе против трудящихся одинаковы, а политическая ориентировка более или менее сходна. Кроме того, фабрики и заводы часто расположены вне города, а потому т. Иорданский должен был бы причислить рабочих этих фабрик к сельскому населению. Тов. Иорданский этого выделения резонно не делает, ибо нельзя делить пролетариат на две части только в зависимости от того, где живет тот или другой рабочий. Но сельскохозяйственных рабочих он почему-то выделяет из общей массы рабочих. Явно, что такой метод группировки никуда не годится.

Да и что доказывают цитаты т. Иорданского? На долю „сельских занятий“ (т.-е. „землевладельцев и сельскохозяйственных рабочих“) по его подсчету приходится 51.951 чел. из 148.643. „Таким образом „деревня“ даже по весьма несовершенным статистическим данным составляет более

трети живого инвентаря фашистской армии“ — заключает т. Норданский.

Напомним еще раз, что в этой „деревне“ имеются два слоя: землевладельцы (18,084) и сельско-хозяйственные рабочие (33.847).

Вспомним также, какими насильственными мерами загоняют фашисты сельско-хозяйственных рабочих и мелких крестьян в свои организации. Против них пускаются в ход поджоги, грабежи, избиения, убийства, угрозы лишения работы. В глухой деревне террор сильнее, чем в большом городе; мало-сознательные сельско-хозяйственные рабочие и крестьяне не в силах оказать такого отпора, как сплоченные и гораздо более сознательные рабочие большого города. И тем не менее только треть фашистской армии состоит из „деревенских“ элементов, в число которых входит 18.084 землевладельца. Но ведь сельское население Италии составляет значительно более трети населения страны. Выходит, что „деревня“ представлена в итальянском фашизме значительно слабее, чем город.

И методы доказательств и выводы т. Норданского, поскольку они касаются Италии, решительно неверны.

Но положим даже, что малосознательная „деревня“ (крестьяне и сельско-хозяйственные рабочие) составляли бы даже гораздо более крупное большинство в рядах итальянского фашизма. И это не позволяло бы утверждать, что этот фашизм

носит „крестьянско-кулацкий характер“, так же, как нельзя было бы утверждать, что русские белогвардейские армии, в которых крестьянство (насиленно мобилизованное) составляло большинство, были крестьянскими армиями.

Буржуазия и элементы, тесно к ней примыкающие, составляют всегда очень незначительное меньшинство в стране. А для борьбы с революционным пролетариатом и крестьянством нужны массовые организации. Итальянские фашисты формировали свою армию сначала из добровольно примыкавших к ней буржуа, помещиков, буржуазных студентов, интеллигентов, всецело примкнувших к буржуазии и т. п., так же, как русские белогвардейские генералы формировали свои армии сначала исключительно из офицеров, буржуазных студентов и т. п. Но этих элементов оказалось слишком мало, и генералы начали насильно включать в свои „добровольческие“ армии крестьян. Так же поступили и итальянские фашисты. Но командование фашистской армией осталось всецело в руках буржуазии, и поэтому фашистская организация и носит всецело буржуазный характер. Ведь нельзя же полицию любого буржуазного государства назвать „крестьянской“ организацией только потому, что большинство низших агентов полиции — выходцы из деревни. Надо смотреть, кто руководит этой полицией, чьи интересы она защищает, против кого она борется.

А итальянские фашисты энергично боролись и борются против сельско-хозяйственных рабочих и крестьянства.

Несколько иной характер имеет фашистское движение в прибалтийских государствах (Эстония, Латвия и т. п.).

Здесь нет крупной промышленности или она очень слаба; слаба поэтому и промышленная буржуазия. Здесь наибольшие угрозы буржуазной собственности идут из деревни, со стороны мало-земельного крестьянства. Здесь есть сильное „крепкое крестьянство“. Его то и толкают в фашистские организации капиталисты и помещики. Здесь, действительно, фашистское движение носит в значительной степени „крестьянско-кулацкий“ характер. Но все-таки штабом и руководителем этого движения и здесь, как и повсюду, является крупная буржуазия.

Идеология фашизма.

Тов. Сандомирский в своей книге „Фашизм“ категорически утверждает, что у итальянского фашизма нет никакой идеологии. Напротив того, тов. Иорданский так же категорически пишет: „в фашизме буржуазия, потрясенная кризисом капитализма, стремится противопоставить социализму новую идеологию и новые государственные формы, которые связали бы духовно и физически революционный пролетариат“.

Какое же из этих двух утверждений верно?

Посмотрим, что говорят факты.

В Италии Муссолини начал свою фашистскую работу под знаменем социализма. Это было необходимо для начала, ибо иначе его никто не стал бы слушать. Только к голосу социалиста могли в то время прислушиваться массы. А когда фашизм создал свои кадры, когда он укрепился, он сбросил социалистическую маску и открыто называет себя синонимом „антиколлективизма“.

В Германии, где социалистическое и коммунистическое движение очень сильно, фашисты также действуют пока под флагом социализма. Они называют себя „национально-социалистической партией“. Они демагогически выставляют в своих брошюрах требования „обобществления“ крупных промышленных предприятий“, „упразднения нетрудовых доходов“, „уничтожения военных прибылей“ и т. д. и т. п. Но все это одна демагогия, для уловления наивных и простодушных. Фактически деятельность немецких фашистов сводится к борьбе против коммунизма, против пролетариата. В нужный момент и немецкий фашизм сбросит с себя псевдо-социалистическую маску и покажет свое истинное лицо озверелого буржуа, защищающего свою собственность.

Муссолини выступил как республиканец. Он грозил монархии, если король не решится объявить войну Германии. Еще в октябре 1922 г. он был республиканцем и снова грозил королю рево-

люцией, если тот не согласится назначить фашистское правительство. Король уступил, и Муссолини стал монархистом.

Фашизм существует и в странах монархических (Италия, Испания, Румыния, Юго-Славия, Болгария, Скандинавия) и в странах республиканских. Фашизм умеет мириться и с монархией, и с республикой — со всякой формой правления, лишь бы она была полезна в данный момент для интересов буржуазии. А если она перестает быть таковой, фашизм быстро и ловко перейдет на другую позицию. И здесь у фашизма нет никакой единой или прочно установленной идеологии.

Итальянские фашисты вели ожесточенную борьбу с католической партией „пополяри“, включающей в себя много крестьян. А став у власти, они стремятся к сближению с буржуазными верхами этой партии. Сам лично неверующий, фашистский министр народного просвещения в Италии, вводит в школах преподавание религии и обязательное вывешивание религиозных эмблем (распятия), ибо упадок религиозных чувств в народе является одной из причин революционного брожения.

Фашизм готов объявить войну религии, если ее представители осмелятся стать (хотя и очень робко) на сторону народа. Но он будет усердно поддерживать религию, если она предохраняет от революции. И религия для фашизма не имеет никакой самодовлеющей идеологической ценности.

Религия хороша и полезна только как орудие в борьбе против революционного пролетариата, только как средство затемнения его сознания.

Антисемитические выступления играют крупную роль в деятельности фашистов во многих странах (Австрия, Румыния, Польша, Литва и т. д.). Но антисемитической струи, повидимому, совсем нет, например, у итальянских фашистов. Даже такую убогую доктрину, как антисемитизм, нельзя зачислить в состав постоянной идеологии фашизма, хотя антисемитизм и играет очень большую роль в выступлениях фашистов большинства стран.

Фашисты старательно культивируют национализм. Дурманом национализма они хотят отравить сознание рабочих, отвлечь их от идеи международной солидарности пролетариата, отвлечь внимание трудящихся от вопросов внутренней политики в сторону вражды к другим нациям, возложить в глазах трудящихся на другие нации ответственность за всю ту разруху жизни, которую причиняли и продолжают причинять они сами. Культ национализма, культ ненависти к другим нациям нужен фашизму и для того, чтобы держать народ готовым к новым войнам, которые замышляют империалисты всех стран. Политика национализма составляет одну из самых главных частей идеологии фашизма во всех странах.

А между тем в действительности мы видим, что фашисты одной страны очень часто под-

держивают фашистов другой страны даже тогда, когда они ведут друг против друга бешеную агитацию. Зарождающийся фашизм Чехо-Словакии устанавливает связь с германским фашизмом, несмотря на национальную борьбу чехов и немцев. Австрийские фашисты получают помощь от Муссолини. Образовавшийся в Константинополе из русских белогвардейцев „Российский Отдел ополчения фашистов“ заявляет в своем воззвании, что „русский фашизм есть соратник и деятельный хранитель заветов своего европейского собрата“. Румынские фашисты ведут деятельные сношения с реакционными организациями Германии, хотя политически Германия и Румыния находятся во враждебных лагерях. Посредником в этих сношениях является венгерский банк в Будапеште, хотя политические отношения между Венгрией и Румынией крайне натянуты. Венгерские фашисты устанавливают связь с австрийскими, германскими и итальянскими. Французское правительство покровительственно относится к образованию во Франции ячеек итальянских фашистов. Образование таких же организаций поощряется и в Соединенных Штатах. Несмотря на крайне враждебные отношения между Юго-Славией и Италией, юго-славские фашисты приветствуют каждый новый подвиг своих итальянских братьев. Германские фашисты призывают германский народ к борьбе с насилиями Франции, но, несмотря на это, французские националистически настроен-

ные фашисты поддерживают германских фашистов.

Таким образом и национализм играет в идеологии фашистов очень своеобразную роль.

Фашисты никогда, конечно, не откажутся от национализма, как от крайне мощного орудия для одурачения масс. Они не откажутся от него и потому, что он будет для них необходим при будущих неизбежных войнах. Но, патривая народы друг против друга, фашисты этих народов будут в дружеских, союзнических отношениях друг с другом. Национализм, мешающий международному объединению пролетариата,—для низов народа, фактическое международное объединение буржуазии всех стран — для эксплуататорских элементов. Такова практика фашизма, которая должна прикрываться трескучими фразами о благе своей страны, о засилии других стран и т. п. националистическими выпадами.

Конечно, открыто существующего международного фашистского объединения, так сказать „фашистского интернационала“, не будет, ибо открытое образование такового испортило бы всю столь выгодную для фашистов их националистическую травлю. Но скрытый, тайный фашистский интернационал находится на пути к образованию.

Итак, по отношению к важнейшим вопросам идеологии фашизм обнаруживает действительно полное отсутствие какой-нибудь прочно установленной идеологии. Ко всякому вопросу фашизм

подходит не с точки зрения отвлеченного, теоретического принципа, а только с точки зрения тактики. В зависимости от обстоятельств фашизм может прикрываться какой угодно идеологией, используя ее в интересах защиты интересов буржуазии. В области тактики фашизм обнаруживает замечательную гибкость и приспособляемость. Защита интересов буржуазии, утверждение ее диктатуры против диктатуры пролетариата—такова основная заповедь фашизма. Для достижения этой цели фашизм готов использовать какую угодно тактику, не стесняясь заимствовать то, что ему нужно, конечно, *mutatis mutandis*. В очень значительной степени даже у своих злейших врагов—коммунистов.

Эволюция фашизма.

Фашизм представляет нечто совершенно новое, изобретенное современной, западно-европейской и в частности итальянской буржуазией. Первые организации, которые можно назвать предшественниками современного фашизма, возникли в России лет двадцать тому назад, в эпоху революции 1905 года.

Эта революция выдвинула тогда угрозу не только царизму, но и тем слоям, интересы которых защищало самодержавие,—помещикам и буржуазии. Борьба против самодержавия грозила перейти в борьбу против всего феодального по-

мещичье-буржуазного строя. И в эпоху революции 1905 года аппарат старой государственной машины оказался сильно расшатанным. Он отказывался работать против приходивших в революционное движение народных слоев. Войска неохотно выступали против рабочих и крестьян; в самих войсках начиналось революционное брожение; суды оправдывали революционеров: даже в среде полиции замечалась нерешительность и робость, нежелание рисковать жизнью в борьбе против растущего революционного движения. Старые легальные (в понимании свирепого самодержавия) средства борьбы против революции оказывались недостаточными. Императоризм вступил на путь создания новых организаций, на путь формирования „классовой милиции“; а вся совокупность действий этой милиции явилась полнейшим отрицанием всякой законности.

В роли такой „милиции класса“ выступили тогда различные черносотенные организации — Союз Русского Народа, Союз Михаила Архангела, Общество хоруговеносцев и т. п.

В эти организации входили помещики, буржуазия, значительная часть студенчества, многие мелко-буржуазные элементы, темные, не достигшие еще классового сознания элементы рабочего класса и, наконец, чисто уголовные элементы, преступники-профессионалы.

Тактика этих организаций выражалась в избивании революционеров и рабочих, а иногда и

интеллигенции, которую реакция целиком зачисляла в состав революционеров, в еврейских погромах, грабежах, убийствах и тому подобных насилиях. Власть снисходительно смотрела на эти бесчинства и беззакония. Цель движения заключалась в том, чтобы запугать революционеров и рабочих, выбить из них всякую мысль о революции. Идеологически движение прикрывалось националистическими лозунгами, а на-ряду с ними иногда охотно выставляло демагогические лозунги, взятые из арсенала социализма. В общем же идеология русского черносотенства была самая убогая.

Сходство между этими русскими черносотенными организациями эпохи 1905 года и современным фашизмом громадное.

Мысль о создании подобных же организаций для борьбы с нарастающим революционным движением была брошена в России и в период революции 1917 года. В то время меньшевик Войтинский замыслил карательную экспедицию с фронта против крестьян и рабочих, а Станкевич предлагал „поставить на очередь создание специальных надежных отрядов из социально - высших классов“.

„Мне казалось — пишет Станкевич в своих „Воспоминаниях“ — необходимо было создать возможно более военных училищ, так как под этим видом легче всего было бы осуществить меру. Я представлял себе, что в каждом значительном городе или около каждой значительной станции

должна была быть одна школа прапорщиков, которая должна была служить опорой порядка“.

Успех октябрьской пролетарской революции помешал осуществлению этого чисто фашистского проекта.

Наконец, вся деятельность различных русских белогвардейских правительств, силой устанавливавших диктатуру буржуазии и помещиков и вводивших режим самого безудержного и „беззаконного“ террора против рабочих и крестьян,— была также в сущности прообразом фашизма.

Все эти русские белогвардейские организации начинали свою работу, привлекая сперва на основах добровольчества чисто буржуазные и родственные им интеллигентские элементы (очень часто учащуюся молодежь). Но на одних этих элементах далеко не уедешь. Они хороши только для образования первых кадров. Для борьбы с народными массами нужно иметь в своем распоряжении также массы. Среди темных масс мелкой буржуазии, крестьян, даже рабочих велась демагогическая пропаганда, прикрываемая „социалистическими“ лозунгами. Массы загонялись в организацию угрозами и насилием. Организация росла, разбухала. Временно сила ее увеличивалась. Но позже сильно вовлеченные демократические элементы прозревали в процессе борьбы и начинали разлагать организацию. В конце концов в критический момент они взрывали ее изнутри.

Развитие итальянского фашизма шло так же, как ранее шло развитие его русских прообразов.

И в Италии „скадры“ формировались сперва из добровольно вступавших в них членов, главным образом из среды буржуазии, землевладельцев, интеллигенции и учащихся. И в Италии ряды фашистов заполнялись чисто уголовными элементами.

Позже — особенно после того, как фашизм овладел властью, — он начинает насильно включать в свои ряды (угрозами и прямым террором) массы крестьян и рабочих. Фашисты силой овладевают рабочими и крестьянскими кооперативами, создают свои профессиональные союзы, под угрозой лишения работы заставляют входить в них массы рабочих. Фашизм стремится внедриться в рабочее движение.

Путь развития тот же, что и у русских чернотенцев, только итальянский фашизм проходит его скорее.

Внешне итальянский фашизм обнаруживает громадные успехи. Он собрал в своих организациях многие сотни тысяч членов. В его руках много рабочих организаций.

Но внутри уже ясно заметна гниль организации. Фашистские профсоюзы иногда уже образуют единый фронт с коммунистами в борьбе против наступления капитала (Турин). В фашистских кооперативах на общих собраниях выбирают ком-

мунистов. Фашистская „зубатовщина“ оказывается гораздо менее долговечна, чем ее русский прообраз.

При нормальных, мирных условиях рабочие фашистские организации могут еще просуществовать довольно продолжительное время. Но не нужно быть пророком, чтобы сказать, что в первый же критический момент рабочие и крестьянские элементы итальянского фашизма внесут разложение в партию. Тогда примет серьезные и опасные формы и борьба различных течений и лиц в руководящих верхах фашизма, что еще более усилит революционное движение в низах фашизма и вне его и поведет к окончательному взрыву и гибели всего движения.

Но взамен разбитого извне и взорванного изнутри фашизма буржуазии будет нечего выставить, ибо „демократию“, „законность“ и соглашательство она убивает теперь собственными руками. А по пути явной буржуазной диктатуры дальше идти некуда. Фашизм является последней формой такой диктатуры.

Оглавление.

	Стр.
Предисловие	3
Н. Мещеряков. Последняя форма буржуазной диктатуры.	7
Н. Иорданский. Судьбы фашизма.....	69
Гейнце Меллер. Фашизм в Германии	94
Нинодими (Лондонский). Фашизм в Австрии.....	119
Андреас Нин. Фашизм в Испании.....	135
В. Костржева. Теория и практика польского фашизма...	147
В. Мицневич-Калсукас. Фашизм в Литве	158
О. Дзенис. Фашизм в Латвии.....	188
Г. Лопатинский. Фашизм в Эстонии.	196
И. Ласси. Финляндия, как классическая страна фашизма.	209
А. Гольдфарб. Фашизм в Чехо-Словакии	215
Г. Пенев. Фашистские организации в Юго-Славии.....	228
С. Тимов. Фашистское движение в Румынии.....	233
А. Трахтенберг. Фашизм в Америке.....	238
А. Нин. Фашизм в Аргентине.....	259
Сен-Наталяма. Фашизм в Японии.....	267
Н. Мещеряков. Заключение	270

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва — Петроград.

- Антанта и Врангель.— „Сборник статей“. Вып. I. 1923 г. Стр. 271. Ц. 75 к.
- Бисмарк О.— „Вильгельм II“. Воспоминания и мысли. С пред. М. Павловича. 1923 г. Стр. 175. Ц. 75 к.
- Витте С. Ю.— „Воспоминания“. „Царствование Николая II“. Т. I. 1922 г. Стр. 471. Ц. 2 р. 25 к.
- Его же.— „Воспоминания“. „Царствование Николая II“. Т. II. 1923 г. Стр. 518. Ц. 2 р. 25 к.
- „IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала“
Избранные доклады, речи и резолюции. 1923 г. Стр. 427. Ц. 75 к.
- Зиновьев Г.— „Об антисоветских партиях и течениях“. 1922 г. Стр. 55. Ц. 20 к.
- Его же.— „Коминтерн за работой“. Проект проблем Коминтерна и его секций. Изд. 2-е. 1923 г. Стр. 295. Ц. 50 к.
- Его же.— „Политический отчет Центрального Комитета Партии“ (XII Съезд Р. К. П.). Стр. 124. Ц. 25 к.
- Его же.— „Очередные вопросы. Наши задачи. Государство и партия“. 1923 г. Стр. 95. Ц. 20 к.
- Гуль Р.— „Ледяной поход“ (с Корниловым). Предисловие Н. Д. Мещерякова. 1923 г. Стр. 164. Ц. 50 к.
- Игельстром В.— „Очерки современной Финляндии“. 1923 г. Стр. 79. Ц. 20 к.
- Иоффе А. А.— „От Генуи до Гааги“. Сборник статей. 1922 г. Стр. 43. Ц. 15 к.
- Наменов Л. Б.— „Меньшевики в первой русской революции“. 1923 г. Стр. 95. Ц. 20 к.
- Кейнс Д. М.— „Экономические последствия Версальского мирного договора“. 1922 г. Стр. 197. Ц. 70 к.
- Его же.— „Пересмотр мирного договора“ (продолж. „Эконом. послед. Верс. мирн. договора“). 1922 г. Стр. 144. Ц. 70 к.
- Нурлов П.— „Конец русского царизма“. Воспоминания бывшего командира корпуса ландмарков. С пред. М. Павловича. 1923 г. Стр. 396. Ц. 75 к.
- Ленин Н. (Ульянов В.)—Статьи. Странички из дневника. Как нам нужно реорганизовать Рабкрин. 1923 г. Стр. 92. Ц. 20 к.
- Его же.— „Пролетарская революция и ренегат Каутский“. 1923 г. Стр. 106. Ц. 25 к.
- Ледер Ц.— „Наступление капитала и единый пролетарский фронт“. Стр. 68. Ц. 15 к.
- Лозовский А.— „Рабочая Франция“. (Заметки и воспоминания.) 1923 г. Стр. 139. Ц. 25 к.
- Его же.— Мемуары Германского кронпринца. С пред. В. Крижина. Стр. 269. Ц. 75 к.

- Носке Г.—„Записки о германской революции“. (От восстания в Киле до заговора Каппа.) 1922 г. Стр. 186. Ц. 60 к.
- Палеолог М.—„Царская Россия“. Перев. и пред. М. Павловича. 1922 г. Стр. 314. Ц. 1 р.
- Раден Н.—„Внешняя политика Советской России“. 1923 г. Стр. 111. Ц. 25 к.
- Рой М. Н.—„Новая Индия“. Очерки эконом. и политич. развития страны. Под ред. и с пред. Суницы. 1923 г. Стр. 200. Ц. 60 к.
- Сандомирский Г. Б.—„Фашизм“. С 23 рис. и 2 докум. 1923 г. Стр. 153. Ц. 80 к.
- Сокольников Г.—„Реформа продналога“. 1923 г. Стр. 39. Ц. 5 к.
- Султан-Заде А.—„Экономика и проблема национальных революций в странах Ближнего и Дальнего Востока. 1922 г. Стр. 184. Ц. 50 к.
- Троцкий Л. Д. и Раковский Х.—„Очерки политической Румынии“. 1922 г. Стр. 151. Ц. 1 р.
- Троцкий Л. и Кабанчиков Х.—„Очерки политической Болгарии.“ Стр. 203.
- Уэлло Г.—„Международная катастрофа“ 1914 года и ее последствия. С пред. Р. Арского. Стр. 128. Ц. 50 к.
- Шмидт О. Ю.—„Математические законы денежной эмиссии“. Оттиск из журнала „Вестник Социалистической Академии“ № 3 за 1923 г. Стр. 17. Ц. 25 к.
- Штейн Б. Е.—„Генуэзская конференция“. Стр. 126. Ц. 20 к.
- Его же.—„Торговая политика и торговые договоры Сов. России“. 1917—1922 г.г. 1922 г. Стр. 247. Ц. 65 к.
- Шейдеман Ф.—„Крушение Германской империи“. С пред. М. Павловича. Стр. 326. Ц. 75 к.
- Фашизм в Италии. Сборник статей под ред. Н. Л. Мещерякова. Стр. 100. Ц. 20 к.
- Эйдус Х.—„Очерки рабочего движения в странах Востока“. 1922 г. Стр. 93. Ц. 30 к.

Цены обозначены в червонцах по курсу Госбанка.

Торговый сектор Государственного Издательства.

Москва: Ильинка, Биржевая пл., Боголюбский, 4, тел. 47-35.
 Петроград: Проспект 25 Октября (Невский), 28, тел. 5-49-32.

Магазины Торгсектора.

Москва: 1) Советская пл., под гост. б. „Дрезден“, тел. 1-28-94
 2) Моховая ул., под гост. б. „Националь“, тел. 1-31-50; 3) Ул. Герцена (В. Никитская), 13, зд. Консерватории, тел. 2-64-95; 4) Никольская ул., д. 3, тел. 49-51; 5) Серпуховская пл., 1/43, тел. 2-84-82; 6) Кузнецкий мост, 12, тел. 1-01-35; 7) Лялинский пер., 11; 8) Мал. Харитоньевский пер., 4.

Петроград: 1) Проспект 25 Октября (Невский), 28; 2) Ул. Володарского (Литейный пр.), 21; 3) Проспект 25 Октября (Невский), 13.

1 руб.